

ВОКРУГ **СВЕТА**

4 1962
АПРЕЛЬ

Нас светлые
дали зовут...

Встреча с утром всегда будит особые мысли и чувства.

Утро приносит обновленные надежды и свежую бодрость. Впереди большой день — день труда, достижений, новых дорог.

Такое особое чувство хорошо знакомо нам, советским людям. XXII съезд Коммунистической партии, принявший новую Программу КПСС, возвестил новый день в жизни страны. Программа пронизана величайшим историческим оптимизмом, основанным на знании законов развития общества. И тем значительнее этот документ, что он тщательно продуман в целом и в частностях, выверен по чувствам, мыслям и накопленным силам народа.

Что означает Программа, этот Коммунистический манифест XX века, для нас, для молодого поколения? Об этом пойдет подробный разговор на комсомольском съезде, который состоится в апреле 1962 года. Коммунистическая партия, партия Ленина, снова — в нынешних исторических условиях — дает нам главную перспективу жизни. Партия торжественно провозгласила: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Светлые дороги, ведущие в прекрасную даль, открылись перед нами. И мы уже идем по этим дорогам. Каждый, кем бы он ни был, сверяет свои силы и таланты с планами и целями всей страны.

Целеустремленность советской молодежи родилась не вчера. Мы приняли идеи коммунизма в наследство по эстафете поколений, от старших товарищей — вместе с построенным их руками социализмом, вместе с общенародными заводами и институтами, вместе с передовой наукой и культурой, вместе с опытом революционного творчества.

Идейная убежденность и рождает среди нас героев, она возвышает наши помыслы. В комсомольской путевке нынешнего поколения юных записаны те же слова, с которыми вступали в жизнь наши отцы:

«Направляется туда, где трудно...»

Для нашей молодежи не было и нет более важной и более почетной задачи, чем выполнять наказы партии, всегда находиться на передовых участках борьбы за коммунизм. Миллионы посланцев комсомола по призыву партии воздвигают электростанции, домны, предприятия большой химии, строят газопроводы, железные дороги, самоотверженно работают на полях и на животноводческих фермах. Их повседневным трудом, как и трудом каждого советского человека, наполняется чаша коммунистического изобилия.

1962

ВОКРУГ ЗЕМЛИ

№ 4

АПРЕЛЬ

Журнал основан в 1861 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

В этом номере

ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ ПРЕТВОРЯЕТ В ЖИЗНЬ ЗАВЕТЫ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА

Над кипящей Ангарой. Под ураганным ветром на Байкале. В бескрайной эвенкийской тайге. На берегах Волги.

О молодых героях нашего времени — творцах и созидателях, мужественных, умелых, находчивых — рассказывается в публицистическом очерке „Сибирский характер“¹, в новеллах „Мы из „Лэпии““, в повести „Синие ветры“¹.

О ежечасной готовности советского человека к подвигу — воинскому и трудовому, о вдохновляющей силе дружбы читай в очерках „Ты слышишь меня, Земля?“ и „5 тысяч миль на буксире“.

«Ад живых людей» — приключенческая повесть Р. Дауманна об алмазах Конго.

ФИН/ГЯНДКЯ ЖДЕТ ПОСЛАНЦЕВ МОЛОДЕЖИ.

Репорта/ни из Антарктиды, ГДР, Ни тай, Польши, Индонезии, Мали.

Участники первого съезда комсомола
на приеме у В. И. ЛЕНИНА.

Рисунок художника П. ВАСИЛЬЕВА

«Быть членами Союза молодежи, значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в том случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами».

В. И. Л Е Н И Н

«Задачи союзов молодежи» — речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи.

МЫ ИЗ ЛЭПИИ

Б. ПОЛЯКОВ

«Наша линия электропередачи пройдет от Братска до Тайшета. Двести пятьдесят километров. На пути — сопки (вот, из окна видно), пади, распадки, топи. Иные болота тянутся на восемь-десять километров, не замерзают даже при пятидесяти ниже нуля. Сосны и кедры в два-три обхвата. Буреломы, выворотни, вековые завалы. В тайге много белок и соболей. Случается, и на шапуна наткнешься. Сибирь...

Края эти сказочно богаты. Руда и уголь. Нефть, алмазы и золото. А дерево! Цены ему нет. Лесопромышленный комплекс строим в расчете на столетний цикл. Столетний!

Мы на очень важном фронте. Мы электрификаторы. Мы воплощаем в жизнь ленинскую идею электрификации, мы первыми зажигаем огни!

Люди на стройке ЛЭП замечательные — такие, как Зверев или Селезнева, — очарованные».

Владимир Леонидович Шелякин, главный инженер участка.

ТАЕЖНЫЕ СКАЗАНИЯ

Илья Зверев. Бригадир лесорубов. Лицо острокосое. Узкий нос. Жесткие, сухие губы. Глаза светлые, большие; крохотные, острые точки зрачков, пронизательные и умные. Длинные русые волосы свисают в сторону, как крылья. На «Лэпии» Илья — человек незаменимый. Он и печник, и столяр, и плотник, и в технике разбирается. А пимы валяет такие, что, наверное, лучше не найдешь во всей Сибири.

Владимир Майстришин. Среднего роста. Ходит в пушистых унтах, большой меховой шапке и шубе. Подобно Илье, вдоль и поперек исколесил весь Союз. Один из первых строителей Братской ГЭС...

Когда я попросил Илью и Владимира рассказать о своей жизни, они достали потрепанные, издавшие вонючки тетрадки.

— Иногда балуемся, — сказал Илья.

— Ведем летопись строительства, — уточнил Владимир.

Нас светлые дали зовут

Историк, рассуждая о «шестидесятниках» XX века, должен будет отметить прежде всего, что мы были людьми действия, что за словами у нас всегда следовали дела. Ему, человеку будущего, несомненно, будет близка и понятна наша увлеченность работой и безотказная преданность ей.

В миллионах и миллионах сердец нашли живой отклик слова, сказанные Н. С. Хрущевым при закрытии XXII съезда КПСС: «Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи! За новые победы коммунизма!»

С новой силой мы вонзаем перфораторы в неподатливые скалы, с новым упорством чертим планы завтрашних городов, с новым вдохновением штурмуем крепость науки.

Потом я узнал, что лэповцы зовут их «таежными Пименами».

Дневники, письмо, записные книжки, которые мне показали Илья, Владимир и другие строители, пожалуй, расскажут об их жизни лучше, чем это сделал бы я сам. В их записях я ничего не изменил по существу. Только выровнял стиль, поставил заголовки да кое-где прибавил поясняющие комментарии.

ПРЫЖОК НА ТРАКТОРЕ

Это запись из дневника Владимира Майстришина:

«Нам решительно не везет. Сюрприз за сюрпризом. Словно тайга захотела испытать нас на прочность и выдержку. Лес глухой, крепкий, не тронутый ни человеком, ни пожарами. Сосны и кедры такой толщины, что, случалось, одно дерево пилишь в две пилы.

Пробивая просеку, наткнулись мы на незамерзающую топь и почти месяц с утра до ночи строили лежневку. За этот месяц почти разучились говорить. Молча крушили лес, молча швыряли в прорву сосны, молча шли с работы, молча валились с ног и забывались в коротком сне. За ночь телогрейки лишь оттаивали, но не просыхали. На ветру они деревене-ли, и казалось, были сделаны не из обыкновенной материи и ваты, а из звонкого черепашье-го панциря...

Не успели очухаться от этого болота — второй сюрприз. Вышли мы на утес. Склон, по которому предстояло спуститься, круто сбегает в громадную падь. Вниз — метров пятьсот! Оступиться — костей не соберешь... А тут нужно пройти не только самим, но и трактор с дизельной будкой спустить. Как?

Сидели вокруг костра и долго спорили. Пустить технику в обход — потерять месяц, а то и полтора: по болотистым местам снова придется строить лежневку.

— А другого выхода и нет, — наконец сказал бригадир. — От лежневки не уйдешь.

— Архимеда бы сюда, — пошутил Васька Антонов. — Старик наверняка бы что-нибудь придумал.

Но шутку не поддержали. Встав, Васька пошел к обрыву. Через несколько минут он закричал:

— Братцы, нашел! Нашел!..

Спотыкаясь, Антонов бежал к костру. Мы бросились ему навстречу: в чем дело?

...Первой его мыслью у обрыва было: «Вот бы с такой горки да на санках!» Мы все представили себя мчащимися по этой немислимо дикой крутизне и почувствовали, как тело покрылось гусяиной кожей.

А Васька продолжал: «Вот я и подумал: разбился бы или нет? Пожалуй, не разбился бы». Мы все посмотрели вниз, вытягивая шею и ощупывая взглядом крутизну. Самое трудное — миновать первые семь-восемь метров: кажется, что скала здесь уходит вниз чуть ли не вертикально. А дальше уже пологий спуск, там-то не опасно. Но как пре-

одолеть эти первые крутые метры?

Васька присел на корточки и, сняв рукавицу, начал быстро водить пальцами по снегу. Получились сани с длинным пушистым хвостом. Стелся сани, Васька нарисовал трактор.

— Вы только представьте! — горячился он. — К трактору тросами прикрепляем длинный хвост из неочищенных сосен. Деревья выбираем какие потолще. Трактор тянет сосны и спускается. Хвост цепляется за кусты, за стволы деревьев, что на склоне, и тормозит! Каково?

— А кто же поведет трактор? — спросил Илья.

— Как кто? — удивился Васька. — Известное дело...

— Ты меня извини, — сказал тракторист, — но в кабину я не сяду. И технику угробим, и человеку хана. Это не проект, а бред.

— Бред? — обиделся Васька. И к бригадиру: — Я поведу трактор. Разрешаешь?

Илья кивнул на ребят:

— Как бригада.

Ребята зашумели. Месяц сбереженного времени — не пустяк. Да и не очень интересно снова копошиться в болоте.

— В большом деле всегда есть доля риска, — сказал новоявленный Архимед.

Хвост к трактору приделали ог-

ромный и массивный. Деревья выбирали только двухобхватные. На следующий день в полдень трактор был готов к спуску. Немного бледный, Васька улыбнулся товарищам и забрался в кабину. Прощально помахал рукавицей. Затем осторожно потянул на себя рычаг. Гусеницы дрогнули, заскрежетали, поползли к обрыву. Вот они повисли над пустотой, и вдруг громада машины тяжело ухнула вниз. Трос натянулся струной, зазвенел... Но уже сползло вслед за машиной первое дерево, второе. Трос ослаб, и гусеницы, коснувшись твердого грунта, быстро заскользили к пологому участку.

Внезапно произошло непредвиденное. Одно бревно, перевесившись через край обрыва, полетело прямо на трактор. Оглянувшись, Васька с ужасом потянул рычаг до отказа. На том месте, где только что был трактор, бревно могуче вздыбилось землю. Мы перевели дыхание.

...Заглушив мотор, Васька выбрался из кабины и, ощупывая ссадины и синяки, с удивлением посмотрел на сопку. Снизу она казалась отвесной стеной. Посмотрев на вершину, где стояли мы все, Васька улыбнулся и, набрав полные легкие воздуха, радостно закричал...

Месяц сбереженного времени — это, конечно, не пустяк».

ПИСЬМА, КОТОРЫХ ЖДУТ

На небе желтым сиянием пушит-ся тонкий ломоть луны. Вздрагива-ют звезды. Светает. Лесорубы уже на ногах.

— Ребята, геодезистку не видели?
— Машу-то? Она на трассе...

Вечер. Луна заволакивается моро-зной дымкой. Давно вернулись ле-сорубы. А Маши Селезневой все нет и нет...

— Ребята, где же Маша?

— Там, — и кивают в сторону тайги. — Еще не приезжала.

Поздно возвращается Маша. За-порошенная снегом, в клубках мо-розного пара. В валенках, ватных брюках и телогрейке, в громадной косматой шапке. Щеки, огненно на-румяненные морозом. Глаза боль-шие, темные. Брови тонкие, надлом-ленные посередине. Подходит к сто-лу, наливает в стакан чай. И, с тру-дом разжимая посиневшие губы, спрашивает:

— Но... и ...ок?

— Да, новичок, — говорю я.
Так мы и познакомились.

Как-то, побывав у нее в гостях, я увидел рядом с «Русским лесом» —

это настольная книга Маши — стоп-ку писем.

— Получили? — спросил я.

— Нет, не отправила. Нужно было бы писать о другом, а я все о тайге да о работе. Теперь письма у меня вместо дневника.

Секретов там нет, посмотрите...

«20 мая 1961 года. Падунские пороги.

...Работаю я теперь не в лесхозе, а в Управлении строительства и монтажа сетей и подстанций — со-кращенно УСМСП. И живу не в из-бушке, а в большом двухэтажном доме на Падуне.

Тебе не терпится узнать, почему я вдруг сменила профессию? Ведь я выросла в лесу, мечтала стать лес-ником, оберегать русский лес. После техникума, как ты знаешь, я два го-да моталась по тайге, пугала брако-ньеров, тушила пожары. А рядом, совсем рядом, была Братская ГЭС... И мне захотелось жить в боль-шом коллективе, потянуло к строи-телям.

Не помню, писала ли тебе о том вечере, когда мы, голодные, озяб-шие, усталые, после двухдневных скитаний по тайге вышли на линию электропередачи Братск—Иркутск.

Вдаль через сопки убегали ажурные опоры. Гудели провода. И шумела) тайга. Ровно и сдержанно. Пламенел закат. Ветер срывал с деревьев снежную пыль и поднимал ее над лесом. А провода все гудели и гу-дели... Глядя на бегущие по сопкам мачты опор, я завидовала тем, кто сумел в глухой тайге сделать такую красоту. И захотелось самой, своими руками сделать такое же, как эти опоры, — воздушное, изящное, та-кое, чтоб нравилось людям с перво-го взгляда.

Недавно я окончила курсы геоде-зистов и теперь работаю на ЛЭП-500, Братск—Тайшет. Участок это новый, необжитый. Ни дорог, ни жилья».

«20 сентября. Турма.

Ты спрашиваешь, какая сейчас тайга. Но разве осеннюю тайгу опи-шешь? Ее можно сравнить с музы-кой, в которой есть колдовство. Она — волшебная...

«1 октября. Тарая.

Недавно начали земляные работы: роем котлованы и ставим фундамен-ты для опор. Все шло как по писа-ному — и вдруг неудача... По моим отметкам экскаваторщик вырыл кот-лован для опоры и ушел на следую-щий пикет. И вдруг я обнаружила, что ошиблась в расчетах: котлован был недорыт на полтора метра. От стыда я не знала куда деться. Но люди в бригаде хорошие: пожарили новоиспеченную «геодезистку» и всё пере-делали. А скоро сбудется то, о чем я так мечтала: начнем первую опору».

«16 октября. Тарая.

...Вот послушай:

Морозом скованная, ине-ем одетая, в дымке сизой стоит, задумавшись, дрему-чая, спокойная тайга. Не вздрогнет ветка под ки-пенью белою, не вскрикнет птица, зверь не зарычит. Лишь иногда треск легкий, выстрел гулкий — от лю-той стужи колеблется земля.

Эти строки пришли сами собой, от радости. Опора почти готова. Первая опора, представляешь? За ней пой-дет вторая, третья... деся-тая, двадцатая... И побегут по тайге провода...

НАДЕЖНЫЙ ПАРЕНЬ

Широко расставив ноги и сунув руки в карманы полушубка, на тропе стоял широкогрудый великан. Си-ние глаза, брови сошлись на переносице. Было в нем что-то сродни красоте окрестных мест — небро-ское, сдержанное, но такое, что запоминалось с одного взгляда.

— Пантелеймон, — знако-мясь, оглушительно прогу-дел он.

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

И мне показалось, что, вздрогнув, ответно зашумел лес.

— Видали, какой? — сказал начальник участка, когда мы отошли. — Ручищи, как кувалды, хлопнет — мокрое место останется. Как-то, встретив шатуна, пошел на него с голыми руками. Медведь остановился, заревел — и пустился наутек.

Я прожил несколько дней в бригаде, но вопреки ожиданиям великан подвигов не совершал. Был такой же, как всегда, — будничным, неулыбчивым. Вместе со всеми поутру отправлялся в лес и, усталый, вечером возвращался с трассы. О себе рассказывать не любил. Но однажды, листая дневник Володи Майстришина, я обнаружил две любопытные записи. Они имели прямое отношение к Пантелеймону, которого Володя называл «надежным парнем».

«29 октября 1961 года.

На днях Лешке Иотову повредило бревном ногу. Как на грех, под рукой не оказалось машины: накануне ушла за продуктами, а Лешку нужно было срочно отвезти в больницу. Он скрежетал зубами и тихо стонал. Тогда Пантелеймон взвалил больного на спину и пошел напрямки через тайгу к зимовью. Идти по снежной целине, да еще с ношей, — дело нелегкое даже для такого силача, как Пантелеймон. Он спотыкался, проваливался в ямы. На полпути оступился и вывихнул ногу, но промолчал. 22 километра он прошел за пять с половиной часов! Добравшись до зимовья, сразу же позвонил по телефону в поселковую больницу.

— Машины нет, — ответили ему, — ушла по вызову. Да и не проехать к вам. Пурга...

— Как же быть? Парню плохо. Он потерял много крови.

В трубке помолчали.

— Давайте так: несите больного до наезженной лесхозовской дороги. Туда подойдет «Скорая помощь».

До лесхозовской дороги семь километров. По сугробам и целине... Пантелеймон срубил палку, туго перетянул портянкой вспухшую ногу и снова взвалил Лешку на спину. Скоро совсем стемнело. Звезд не было. Пантелеймон брел наугад, доверившись чутью.

Через несколько часов он присел, чтобы передохнуть. Лешка был совсем плох: метался в жару и бредил... И вдруг Пантелеймон увидел мигающие огоньки. То была «Скорая помощь». «Л я уж подумал: волки», — рассказывал потом Пантелеймон.

Вместе с Лешкой положили в больницу и его».

«2 декабря 1961 года.

Никому не пожелаешь взбираться на Лысую сопку. Дорога крутая, скользкая.

...Два дня гуляла метель. Сугробы перемели дорогу. Вечером буря улеглась, а утром ветер принес оттепель. У подножья Лысой шофер остановил машину и скомандовал:

«Вытряхивайся живо!» Покинул кузов только Пантелеймон. («Мне еще жить хочется».) Положил на плечо бензопилу, медленно зашагал в гору. А мы остались в машине.

— Не впервой же, Саня. Ничего не случится, трогай.

Шофер сплюнул и сел за баранку. Крутизна так опасна, что дверку кабины он держал открытой. Мотор ревел из последних сил. Когда до перевала осталось метров пятьдесят, машина забуксовала. А спустя минуту мы пожалели, что не «вытряхнулись» вовремя. Машину начало сносить вниз. Случилось то, чего так опасался шофер: не держали тормоза... В крытом кузове мы оказались, как в западне. Выпрыгивать было глупо: тут же угодили бы под колеса. И не прыгать нельзя: с каждым мгновением приближался обрыв.

— Баранку, баранку выворачивай! — донесся голос Пантелеймона.

Сашка вывернул баранку — и тут произошло чудо. Росшая на краю обрыва сосна вздрогнула и, отряхнув снежную пыль, с треском и грохотом пошла вниз и упала на пути скользящей машины. «ЗИЛ» встряхнуло, и наступила тишина... Ничего не понимая, мы стали выпрыгивать из кузова. Задние колеса упирались в могучий ствол дерева. А в стороне стоял Пантелеймон, стирая со лба пот. У его ног в снегу лежала дымящаяся бензопила. Как он успел сообразить, а главное — так быстро спилить сосну, до сих пор не понимаю!»

СТЕПАН ОСТАЕТСЯ В ТАЙГЕ

А вот запись из дневника Ильи Зверева:

«В бригаде появился новичок — Степан Ерофеев. Нам не понравился сразу. Надменный и франтоватый. Курил, держа папиросу на самом кончике губ. На работу поехал в поскрипывающих хромовых сапогах и блестящих кожаных перчатках.

— Лучше бы сразу ушел, без канители и по собственному желанию, — сказал о нем Гаврик Фатеев.

— Зеленый еще, ошелушится, — возразил я и сказал Гаврику:

— Будешь шефом...

Характер у шефа был крутой.

— Этой железкой, что, лес рубят? — кривляясь, спрашивал Ерофеев, показывая на топор.

Гаврика взорвало:

— Нет, рыбу чистят... Ну, чего глаза пялишь? Видишь бревнышко? Тащи в костер.

В бревнышке больше четырех пудов. Ерофеев поднатужился, крякнул и... сел. Бревно-то примерзло к сне-

гу. Да и не под силу была ему такая тяжесть.

— Не мужчина, а барышня слабо-силая, — проворчал Гаврик, подтаскивая бревно к костру.

Но и такие случаи не задевали мужского самолюбия новичка. Ерофеев работал с ленцой, слишком часто устраивал перекур, дольше всех обедал. Гаврик, однако, заставлял его работать наравне с собой. А надо сказать, в работе злее Гаврика трудно найти по всей трассе. «Сбежит, не выдержит, — думали мы, — уж слишком занозист и к увещаниям глух».

Но Ерофеев не сбежал. Втянулся в работу и начал поджимать Гаврика: так же яростно валил деревья, неутомимо ходил по сугробам, реже устраивал перекур. Вместо изорвавшихся сапожек надел валенки, потускневшие щегольские перчатки сменил на брезентовые рукавицы.

А спустя месяц даже папиросы стал курить нормально. Но дурную славу нажить — не пить попросить; в хорошие люди попасть — не стожок скласть. Ерофеева долго не принимали всерьез.

Признание он получил неожиданно.

В трясину провалился трактор. Под гусеницы полетели ветки, чурки, бревна. Но трактор все оседал.

— Глуши мотор! — крикнул Ерофеев трактористу. — Будешь барахтаться — глубже сядешь.

Мы переглянулись: прав Ерофеев.

— Теперь, — продолжал Ерофеев, — надо бы подкоп сделать для гусениц.

Сделали подкоп, расчистили путь. Тракторист рывком сдвинул трактор назад и... сел катером на громадный пенек. Гусеницы повисли над землей. Чтобы спасти трактор, надо залезти под его брюхо и подпилить пенек. Сук, на котором сидишь, и то пилить безопаснее. Трактор был на весу, нерасчетливое движение — и он соскользнет с пня в трясину, придавит.

Мы сидели и философствовали о причине и следствии, о случайности и необходимости. Причина была ясна, следствие тоже. Случайность? Может быть. Но спасти трактор необходимо. Сидели и не решались. Кто же рискнет нырнуть под трактор?

Нырнул Ерофеев. Неожиданно. В одно мгновение. Гаврик схватил его за ноги. Ерофеев пыльник никудышный, мог натворить таких дел... Раздалось монотонное жужжание, и полетели опилки. Пила вошла в пенек. Однако Гаврик ног Ерофеева не отпустил. Цепь пилы дымилась. Оседающая тракторная цепь зажимала. Внезапно пенек затрещал. Качнувшись, трактор стал сползать. Растеряясь Гаврик на тысячную долю секунды, Ерофеев остался бы под трактором... Он выдернул Ерофеева вовремя и обнял первым».

СУОМИ — СТРАНА ФЕСТИВАЛЯ

Эту продавщицу корзин журналист Е. Дон сфотографировал на одной из улиц Хельсинки — столицы Финляндии.

На страницах 33—38 мы публикуем очерк об этой стране. Вы совершите путешествие по ее дорогам, побываете в Музее В. И. Ленина в Тампере, встретитесь с молодыми друзьями из Суоми.

СИБИРСКИЙ

*Разговор в кабине шагающего * Сибиряк — по стажу или по характеру? * Ночь на байкальском льду * Рассказ неприметного человека * Счастье, найденное неудачником * Романтика и статистика * Кузница, где куются характеры * Партия зовет.*

Никогда не забудется встреча с Сибирью. Весна, автобус бежит по узкой асфальтовой дороге, проложенной через леса; тайга еще по-апрельски прозрачна, пуста, небо сквозит в жидких березовых ветвях, но весенний воздух властно прорывается в закрытые окна. Лило-вые волны багульника плещутся у самых обочин, и когда автобус из темного и сыро-холодного распада взбирается на какую-нибудь лысоватую вершину, то дальние сопки кажутся лиловыми — это багульник расцвел их, украсил. А ты, взволнованный встречей, вслушиваешься в говор пассажиров вот как она открывается, Сибирь, страна, о которой столько читано, столько слышано, страна, с которой тебе предстоит сродниться!

Обрывается тайга, и автобус влетает в степь — здесь движение его словно замедляется. Так широко всхолмленная невысокими распаханными сопками земля, что долго-долго один и тот же рисунок дальней гряды сопок маячит в окне.

Какое ощущение простора, воздуха! Ты знаешь — еще ждешь тебя за этими горизонтами гудящие стройки, центры великого преобразования края, города, искрящиеся электрическим светом, ты еще увидишь гребни гигантских плотин, услышишь взрывы, которые сметаю целые горы. Но кто он, человек, волею, энергией, умом которого преобразуется этот необъятный край?

* * *

Этот разговор завязывается в кабине шагающего экскаватора. О шагающих написано много. Машина действительно может поразить воображение.

„Партия верит комсомолу, советской молодежи и зовет наше молодое поколение вперед—на штурм, на стройки коммунизма!“

Н. С. ХРУЩЕВ, Отчет ЦК КПСС XXII съезду партии

Ну, что бы вы сказали, если бы пятиэтажный дом, в котором вы живете, поставили на металлические лапы-опоры и он зашагал бы по улице гусиной походочкой, тяжело ставя на землю стальные отполированные ступни?... Такие машины-гиганты как-то под стать Сибири, ее стройкам, не знающим равных по своим масштабам.

В туманные дни стрела экскаватора теряется в молочной мгле, и начальник экипажа вынужден управлять машиной с помощью радио.

— Вира помалу!

— Майна!

Сегодня как раз на стройке туманный день. Встревоженная людьми, прегражденная плотиной река клокочет и выбрасывает в морозный воздух такие клубы пара, что молочная завеса скрывает людей друг от друга.

Николай Черных вглядывается в стенку тумана,

где скрывается стрела и где он каким-то особым профессиональным чутьем угадывает движение людей... Приходит напарник Николая, и экскаваторщик сдает смену, но не уходит, и мы продолжаем в кабине начатый разговор. У Черных — среднее техническое образование, он начитан, толков, отлично осведомлен во всех вопросах строительства — ведь начинал чернорабочим.

— Экипаж у нас подобрался отличный, — бабит Черных. — Вы возьмите механика, Носкова Константина — молодой крепкий парень, можно сказать, настоящий сибиряк.

— Костя без году неделю в Сибири, — смеется напарник.

Николай возражает:

— Не в том суть, когда приехал. Обжился парень. А главное — характер у него сибирский:

Я спрашиваю у Черных, кого же он называет настоящими сибиряками.

Экскаваторщик минуту медлит с ответом.

— Я так думаю. Условия у нас нелегкие. Требуют души, огонька. Иначе не берись. И если человек крепкий... — Черных сжимает кулак. — ...Упорный, на ногах держится твердо, то наш, сибиряк. Это главное.

Из молочной завесы, скрывшей стройку, доносятся голоса рабочих, короткие очереди перфоратора.

— Вон там наши ребята монтируют кран. Вы знакомы с работой монтажников?... Ну, так знаете, каково им приходится здесь. Река парит, а мороз. Кругом металл. Скинешь брезентовую рукавицу, вмиг застынет рука. А ведь иной раз приходится скидывать. Зацепится парень монтажным поясом и висит у себя на верхотуре, за воротничком ветер гуляет. Внизу Ангара кипит. И никто не пожалуется. А чуть какая беда с кем — все помогут. Сибирью воспитаны.

Мы вспоминаем все поколения, «воспитанные Сибирью». Землепроходцев-казаков, прошедших эти земли насквозь, вышедших к берегам Тихого; потомки этих первых сибирских насельников увидели Аляску, основали первые русские поселения на берегах Северной Америки, в Калифорнии. Люди большого мужества, особой физической закалки, отмеченные той неистребимой жадной познания, которая отличала всех первооткрывателей. Побравшись, породнившись с исконным населением Сибири, они дали жизнь новым поколениям, для которых суровый, беспредельный край был родной... Мы вспоминаем первых переселенцев-крестьян — покидая «Запад», они, энергичные, свободлюбивые люди, не верившие ни в бога, ни в черта, увозили с собой ненависть к помещикам и попам и тоску по «земле обетованной». Сибирь встречала их неласково — урядничья, тюремная

ХАРАКТЕР

Сибирь вовсе не была «обетованным краем», и они искали все более глухих, все более отдаленных мест, и гибли, гибли, но те, кто оставался жив, вращались в земле прочно, как кедры. Мы вспоминаем поколения политических ссыльных, начиная с декабристов: они, не потеряв себя в этой обстановке заброшенности, не поддавшись усыпляющему влиянию глуши, принесли сюда свет культуры, свои высокие революционные идеалы — они заронили здесь искры, которым было суждено разгореться в пламя народного восстания. Мы вспоминаем партизан времен борьбы против колчаковщины, дивизии сибирских стрелков, насмерть стоявшие под Москвой, и видим, как эта нить от поколения к поколению приводит к сегодняшнему сибиряку, энтузиасту великого строительства.

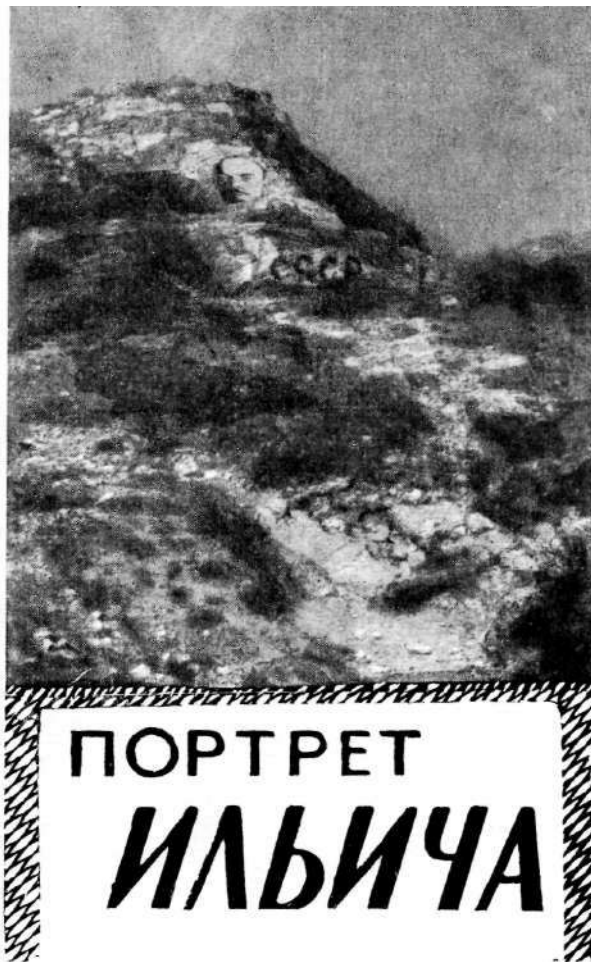
* * *

Сибирский характер. Но разве это устоявшаяся, неизменная величина? Разве не подвергся он ломке за последние десятилетия, ломке, которая не уничтожила, а сохранила и укрепила его здоровое ядро? Николай Черных унаследовал от дедов и прадедов своих здоровье, физическую стойкость, знание местной природы и навыки ее переделки, дух товарищества и взаимовыручки, упорство в достижении цели. Но жизнь Николая не похожа на жизнь тех, кто передал ему эти качества, как не похож на них и он сам, человек, управляющий машиной, которая выполняет работу десятка тысяч человек.

Дед Николая был ямщиком на знаменитом Якутском тракте — прошлое этой дороги хорошо знакомо нам по очеркам Короленко. В сибирских музеях нередко можно встретить забавный и вместе с тем страшный экспонат — утыканную гвоздями деревянную колотушку на цепочке, которая фигурирует под названием «кистень сибирский, обычное оружие ямщика». Как символ темной, застывшей в оцепенении Сибири, края ссылки, глядит на вас этот исторический экспонат остриями гвоздей Страницы книг Чехова. Короленко, Мамина-Сибиряка, Шишкова, Пришвина рисуют нам этот вчерашний день Сибири. И разве не уживались тогда в характере сибиряка наряду с лучшими чертами его консерватизм, недоверие к пришлому человеку, ограниченность представлений, вызванная отдаленностью от культурных центров, домостроевщина в быту? Все это выметено...

Сибирский характер. Это прежде всего советский характер. Мы знаем, что в понятии «советский характер» соединены лучшие черты, лучшие качества людей нашей страны. Их преданность делу коммунизма, любовь к своей социалистической Родине, братским странам социализма, неустанная забота о благе общества. Высокое сознание общественного долга, коллективизм и товарищеская взаимопомощь, верность замечательному принципу: человек человеку друг, товарищ и брат... Духовное богатство советского человека поистине неисчерпаемо.

Моральный кодекс строителя коммунизма, о котором с волнением и гордостью говорили делегаты

У этого портрета Владимира Ильича необычная история...

В июле 1925 года в Пятигорске должен был состояться I краевой съезд горянок и казачек Северного Кавказа.

Перед открытием съезда одна из делегатов — заведующая крайженотделом Алексеева — встретила с художником и поэтом Николаем Щуклиным.

— Николай Кузьмич, — спросила у него Алексеева, — чем порадуют съезд пролетарские художники?

Однажды утром жители города увидели высоко на южном склоне Машука четыре маленькие человеческие фигурки. Казалось, что начинающие альпинисты неумело штурмуют лобастый уступ. На самом деле «альпинисты» превращали плоский горный уступ в «холст».

После разговора с Алексеевой художник Щуклин поделился с товарищами идеей написать на скале портрет Ленина и подарить его женщинам-горянкам.

И вот перед закрытием съезда в зал заседания вошли художники во главе с Николаем Щуклиным и внесли портрет Ленина, нарисованный на большом куске картона. Под гром аплодисментов Щуклин объявил, что это только копия с портрета на горе Машук. Тогда единогласно было решено провести заключительное заседание съезда на склоне горы у портрета Ильича.

Шло время. Наступило лето 1942 года. Пятигорск заняли фашисты. Немецкий комендант приказал закрасить портрет Ленина. Но горные дожди смыли свежую краску. И снова на скале, как солнце, засияли ленинские черты. Тогда фашисты начали в бешенстве расстреливать скалу из минометов...

После войны Щуклин, несмотря на преклонный возраст, один восстановил портрет. А в торжественный день 90-летия со дня рождения Ленина у подножия Машука, как и 35 лет назад, снова состоялся многолюдный митинг.

Решением Пятигорского горисполкома на скальный портрет В. И. Ленина объявлен историческим памятником.

С. ГЛУШНЕВ

Нас светлые дали зовут

Нас миллионы, парней и девчат, и люди мы разные, многим не похожие друг на друга. Есть среди нас

людей. Есть в этих рассказах что-то общее, что позволяет мне, выбрав их из блокнота, поставить рядом...

С инженером Борисом Масловым меня познакомил Черных — инженер вел политехкружок, в котором занимался и Николай. Мы говорили вечером, в квартире Маслова, где ничто, кроме, пожалуй, двух или трех гравюр на стенке с пейзажами Саян, не напоминало о Сибири: современный быт универсален, стандартен. Но зато сам хозяин вносит в эту обстановку едва уловимую, но все-таки явно сибирскую атмосферу. Может быть, такое ощущение возникает, когда слушаешь речь Маслова — в нее вплелись сибирские интонации, или когда смотришь на инженера — морозный воздух, ангарский ветер оставили следы на его лице, придали неповторимый бронзовый цвет. Такие лица здесь у строителей, геологов, лесорубов...

исторического XXII съезда партии, закрепил и возвеличил лучшие черты светлого советского характера. Именно эти черты и составляют ядро, суть духовного мира нашего человека, роднят, сближают все народы нашей страны, какие бы национальные особенности их ни отличали. И, конечно, не думая об этом общем, объединяющем начале, не «определишь и характера сибиряка».

Советская Сибирь воспитывает, но воспитывает уже не таежной экзотикой и не ощущением беспредельности пространства, а всем своим современным укладом бурной жизни, созидательными темпами, стройками, на которых, охваченные одним порывом, трудятся тысячи людей разных национальностей. Сибирь стала одним из тех мест, где происходит как-то особенно наглядно, особенно выразительно работа, которую можно назвать ковкой характера.

Чехов писал о Сибири: «...фраза «Человек есть царь природы» нигде не звучит так робко и фальшиво, как здесь». Мы можем сказать, что в наши дни в Сибири человек себя чувствует, как нигде, более могущественным и сильным.

Сибирь воспитывает 18-летних юношей, едущих в дальние края по призыву партии и обретающих здесь стойкость, мужество и зрелость; она воспитывает и самих коренных сибиряков, на глазах которых и с участием которых преобразуется край. Она воспитывает, так как каждый, будь он рабочий-бетонщик, инженер или поэт, открывает здесь для себя такие дали — я говорю о духовном росте. — что чувствует себя неизмеримо богаче, увереннее, сильнее. «Кто в Сибири не бывал, тот и света не видал», — как сильно, образно и метко звучат для нас эти слова, сказанные Никитой Сергеевичем Хрущевым.

* * *

Так Сибирь становится школой. Школой характера.

Три рассказа трех не похожих друг на друга

«Собственно, история моего переселения в Сибирь довольно обычна, — рассказывает Маслов. — Сначала — комсомольский эшелон добровольцев, таких же, как и я, ребят, лет двадцати — двадцати трех. В газетах был опубликован призыв на стройки Сибири — конечно, он глубоко затронул каждого. Все мы чувствовали, знаете, что размеренная жизнь большого города не то, не для нас. Хотелось испытать свои силы, попробовать, почем фунт лиха, ощутить, что же это такое — борьба... Что и говорить, представление о Сибири у нас было довольно смутное. Видно, потому, что очень сильна была в наших представлениях старая, литературная Сибирь. В свое время ее так ярко расписали! «Соколинца» одного стоит... «Ат-Даван», «Угрюм-река»!

За плечами у меня был институт, десятилетка, все шло как-то гладко, на редкость спокойно — да только ли у меня? Война осталась детским впечатлением, тяжелым, но далеким воспоминанием, родители наши опекали нас, многие из них думали, что счастливая — это и есть спокойная жизнь. Ну, а мы думали по-своему.

В вагоне эшелона мы сдружились, а приехав в Сибирь, разлетелись кто куда. Я попал на гидростроительство. Посмотрели мою анкету, биографию — предлагают идти в производственно-технический. Я говорю — хочу на площадку, хочу сам, своими руками строить. Что ж, говорят, познакомьтесь со стройкой, скажите, чем хотели бы заниматься. Познакомился — и чувствую, не справлюсь. Мало практического опыта, не умею обращаться с людьми. Может, действительно в ПТО податься, там как-то привычнее — проекты, расчеты, увязки. Нет, начинать надо не с этого. И пошел бетонщиком в бригаду. Если, думаю, этот экзамен выдержу, то стану настоящим инженером. А иначе сам себя не буду уважать — и точка.

Инженеров тогда не хватало, меня не сразу согласились отпустить. Настоял. Тяжеленько приходилось. Особенно зимой. Раствор мерзнет быстро. Холодно. Физическая нагрузка большая... Постепенно освоился. Стал приглядываться к стройке. Научился смотреть на нее глазами и рабочего и инженера. А это важно. И вот пришел день, когда

молчаливые и разговорчивые, смешливые и суровые, еще не «обстрелянные» и уже «бывалые»... Но все мы имеем право смотреть людям прямо в глаза: чисты наши помыслы, чисты наши поступки и дела.

понял, что имею право назвать себя инженером. Мы вели бетонные работы наверху, на здании будущей станции. Работы большие, измерялись тысячами кубиков. А носить раствор приходилось вручную. Примешь бадью — и на носилки. Потому что кран не мог туда дотянуться стрелой. Подсчитано было, что наша работа займет месяца три-четыре. И тут мелькнула у меня догадка. Что, если самосвал поднять наверх и его использовать для перевозки раствора? Проложить для него дорогу — вроде как рельсы — и гонять по площадке. Тридцать метров туда, тридцать обратно. Выбросил кран бадью в кузов, а самосвал доставил ее к месту заполнения, выгрузил. Я сделал необходимый расчет, получилось, что производительность труда у нас вырастет в шесть-семь раз и мы справимся с заданием гораздо быстрее. Пошел с этим расчетом в управление. Выслушали, одобрили. Выписали премию. Ну как, спрашивают, не пора ли тебе, Маслов, подыскать работу по специальности? Так я стал прорабом. А бригада бетонщиков, в которой работал, вошла в мой участок. Что ж — дело пошло неплохо, потому что все уже было знакомо.

И, понимаете, привязался я к этой своей работе и к Сибири. Видно, потому, что именно здесь почувствовал себя нужным человеком, который не только требует, но и может что-то дать другим. Здесь какой-то особый простор ощущается: твори, пробуй, тебе доверяют, рассчитывают на твою самостоятельность, умение мыслить. Ведь здесь многое делается впервые, без прецедентов. И эта электростанция — особая, второй такой во всем мире не найдешь. Нет, никогда не жалел о своем решении поехать сюда. Ведь, может быть, останься я там, где вырос, где жизнь шла «в русле», я бы так и не узнал никогда, на что способен, не нашел призвания».

Мы едем по Якутскому тракту — поземка змейками перебегает шоссе, в кабине тепло — из отверстия в днище, где видна докрасна раскаленная труба коллектора, веет баннным жаром, щетка дворника без устали смахивает легкий снежок с ветрового стекла. У шофера — скуластого молодого парня — расстегнут воротник гимнастерки, он наслаждается теплом, которое особенно ощутимо и приятно здесь, в этой маленькой жестяной кабине, посреди выюги. Иногда шофер, прищуренными глазами следящий за дорогой, как-то особенно цепко хватается руль, выгибается вперед, и машину начинает трясти, как в ознобе, — это встретился «ребристый шифер», участок асфальта, покоробленного морозом и влагой.

Я уже знаю, что шофера зовут Леней, что он служил в армии и ему двадцать три года. Путь нам предстоит неблизкий, поэтому и разговор заводится неторопливый, обстоятельный.

«Шоферу здесь раздолье, — продолжает рассказ Лень. — Шофер здесь первый человек. Без машины в Сибири, как говорится, ни туда и ни сюда. Но тяжелоовато. Ничего, приобвык. Не сразу, конечно. Я человек разговорный, легкий на слово. Попал на автобазу, а там собралась бывалая публика... Народ, прямо скажем, на первый взгляд

мрачноватый. Я к ним с расспросами, как тут насчет калыма и прочего. — они помалкивают. Значит, чужачком пришелся, белой ниточкой на черном сукне. Потом сообразил — а чего им меня в душу сразу пущать? Они, может, то пережили, чего я и в кино не успел пережить. Смекаю, приглядываются ко мне. Сибиряк, он такой: ты сначала докажи, что не летун, не налетчик по длинным рублям.

Ну, ладно. Дают как-то мне задание — отвезти кое-какие продукты на Байкал. И среди прочего — мандарины ребятишкам. Я думал, мигом слетаю, а вышло не так. По тракту проехал нормально, потом свернул на зимник, да задержался по дороге, попал на наледь, а под ней — горячие ключи. Провалился. Пока выпутался, стемнело. На лед выехал в сумерках. Дорогу, правда, знал, ехал смело. Ветер поднялся сильный, прямо чувствуешь — будто кто толкает машину в сторону. Вот тут-то мой мотор чих-чих — и заглох. Стою посреди моря, как перст, только ветер песенки играет. Покопался в моторе минут пять — и обратно в кабину. Такой ветер, что лицо немеет, а пальцы сводит. Понял: с подачей неполадка. Искра есть и все такое, а бензин в карбюратор не идет. Значит, надо бензонасос разбирать. А как его на таком холоде разберешь? Знаешь, если пальцы бензином смочить, враз отморозишь. Что же, сливать воду и ждать, пока днем кто возьмет на буксир? Пуще всего мандаринов жалко. Померзнут, привезу я детишкам одну гниль.

Решил все-таки: попробую повозиться с насосом. Вдруг выйдет. Плохо без костра. Где его разожжешь на льду? Обогреться негде. Включил переноску, стал разбирать насос. Мотор быстро остыл. Минутку поработаешь, потом пальцы за пазуху суешь. Снял насос, перешел в кабину — легче стало. Только правая рука перестала слушаться. Зашились пальцы. Тёр-тёр — не помогает. Кое-как починил насос, сменил прокладку, поставил на место. Тут и левая рука отказала. Но мотор зара-

ботал. Разогнал я как мог, лечу птицей — эх, только бы не встретить трещину какую на льду. Грудью руль прижал — так правлю, а ладони за пазухой держу. Подъехал к сельпо, тут меня встретили — и сразу в больницу. Укол сделали, уложили на койку. Руки стали отходить, только кожа с них полезла. На второй день врачи не отпускают. Вдруг слышу — больные кричат: «Ленька, к тебе пришли!» «Кого, — думаю, — принесло? Родные далеко, кому я нужен?» Вижу — вваливаются двое с моей автобазы. Ребята под потолок, а гут робеют, мнутя, как телята. Вываливают мне на одеяло целый ворох еды — питайся, говорят, не серчай, что на выручку не пришли — не думали, что так может произойти. Но ты в нас не сомневайся.

Тут я и понял, что вроде стал для них своим, сибирским. Народ здесь дружный, не дадут погибнуть, как стружке. Если надо, в полынью за тобой нырнут, вытащат. Но без этих, без нежных слов, без целовков всяких. Тут не принято, понимаешь, хлопать по плечу. Я когда вернулся на базу, признаться, думал: может, кто скажет, герой Ленька, совершил поступок. Может, думал, газета заинтересуется. Лестно все-таки.

Молодой был, зеленый, что говорить. Но никто ничего мне эдакого и не подумал сказать. Только по-другому стал себя чувствовать среди товарищей. Легко мне стало, так, понимаешь, свойственно как-то...

* * *

Хорошо помню, с чего начался этот разговор в салоне «ТУ-104». Нас было четверо за столом, и так как, к счастью, ни один из нас не был любителем преферанса и не высказывал желания «забить козла», то разговор завязался легко, как единственная возможность разнообразить дорожные часы.

Сначала речь зашла о расшифровке рукописей племени майя — вся Сибирь гордилась, что именно ее молодая наука осилила эту нелегкую задачу. Тут один из пассажиров со смехом вспомнил, что видел в Иркутском краеведческом музее любопытный экспонат — изображение древнетюркских надписей, высеченных на скале у реки Лены, которые как было это выяснено учеными, означали в буквальном переводе: «я не наслаждался», «я благословляю», «я умираю».

— Что ж тут смешного, — сказал другой пассажир, историк по специальности, — я лично вижу в этих надписях следы какой-то глубокой драмы человека, по интеллект, может быть, опередившего свое время. Человек, прожив жизнь, только перед ее финалом понял, что прожита она была не полно и умирает он с болью, не ощутив ее полноты, не ощутив радости. И вот вы представляете себе этого чрезвычайно дикого по виду философа, чем-то похожего на родэновского мыслителя, который, собрав последние силы, идет на скалу и высекает эти почти библейские слова?

— Ну, это уж слишком, — возразил первый пассажир. — Это уже, знаете ли, фантазия, игра воображения.

Прошел год с того дня, когда советский космонавт впервые в истории человечества проложил путь к звездам...

«Утро космической эры». В этой книге нет ни одного сухого, равнодушного слова. Ведь речь идет о со-

1 «Утро космической эры». Госполитиздат, 1961.

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ КОСМОСА

бытиях, равных которым не было в веках.

Казалось бы, читатели уже знакомы со всеми документами этого сборника: затаив дыхание слушали мы рапорты из космоса — рапорты Юрия Гагарина и Германа Титова; жадно пробегали радостные газетные и журнальные строки; внимательно следили за поздравительными телеграммами, что потоком шли в Москву со всех концов света...

Но эти документы не устарели сегодня, не устареют никогда, потому что не могут устареть страницы, свидетельствующие о рождении новой эпохи. Собранные вместе, они волнуют особенно глубоко — доносят до нас бурю чувств, которая охватила человечество.

Чешская газета «Прага» писала: «Слышим голос Гагарина: «Возвращаюсь домой!» С чем сравнить эти слова? С залпом «Авроры» возвестившим миру начало новой эпохи?

Запал был взорван, и так легко начатая путевая беседа приняла неожиданное философское направление.

Говорили о том, что как бы ни сложна была жизнь, как бы ни разнообразны были интересы и увлечения человека, все-таки настоящую удовлетворенность, ощущение полноты, нужности, насыщенности жизни дает главное — работа. И так как собеседники были патриотами Сибири, то все пришли к выводу, что многих добровольцев, приезжающих в Сибирь, влечет именно возможность наиболее полно в трудных условиях проявить свои силы; здесь они получают особую широту для действий, инициативы. Геолога ждут здесь скрытые до поры до времени богатства недр, строителя — невиданные по масштабам сложности стройки, шофера — дальние пути... Для всех здесь найдется дело по душе.

И тут в разговор вступил маленький, худенький, неприметный человек. До сих пор он молчал, углубленный в свои размышления.

— Это вы очень верно говорите насчет Сибири, — сказал он тихо, и все мы почувствовали за этими словами что-то глубоко личное, прочувствованное, пережитое.

Историк попросил маленького человека рассказать о себе, и вплоть до самой Москвы мы слушали его неторопливую речь.

— У меня, видите ли, поначалу неудачно складывалась жизнь — так по крайней мере я считал. В школе я страстно, до самозабвения мечтал стать летчиком, прочитал уйму специальных книг, изучил все, что касалось авиации, включая законы аэродинамики, но в летное училище так и не смог попасть по причине здоровья. Три раза подряд меня браковали доктора, а я все бредил и бредил небом. Меня даже в армию не взяли из-за этого здоровья, но я так и не расставался со своей мечтой. А мои друзья, те, кто и наполювину не был, как я, заражен тоской по небу, полетам, стали настоящими летчиками. Между тем я изучил радиодело, как специальность, безусловно, необходимую будущему летчику, и работал — не смеетесь! — в ателье по ремонту радиоприемников.

Со словом «Мир!», раскатившимся в мае 1945 года?»

Бела Иллеш, венгерский писатель: «Тот факт, что первый полет в космос совершил советский человек, не случаен. Это логика истории...»

Антонио Берардо, уругвайский рабочий: «Это грандиозно. Грандиозно, что первым был советский человек».

Джеймс Олдридж, английский писатель: «Мне думается, что все ученые и инженеры, так же как сам космонавт, чувствуют, что на наших глазах совершается вторая величайшая революция в истории человечества. Советский Союз должен испытывать огромную гордость: именно он подарил миру обе эти революции».

Сахиб Сингх Сокхей, индийский общественный деятель: «Вы очень удачно выбрали первого космонавта. В его биографии воплотилось и слилось все лучшее, что есть в народе вашей страны. Сын колхозника, рабочий в юности, летчик, овладевший искусством космического пилотажа в 27 лет, — это, я бы сказал, в миниатюре биография вашей бурно развивающейся страны, если мне будет позволено сравнить историю

страны и биографию человека. Новых вам успехов, друзья!»

Кажется, никогда люди — почти все трехмиллиардное население земли — не были так единодушны в своих чувствах, как в дни 12 апреля и 6 августа 1961 года.

И что интересно и важно: горячие слова приветствий относились не только к Юрию Гагарину и Герману Титову лично. Они относились к советскому человеку, воспитанному партией. Человеку, который безотказно готов служить Родине.

Люди разных национальностей, разных профессий, разных политических убеждений понимают ту простую истину, что победа советского человека в космосе — это прежде всего победа нашего общественного строя, нашей науки и техники.

И вот еще одно очередное свидетельство наших успехов: 16 марта 1962 года вышел на орбиту новый искусственный спутник Земли. Этот запуск — продолжение осуществляемой Советским Союзом программы исследования космоса. Для ее выполнения в 1962 году с различных космодромов нашей страны будет произведена серия запусков искусственных спутников Земли.

Л. ЧЕШКОВА

убежать от сыплющихся обломков. Пришел день, и площадка была готова. Я сам сшил из марли чехол ветроуказателя, выкрасил его, как положено, и повесил на шест, чтобы летчик видел направление ветра. Разве забыть и тот день, когда прилетел на мой аэродром первый самолет? Как сейчас вижу: вот он показался над верхушками дальних лиственниц, вот снил стрекот мотора, вот он стелется над самой землей, вот уже опустился хвост — летчик готовится сесть классно, на три точки. Лишь бы не дал козла, лишь бы все было хорошо! И все было хорошо.

А потом строили бревенчатое здание для аэропорта с командной вышкой в виде мезонинчика, потом строили склады, потом приехали метеорологи и радисты, и мы стали принимать самолеты по всем правилам. Сколько было еще хлопот, сколько волнений! Помню, целый месяц доставал в соседнем городе старенький бульдозер, чтобы было чем расчищать снег на поле — ведь до этого мы трамбовали его ногами, иной раз сутками длилась такая работа. Помню, как не долетев до нас, приземлился на

вынужденной «Як» с почтой и я бросился в тайгу, заблудился, ночевал в тайге, без оружия... Случилось так, что вместе с этими постоянными хлопотами пришло и личное счастье — ну, это уже вопрос, как говорится, особый. Что ж, летчика из меня не вышло, зато работа была какой-то предметной, что ли, осязаемой: вот он, аэродром, вот они, антенны передатчиков, все, что было создано своими руками. А сколько друзей оказалось, искренних, скажу я вам, верных друзей! Летчиков, и тех, кто жил в наших краях — охотников, врачей, геологов. И каждый день я понимал, что нужен им, настоящему нужен. Не подумайте, что я хвастаюсь. Нет, дело-то мое, я сам понимаю, небольшое, местное дело. А для меня оно важно. Вот вы заговорили о смысле жизни...

— Да куда же вы теперь направляетесь? — спросил историк.

— На сессию, — просто ответил начальник аэродрома. — Надо учиться, хозяйство наше усложняется!..

* * *

Я живу на севере Иркутской области, в поселке, рядом с которым строится первая в нашей стране мощная гидроэлектростанция в зоне вечной мерзлоты. Поселок обступают мрачные гольцы, поросшие редким лесом, — чем выше, тем реже лесок, а вершины их почти лысы, голы; отсюда, должно быть, и местное название сопок. Здесь район золотискателей. Говорят, именно здесь жили прототипы героев шишковской «Угрюм-реки».

Поселок, разумеется, новенький, весь насквозь вкусно пропахший свежей сосновой шепой. Тут же, рядом с двухэтажными общежитиями и коттеджами типа «Арктика», ряды палаток — в них жили первые гидростроители, в них живут и теперь. Меня особенно интересуют палатки — их населяют самые молодые, крепкие ребята из неустанно прибывающего пополнения. Здесь они зарабатывают свой «ценз оседлости», пока не переведут их в бревенчатые дома.

И вот неожиданно получаю письмо от одного из своих друзей-летчиков. Пишет, что он в авиации, в тунгусской тайге, летает на «Яке» и что недавно он, как секретарь комсомольской организации, беседовал с замполитом обо мне и тот предложил мне интересную работу — начальником нового аэродрома в тайге. Специального образования, мол, для этого не требуется, потому что аэродром очень маленький, так, скорее просто посадочная площадка, да и той пока что нет, а моя задача как раз и будет состоять в том, чтобы ее выстроить. Оклад, пишет, небольшой, а работа сложная, требующая постоянных забот и волнений. Я прочитал письмо, собрал вещи, купил полушубок, валенки и выехал на второй день.

Через неделю был на месте, в тайге. Ну, что вам рассказывать о таежном охотничьем поселке? Три-четыре десятка домов, надежно срубленных из лиственницы, две улицы, клуб-пятистенка... Самолеты прилетали туда редко, садились прямо на реку, потому что больше сесть было некуда. Но аэродром был нужен — осваивались новые воздушные линии, осваивалась тайга, кругом вырастали поселки, геологи вели здесь поиски всяких редких вещей, и небезуспешно, а мое летное поле шумело на ветру вековыми соснами. Так я стал начальником несуществующего аэродрома, один, без подчиненных, и мне предстояло прежде всего очистить от леса несколько квадратных километров. Признаюсь, первую ночь в этом поселке я не спал, читал при свете керосинки Сент-Экзюпери; тяжело было, очень тяжело. Но — как это сказано у Грина? — «утро всегда обещает». Утром я вспомнил вековую мудрость — если тебе тяжело, иди к людям. Вместе с бригадиром местного охотничьего колхоза мы обошли все дома. Я говорил об аэродроме, о том, что с его строительством поселок станет крупным транспортным центром, что к каждому из них сможет теперь прилететь по вызову врач; охотники слушали мою бойкую речь, посмеивались в бороды, но на воскресник пришли. Когда спилили деревья, пришлось освоить профессию взрывника. Рыл под пнями ямы, закладывал аммонал и едва успевал

Я хожу по палаткам, знаколюсь с неунывающими их хозяевами, хлопцами и девчатами, приехавшими из самых дальних краев. Исподволь подвожу некоторые статистические подсчеты. Пытаюсь подчинить арифметике сложные мотивы, побудившие добровольцев к переезду в эти не слишком-то мягкие по климату места. Получается довольно любопытная картина.

Большая часть молодежи — примерно около пятидесяти процентов — это энтузиасты чистой воды, романтики, которых привел сюда зов сердца, комсомольский долг. Путевку, полученную в райкоме комсомола, они считают главным своим документом, гордятся ею. Это замечательный народ, пылкий, отзывчивый, надежда и опора всего строительства. Часть переселенцев — это народ чуть постарше, перешагнувший рубеж двадцатилетия, — приехала сюда с твердым намерением устроить свою жизнь, прочно обосноваться на новых местах, обзавестись семьей, приобрести хорошую, твердую специальность. Мотив, который можно считать очень серьезным. Из таких многие по окончании стройки не уезжают из поселка, становятся эксплуатационниками. Их примерно около трети. Немало и тех, кто приехал сюда в расчете на высокие заработки. Они составляют, может быть, процентов пятнадцать-двадцать от общего числа строителей.

Я не спешу обзывать их охотниками за длинным рублем. Конечно, есть среди них и летуны, ненавистная хозяйственникам категория. Но многие из этих двадцати процентов работают толково и споро и не обуюны «охотой к перемене мест». Кто высылает деньги мамаше, кто экономит зарплату для будущего — для учебы, для постройки дома где-нибудь в сибирском колхозе. Словом, категория разношерстная, и далеко не всем из них можно отказать в симпатии.

Есть и группа, стоящая особняком. Их мало, но они как-то заметны. Это те, кого побудили к переезду личные неурядицы. В недавнем прошлом у них семейная или иная драма, нередко неудача в любви, работать с ними тяжело —• требуется особый подход, а не каждый бригадир или прораб отличается педагогическим чутьем. Когда я делюсь с редактором местной газеты своими статистическими выводами, он именно эту последнюю кате-

горию подчеркивает красным карандашом и с сомнением покачивает головой. «Как-то не показательно...»

А почему, собственно, не показательно? Разве не примечательно то, что именно в Сибири эти люди, так глубоко и остро переживающие свою неудачу, как это может быть только в юности, ищут спасение? Значит, Сибирь залечивает самые тяжкие раны, значит, есть в ней чудесная сила, помогающая человеку вновь приобрести душевное равновесие, уверенность в себе, может быть, пережить второе рождение... Именно здесь неоперившийся еще юнец, вообразивший, что весь мир рушится из-за его личной катастрофы, приобретает мужественный, твердый характер, становится настоящим бойцом. Потому что здесь есть работа, требующая всего человека, без остатка, есть надежные друзья, есть борьба и есть исцеляющее ощущение побед.

Парторг стройки, задумчиво разглядывая протокол комсомольского собрания, на котором решался вопрос об очередном воскреснике, говорил:

— Я бы посылаю руководителями таких строек людей, имеющих, кроме технического, еще и педагогическое образование. Ведь здесь, по сути, создана огромная школа. Школа жизни, где нет классных занятий и где каждый человек — и ученик и учитель. Основная масса наших рабочих — парни и девчата в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти. Здесь из них куются настоящие люди.

* * *

Школа жизни. Тон в этой школе задают ребята, приехавшие по комсомольским путевкам. За ними тянутся остальные. И бывает так, что и закоренелые летуны, глядящие на стройку глазами «умудренных» знатоков жизни, заражаются общей атмосферой комсомольского задора и энтузиазма. Каждый день стройки приносит известие о трудовых подвигах ее патриотов. Монтажник Марат Яковлев, повиснув над рекой на высоте ста метров, сумел починить тележку кабель-крана, сошедшую с троса. Электрик Кеша Бороздин, пробыв полтора часа в ледяной воде, спас электромоторы; их грозил залить паводок. Тракторист Михаил Гродский ночью спас автомашину с запчастями, попавшую

Когда-то «романтиком» называли юношески восторженного человека, еще не обтесавшегося в жизненной сутолоке. Советский образ жизни заставил по-новому звучать это слово. Наша романтика родилась вместе с революцией. В стране энтузиастов житейские уроки только закаплют человека, воспитывают в нем зрелость, сохраняя молодость и силу чувств.

Ветер комсомольской романтики несет с собой запахи таежной хвои, целинного зерна, цветущих садов, выросших в пустынях... Над какими бы широтами и долготами ни веял этот ветер, в революционной романтике, в беспокойстве чувств советского человека главным всегда будут увлеченность работой, созидательный порыв.

Нас светлые дали зовут

Мы любимся силуэтами домен и шахтных копров, перспективой уходящего вдаль рельсового пути, стеклянными панно цеховых стен. Нашему сердцу близка и доступна поэзия созидания. И когда мы только еще приходим на пустырь, мы уже видим сквозь непритязательность будней грядущую красоту.

в полынью на реке. И эти факты — лучшие уроки в клокочущей школе жизни.

* * *

Советский характер... Вам расскажет о нем Сибирь, встречи на ее дорогах и стройках — и если вы полюбите этот удивительный край, вам откроется во всем величии и своеобразии облик его патриотов. Да, Сибирь — одна из тех кузниц, где куется крепкий, могучий характер человека коммунизма. Разумеется, эта работа происходит повсюду, во всех уголках страны. Но в Сибири, пожалуй, особенно ярко и сильно.

Армия строителей новой Сибири пополняется с каждым днем. Каждый день на перроны сибирских станций — больших и малых — выходят

сотни юношей и девушек. У них нехитрый багаж — чемодан, рюкзак, а случается, и авоська, купленная где-нибудь на Невском или Крешатике. Это люди разных национальностей. Пройдет немного времени, и они сплотятся в одну дружную семью сибиряков.

Многие из них еще не сталкивались ни разу с настоящими трудностями, будут в их жизни еще неудачи и огорчения. Но будут и победы, а значит, будет счастье. Они пройдут здесь ту великую школу, какую проходили их отцы и матери, строившие Комсомольск и Магнитку. Обветреют их лица, но сердца останутся такими же юными, отзывчивыми и любящими. Тот, кто испытал радость вдохновенного труда, навсегда сохранит верность романтике, мечте — а это, надо полагать, тоже черта советского, а значит, и сибирского характера...

Нас светлые дали зовут

Мы знаем: коммунистическое общество обеспечит для всех своих членов изобилие материальных и духовных благ.

Общенародную задачу — добиться мощного подъема всех отраслей сельского хозяйства, создать изобилие сельскохозяйственных продуктов — советская молодежь восприняла как свое кровное дело. Юности с присущими ей творческой активностью и энтузиазмом по силам взять небывалые высоты.

Сейчас у молодых полеводов и опытников, трактористов и агрономов, чабанов и доярок горячие дни: идет весна четвертого года семилетки, весна мартовского Пленума ЦК КПСС, поставившего новые грандиозные задачи в развитии сельского хозяйства страны.

Нас светлые дали зовут

На долгие века монументальными памятниками прошлых эпох остались гробницы и храмы — «обиталища» мертвых и богов. В них сила человеческая и искусство переплелись со слабостью и суеверием.

Каше поколение оставит по себе память иного рода. Памятниками нашего времени станут плотины гидростанций и машиностроительные гиганты, новые стальные магистрали и атомные электростанции, распаханная целина и многоводные каналы. Созданные людьми и для людей, они еще долго будут служить грядущим поколениям.

Фото Л. ГОРЯЧЕВА

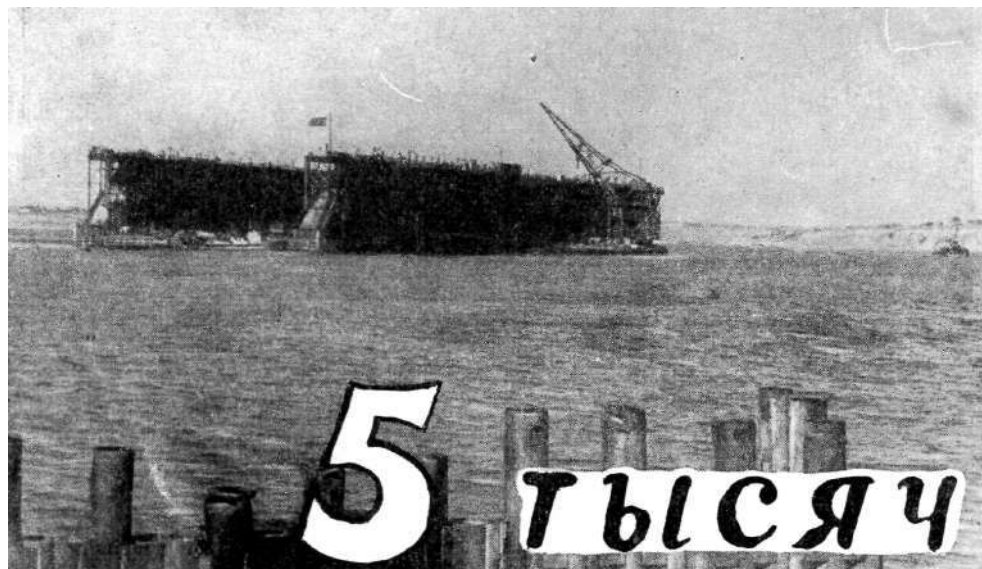

СЛАВА ПЕРВОМУ
СОВЕТСКОМУ
КОСМОНАВТУ
ЮРГАРИНУ.

"В газетах сообщалось о перегоне огромного дока из Балтийского моря в Черное. Расскажите, пожалуйста, более подробно об этом плавучем сооружении, о том, как проходил необычный рейс», — пишет читательница журнала «Вокруг света» В. Власюк из Киева.

АЛЬБЕРТ ПИН,
наш спец. корр.

5 тысяч миль на буксире

Когда на подходе к Одессе капитаны иностранных судов получают указание идти в порт Ильичевск, некоторые удивляются.

— Ильичевск? Впервые слышим...

Да, еще недавно такого порта на Черноморье не было. Не было и города, который раскинулся рядом с бухтой. Лишь ветер да чайки носились над мелководьем Сухого лимана.

Ныне, подъезжая по шоссе к правому берегу бухты, вы еще издали увидите на другой ее стороне ажурное переплетение порталных кранов и мачты стоящих под разгрузкой судов. А когда автобус остановится на крутом песчаном откосе, вам откроется гигантское сооружение, покоящееся посреди голубой ряби залива. Будто рука фантазера-великана где-то вырезала камеру огромного шлюза и, приладив к ней мачту с ярко-красным флагом, аккуратно поставила в черноморскую воду: смотрите, мол, люди, и восхищайтесь!

И есть чем восхищаться. Такого еще не было в истории мирового мореплавания: из Балтики в Черное море успешно проведен по кипящим волнам стальной гигант грузоподъемностью в 72 тысячи тонн — самый крупный в Европе плавучий док

для ремонта судов. За два месяца в новый порт Ильичевск доставлена первоклассная «больница», в которой нуждаются корабли Черноморья.

...По кажущейся нескончаемой стальной лестнице взбираюсь на двадцатиметровую башню плавучего исполина. С опаской поглядывая вниз, четверть километра иду по ее вершине — топ-палубе. Еще почти шесть десятков метров нужно прошагать по ходовому мостику, чтобы перебраться на другую башню. Добрых три футбольных поля разместилось бы на стапель-палубе дока, лежащей на огромных понтонах.

— Док сможет принять для ремонта самые крупные суда, — поясняет его начальник — док-мейстер Алексей Исаакович Зайцев. — Вот, к примеру, здесь свободно бы встала недавно построенная китобазы «Советская Россия» водоизмещением в сорок пять тысяч тонн. И еще хватило бы места для нескольких средних китобоев...

Игрушечными кажутся сверху звенья вытянувшейся по стапель-палубе цепи, с помощью которой буксировали док. А между тем каждое звено весит 70 килограммов. Эту цепь, как и два 64-миллиметровых троса, каждый длиной больше километра, сделали по специальному заказу на одном из наших заводов.

Буксировка дока даже малой грузоподъемности — очень сложная морская операция. Ведь эти сооружения приспособлены только для работы в портах, они не предназначены для плавания в открытом море. Много расчетов пришлось выполнить группе советских ученых во главе с академиком Ю. А. Шиманским, чтобы обеспечить безопас-

Сквозь штормы и ветры пробивался стальной исполин.

Для команды дока буксирные тросы — предмет постоянных забот,

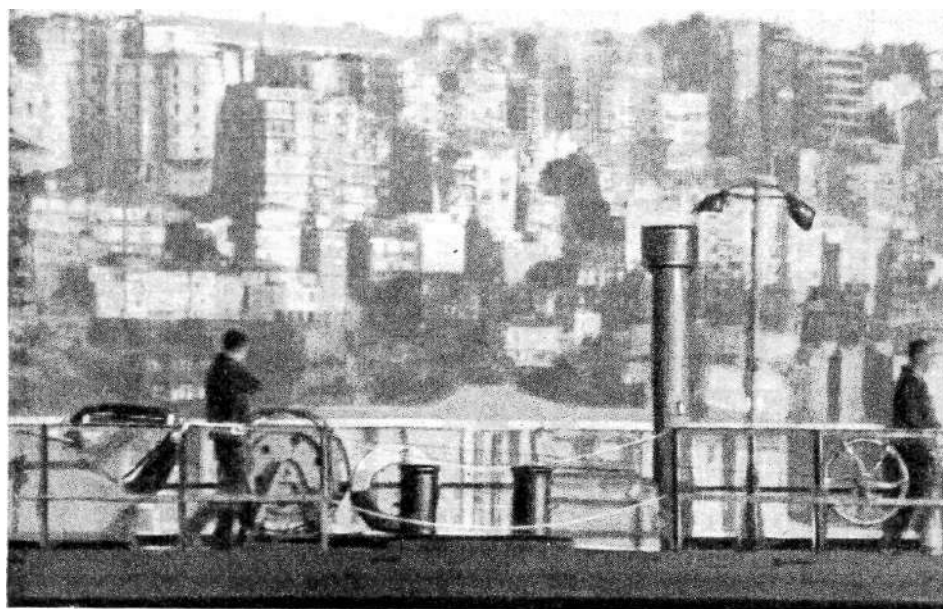
Фото А. ВАГИНА и Б. ГОЛОВНИ

ность проводки плавучего гиганта. Огромный искусственный остров на больших волнах мог бы... переломиться. Да, разломиться надвое, как пирог с начинкой. Такое опасение и высказывали специалисты. Возникла даже идея разрезать док пополам и буксировать по частям. Это, конечно, сделало бы операцию еще более сложной и дорогой. Победило мнение тех, кто трезвый расчет сочетал со смелостью.

Капитан дальнего плавания Леонид Евгеньевич Полин, который руководил экс-

Склонились над лоцтей руководители экспедиции — капитаны Леонид Евгеньевич Полин и Борис Пименович Остаевский.

С башни стального исполина дома Стамбула кажутся не очень большими...

На «Посейдоне» во время шторма.

педиции, не раз участвовал в сложных морских буксировках. В 1959 году вместе с другими советскими моряками он перегонял железобетонный плавучий док грузоподъемностью 6 тысяч тонн из Херсона на Камчатку. Три месяца длилась экспедиция, тысячи миль прошли моряки, преодолев и жаркие тропики и зюйд-вестовые штормовые муссоны Индийского океана.

Но последний рейс был самым напряженным в жизни опытного капитана...

Стальной гигант «старто-

вал» в Кронштадте 27 июня 1961 года. Семь судов, с ледоколом «Сибиряков» во главе, повели его. В Финском заливе впереди «упряжки» стал танкер «Пекин». 19 тысяч лошадиных сил этого крупнейшего советского транспортного судна должны были тащить стальную машину вокруг Европы. Остальные суда помогали «Пекину».

Погода выдалась на редкость плохая. Первый сильный шторм поджидал моряков уже в водах южной Балтики. Близ острова Борнхольм на плавающую армаду обрушился ураганный десятибалльный циклон. В дикой пляске кружились вокруг дока дождевые вихри и вставшее на дыбы море. Белогривая кавалерия волн свободно разгуливала по его просторной стальной палубе. Один за другим вынуждены были лечь в дрейф спасательные суда и ледокол «Сибиряков». «Пекин» остался с доком один на один. Он то пылся назад, то рвался вперед или застыл на месте. Наконец, глухо ворча, волны отступили.

Датские проливы встретили караван крутыми поворотами, мелями и банками. Пролив Большой Бельт. Здесь полторы сотни островов, восемьдесят поворотов, восемьдесят курсов. Даже когда корабль идет один, не так просто управиться рулевому. А тут должен пройти километровый караван со стальной неуправляемой машиной на буксире весом в восемьдесят шесть с половиной тысяч тонн!

Пришлось укоротить буксирный трос. К активным действиям приступили спасатели «Аргус», «Атлант», «Посейдон» и ледокол «Сибиряков». Они то пристраивались к доку с кормы и выполняли роль его «толкачей» и «рулей», то швартовались к нему лагом. Ледокол «Сибиряков», «вцепившись» в док, порой помогал «Пекину» удерживать его на месте.

Действия каждого судна были подобны работе четко выверенного часового механизма. Каждый моряк нес вахту на своем посту, понимая, что от него зависит успех общего дела. И каждый ощущал локоть товарища. Быть может, поэтому трудно назвать «особо отличившихся». «Четыреста человек нас было. Все несли службу — только и всего...» — так говорили участники рейса.

Датские лоцманы, считавшие невозможной проводку такой машины вблизи своих берегов, узнав об успехе операции, заявили: «Это подвиг. Мы еще раз убедились, что русским любое дело по плечу».

...Но морю будто понравилось испытывать крепость стальных тросов и человеческих нервов. Немного отдохнув, оно закипело снова. В Северном море несколько суток не отставали от каравана циклоны.

— В кают-компаниях дока вы бы не заметили ничего особенного, — рассказывает докмейстер. — Здесь качка почти не ощущалась. Все оставалось на местах: стаканы, лампы, приемник. Только приборы центрального поста управления сообщали: док лихорадит, док в опасности.

Волны большой длины то взваливали на себя среднюю часть дока, и тогда зависали в воздухе его корма и нос, то, наоборот, подхватывали громаду с краев, и над пропастью повисала ее середина. На мгновение — оно длилось две, три, пять секунд — основание дока угрожающе прогибалось вверх или вниз...

Надо парализовать разрушительную силу волн. В эти дни «мозг» дока — центральный пост управления — не знал отдыха. Когда док в порту, отсюда руководят его погружением и всплытием. Но теперь здесь решались другие задачи. Нужно выбрать наилучшее направление для движения дока, «сбалансировать» его так, чтобы прогиб основания стал наименьшим. А для этого приходилось изменять осадку дока. Мощные насосы гиганта, способные за час выкачать около 50 тысяч тонн воды, — 1 000 железнодорожных цистерн — принимали и откачивали воду из понтонов.

Но вот остались позади бурное Северное море,

туманный Ла-Манш, беспокойный Атлантический океан. Как бы в награду за сорок пять штормовых дней и ночей Средиземное море встретило участников перегона солнечной тихой погодой.

Однако на последнем отрезке пути стальную армаду ждало еще одно испытание — узкие проливы Дарданеллы и Босфор.

Когда советские моряки прошли Босфор, администрация судоходного пути прислала им приветственную телеграмму: «История Босфора не знает подобного подвига мореплавателей». Авторы телеграммы не покровили душой: до самой последней минуты они сами не верили в возможность свершения такого подвига. Несколько часов одиннадцать турецких экспертов убеждали начальника экспедиции отказаться от проводки километрового каравана через Босфор: «Док застрянет, забьет морскую артерию...»

...В пять часов утра 25 августа армада вступила в пролив. В этот ранний час Босфор спал. Дремали раскинувшиеся на набережных роскошные особняки. Спали, тесно прижавшись друг к другу, обветшалые хибарки.

Только советским морякам было не до сна. Нет, они не сомневались в своих силах: капитаны судов и матросы, механики и мотористы — четыреста отважных, сообща одолевшие свирепые циклоны. И все же каждый из них волновался — необычный предстоял поединок: стальная армада и узкий пролив.

Турецкие портовые власти сняли с якорей стоявшие в Босфоре суда, отвели в сторону боновое заграждение, приостановили движение кораблей. Администрация канала считала, что для проводки дока потребуются шестнадцать часов!

Стремительное встречное течение извилистого пролива оказалось для каравана еще более тяжелым противником, чем штормы и волны. Караван шел медленно, со скоростью всего в два узла, хотя «впряглись» в него 27 тысяч лошадиных сил. Спереди док тянули спасатель «Посейдон» и танкер «Пекин», ледокол «Владимир Ильич» помогал им, «лбом» форштевня подталкивая неповоротливую машину с кормы, а лагом к ней швартовались спасатели «Аргус», «Атлант», ледокол «Торос» и два турецких буксира.

В изгибах Босфора километровый караван с огромным трудом пробивал себе дорогу, борясь с встречным течением, достигавшим скорости четырех узлов. Временами казалось, что вот-вот стальная машина развернется поперек пролива и соединит мостом Европу и Азию...

Час, другой, третий — восемь часов шел исплин по Босфору. Тысячи местных жителей, собравшихся на набережных и берегах, наблюдали за поединком советских людей с морем. Наконец 16 миль пролива были преодолены. Перед караваном легла темно-синяя гладь Черноморья...

— Теперь нашему доку осталось совсем маленькое «путешествие», — говорит докмейстер, с которым мы спускаемся вниз по уже знакомой мне бесконечной лестнице. — Его подтянут немного вверх по лиману. Там роют котлован, ведь на мелководье он не сможет принять суда. А рядом построят новый судоремонтный завод. Океанские лайнеры и супертанкеры будут поправлять свое «здоровье» у нас в Ильичевске.

...Наш катер отваливает от дока и, кренясь на крутой волне, идет к порту.

— Вот здесь и здесь будут причалы! — показывает на пустынный берег рулевой. — И не узнаешь тогда Сухого лимана. Как говорится, шагает семилетка...

Басовитый гудок спящего неподалеку от нас буксира заглушает его слова.

Я смотрю на эти берега, потом вперед, где выстроились на рейде суда... И снова вглядываюсь в громаду дока, который стальным бастионом, вписался в облик нового города.

Алмазы живых людей

РУДОЛЬФ ДАУМАНН

Повесть

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ПРИШЕЛ ЧЕЛОВЕК В КИВИ-КИВИ

«А» рузья, в те годы, когда еще не открыл алмазные россыпи, у меня часто не бывало даже сухой корки хлеба. А если и перепадала кукурузная лепешка, то это была заслуга моего верного негра Баантумичо.

Плохо бы мне пришлось в ту пору, если бы не Баантумичо. Ведь у меня не было ни гроша за душой».

Так обычно начинал фламандец Тиль Брюггенсен длинную историю открытия им алмазных россыпей в Киви-Киви на берегах Касаи, одного из больших притоков могучей Конго. Именно Тиль и дал старт человеческому безумию, появившись в Леопольдвиле с карманами, набитыми алмазами. Через несколько дней после возвращения Тили сотни людей устремились за счастьем в болота Киви-Киви.

«Леопольдвиль, столица Бельгийского Конго, расположен неподалеку от Стэнли-Пула, где великая река Конго расширяется, словно воды ее набираются сил, готовясь с грохотом низвергнуться за гор бесчисленными водопадами и быстринами. Европейцы называют город Леокином, или Лео. Здесь начинается судоходство по великой реке и ее притокам.

Принято считать, что в Леокине двести тысяч жителей. Однако порой их бывало не больше ста пятидесяти тысяч. В дни же контрактиции рабочих и во время больших базаров население этого удивительного города возрастало до трехсот тысяч человек за счет добродушных негров и высокомерных мулатов. И нигде во всей громадной Африке европейцы не чувствовали себя тогда уверенней, чем в Леокине, и нигде белый не был таким полновластным хозяином негров, как в бассейне великой реки. В дни открытия алмазных россыпей в Леокине произошел и тот случай, — продолжал свой рассказ Тиль, — когда ревнивый негр сбил с ног пьяного агента, не стерпев, что белый вербовщик ударил хлыстом его стройную темнокожую жену. «Ужасное» происшествие. Само собой разумеется, на следующий же день по приговору суда

негр был повешен перед ратушей. Повешен с надписью на груди: «Бунт, покушение на государственного служащего и грубое нарушение порядка в городе».

Вдова негра, с горькими воплями раздиравшая себе лицо, была тотчас выслана из Леокина под тем предлогом, что родина ее — Португальская Ангола. Удалось ли ей вернуться? Скорее всего, кто-нибудь недурно заработал, перепродав ее в одно из увеселительных заведений Леопольдвилля или Браззавилля. Конечно, торговля рабами давно запрещена... И как это негры ухитряются попадать в неволю?

Однако здесь речь пойдет не

о черных жемчужинах из племени банту, а о ценностях, по мнению предпринимателей, куда больших — об алмазах. Удивительней всего, что эти драгоценнейшие камни не что иное, как углерод. Если у вас есть желание и деньги, можно алмазы просто жечь. В пламени дуговой лампы алмаз ярко вспыхивает, мгновенно — и бесследно исчезают три-четыре карата. Сгорит без остатка; в воздухе растворится углекислота и поможет росту бананов, сладкого картофеля, а то и маниока...»

О маниоке Тиль говорил подробно, но с явным отвращением:

«Как появился маниок в Африке? Родина этого ядовитого клубня, вес

Сокращенный перевод повести «Алмазы Киви-Киви».

которого нередко достигает нескольких десятков фунтов, — Южная Америка. Но когда белые стали охотиться в лесах на негров, волей-неволей пришлось позаботиться и об их пропитании. Для рабов всегда считалось хорошим самым дешевое, а потому в Конго стали выращивать маниок».

Сам Тиль Брюггенсен родился в деревушке Бишоот у Малдегема, неподалеку от известного старинного города Брюгге.

В 1914 году разразилась война. Провоевав с немцами три года, молодой пулеметчик был в 1917 году отравлен газами. Он долго болел и, несмотря на заслуги, так и не нашел работы на родине. Отчаявшись, он согласился на перевод в Бельгийское Конго сержантом колониальных войск. Демобилизовавшись, Тиль попробовал заняться возделыванием маниока. Но Бельгийский банк закрыл ему кредиты, и Брюггенсену пришлось из Базоко, что в среднем течении Конго, возвратиться в Леокин и искать работу. Награжденный высшим бельгийским орденом, Тиль надеялся на поддержку правительства, но глубоко ошибся. Дело в том, что у Тили был существенный недостаток — все вещи он называл своими именами.

Вымогательство у коренных жителей Конго он не называл «подарками благодарного населения», а просто грабежом. Вместо «руководства неграми для воспитания из них полноценных рабочих» он говорил о принудительном труде на плантациях, о разбое белых чиновников. Встреча военного коменданта или губернатора провинции, он громко приветствовал их: «А, старый кровопийца!.. Конголезский палач!» Неудивительно, что Тили пытались выжить из Бельгийского Конго любыми способами. И, конечно, для такого человека у правительства работы не было. В конце концов Тиль решил действовать самостоятельно.

В сопровождении своего верного мичолунги, захватив лишь крупнокалиберное ружье для охоты на слонов и острый тесак для рубки девственного леса, Тиль отправился в малярийные дебри реки Касаи. В Леокине вздохнули свободней: наконец-то тропическая малярия заставит замолчать опасного болтуна!

Длина Касаи — две тысячи километров, и в дождливый период она несет воды раз в двадцать больше, чем Рейн около Кёльна во время паводка. В среднем течении Касаи проходит граница между Португальской Анголой и Бельгийским Конго. Там, где на сотни километров простирался тропический лес, Тиль и решил поохотиться. Конечно, охотиться на слонов запрещено, а лицензия на охоту стоила куда больше, чем вся давно проданная Тилем ферма. Но в Анголе действуют другие охотничьи законы, чем в Конго, да и кто будет в непроходимых болотах разбирать, откуда взялись слоновые бивни. Двадцати полновесных

бивней вполне хватило бы, чтоб наконец-то уехать на родину — в Европу, где над крышами кирпичных домов Бишоота проносится свежий северный ветер.

Молодого мичолунги Тиль укрыл когда-то от погони: негр бежал от невыносимой принудительной работы со строительством железной дороги в Линди. Тиль убил обеих собак-ищеек и до смерти напугал надсмотрщиков.

На груди у слуги красовался знак, удостоверяющий, что негр работает по контракту и освобожден от всех других принудительных повинностей. Знак этот Тиль попросту «взял» из стола бельгийского комиссара по труду во время своего последнего визита.

Тиль и Баантумичо понимающе улыбнулись друг другу, раздобыв бесплатно билеты на пароход от Леокина до Порт-Франки. Они от-

ли маниок в помятых жестянках из-под бензина. Иногда им удавалось поймать в лесу нескольких гигантских лягушек, болотных черепах или молодого крокодила; собрать дюжину улиток величиной с кулак.

Комендант Порт-Франки на реке Касаи запретил Тилю и его слуге ехать дальше. «Без провианта, без товаров для обмена, без десяти па крайней мере негров носильщиков экспедиция состояться не может. У вас детское представление о первобытном лесу, господин Брюггенсен, — заявил комендант. — Это вам не увеселительная прогулка в Альпах, с рюкзаком за плечами. А мне придется отвечать, если вы попадете крокодилам в пасть, не говоря уже о расходах на розыски. Или снарядите экспедицию, как полагается, или немедленно вернитесь в Леокин!»

Но Тиль, не вняв советам, в одно прекрасное утро исчез вместе со

АЛМАЗЫ КОНГО

Крупнейшие месторождения алмазов находятся в Африке. Первое место занимает Конго, намного опережающее другие страны континента. Так, в 1959 году из Конго было вывезено 16 миллионов каратов алмазов.

Алмазы были обнаружены в бассейне реки Конго в 1903 году. Россыпные месторождения алмазов широко распространены на юге Конго, в районе реки Касаи и ее притоков, на площади около 400 тысяч квадратных километров.

Добычей алмазов как в Южной, так и в Центральной Африке занимается англо-бельгийская компания «Де Беерс консолидейтед майнз», связанная с лондонским Сити и возглавляемая семейством Оппенгеймеров.

Повесть Рудольфа Дауманна «Ад живых людей» возвращает нас к тем временам, когда разведка новых месторождений полезных ископаемых была в самом разгаре и международные монополии, хозяйничающие сейчас в Конго, начинали грабить богатства народов Африки.

Рудольф Дауманн показывает, как разгорается «алмазная лихорадка», сколько преступлений связано с этими камнями, сколько ради них пролито крови.

В конце концов всемогущая компания «Де Беерс» прибирает к рукам все новые богатые месторождения, открытые незадачливым фламандцем Тилем Брюггенсеном.

Пример «Де Беерс консолидейтед майнз» характерен для действий международных компаний на территории Конго. Он проливает яркий свет на преступную деятельность международных компаний в Республике Конго и в наши дни. Любой ценой пытаются они сохранить те баснословные прибыли, которые получают от эксплуатации конголезских горнорудных предприятий.

правились в путь: белый — на верхней, черный — на нижней палубе, где сотня цветных ютилась на двадцати пяти метрах. Единственное удобство подобного путешествия — остановки на ночь.

Все цветные пассажиры высыпали на берег, разводили костры, вари-

слогую, успевшим завести дружбу со всеми чернокожими солдатами.

Посланные за беглецами патрули вернулись через десять дней ни с чем. «Лес велик, широка Касаи, громадные крокодилы, и узка тропа в Анголу, — пели, возвращаясь, негры. — След белого растаял, как ро-

са жарким утром. Никогда нога его не ступит на землю Порт-Франки, его поглотили джунгли и болота Киви-Киви».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Через десять месяцев, в разгар тропических дождей, Тиль снова появился в Порт-Франки, оборванный, исхудавший, поддерживаемый верным Баантумичо, черное лицо которого казалось серым. Ружья не было, а нож сточен до стилета.

Когда комендант вздумал подарить Тилу новую одежду, Брюнгенсен прохрипел: «Недурной обмен, капитан! За сто тысяч бельга не отдам эти лохмотья. Не судите по виду!»

На следующий же день, заплатив бешеную сумму за отдельные каюты для себя и мичолунги, Тиль поплыл в Леокине. Пассажиры редко видели обоих. Фламандца свалила тропическая малярия, он глотал хинин. А через десять дней, дрожа и опираясь на руку Баантумичо, сошел в Леокине на набережную.

Хозяин отеля «Рояль» вытаращил глаза, когда жалкий оборванец потребовал лучшие комнаты для себя и для своего слуги.

— Пятьдесят бельга в день, — сказал хозяин.

— Знаем ваши цены! — вспыхнул Тиль. — Получите пятьсот бельга вперед!

Когда портье поинтересовался, где же багаж господина, Тиль засмеялся:

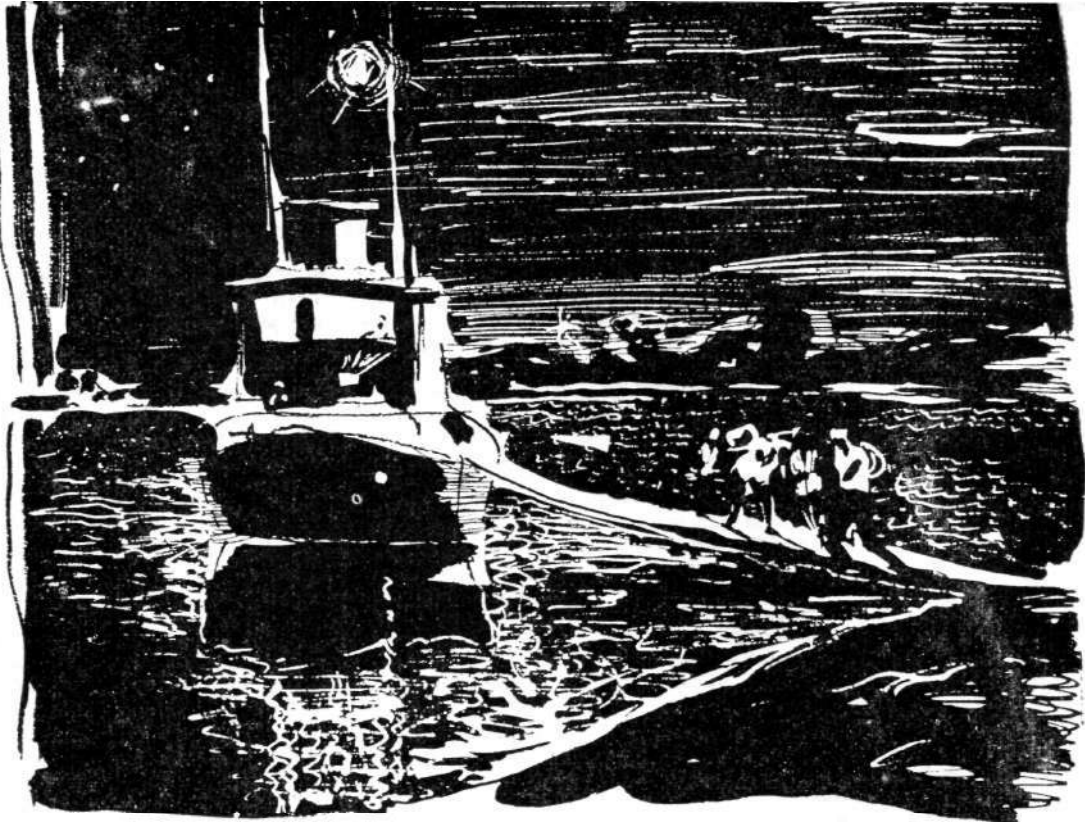
— Все в этом кармане. Да-да, под лохмотьями! Тут больше драгоценностей, чем в пяти алмазных кофрах. Успею купить все новое. А сейчас позовите господина Беннисона, именно его, — главу алмазной компании «Де Беерс» в Леокине. Скажите, что Тиль Брюнгенсен вернулся с реки Касаи и ждет его. И потом поскорее пригласите доктора Массиньи, меня забрало всерьез...

Выходя от Тили, врач встретил на террасе агента алмазной компании.

— Мне кажется, мистер Беннисон, тревожить Тилиа просто преступление, — сказал врач. — Он руина, а не человек. Его надо было бы немедленно и надолго отправить в больницу, чтоб изгнать из него всех тропических чертей. Но проклятый упрямец! Вместо этого я должен сам переселиться сюда и лечить его. Да он еще утверждает, что вы примете все расходы на свой счет!

— Если это говорит Тиль Брюнгенсен, вероятно, он не ошибается, — пробурчал делец. — Но можно ли все-таки к нему?

— Входите, проклятый обманщик, — послышалось из затемнен-

ной комнаты, — и мобилизуйте миллион фунтов стерлингов, тогда я продам вам секрет. Если ж вы не согласны, я создам конкурирующую компанию и разорю вас!

— Старый грубиян, — засмеялся представитель компании. — Ревет, как стадо горилл, а всего-то притащил из песка Касаи паршивых три камушка. Так было со многими уже не раз. Основного месторождения еще не нашел никто.

Когда через три часа доктор Массиньи вернулся в номер, Беннисон поднялся со стула:

— Все в порядке, Тиль, вот чек. Деньги за неотшлифованные камни переведу на ваш счет. Поправляйтесь скорей. И тогда передадите нам ваши права и заявки.

— Ну, доктор, ставьте меня поскорей на ноги, — проговорил Тиль. — Не позже чем через три месяца я должен снова побывать в аду Касаи — в последней раз! После этого я наконец-то смогу вернуться на родину. Если б вы знали, какой там прохладный ветер!..

Далеко за полночь сидел Самуэль Беннисон, проверяя со своим ближайшим помощником камень за камнем и внося их в длинный список. Тщательно очистили они двадцатикаратный алмаз.

— Безусловно, в основании синеватый тон! — установил первый помощник Беннисона — Барклей. — Такой алмаз я встречал в Кимберли. Брюнгенсен нашел камни вблизи нового основного месторождения в Киви-Киви. Ни на одном камне нет царапин, многие запечены в синем фоне. Жаль, что парень так скрытен! Шеф, а сколько нам заплатит компания «Де Беерс», если мы завладеем патентом на разработку месторождения?

— Может, подбросить немного мичолунги, чтобы он заговорил? Кроме нас, никто не должен знать о находке.

— Да, сторожайшая тайна, — закивал помощник. — Лишь в этом случае мы сможем получить кое-что и для себя. Подумать только, какое богатство свалилось в карманы этого бродяги!

Но в мире всегда так — чем больше хотят сохранить тайну, тем больше о ней болтают. Больной Тиль Брюнгенсен стал центром всех сплетен. Откуда у него деньги? Лучшие комнаты отеля, собственный врач, целый отряд сиделок и санитаров... Нет, слоновые бивни таких денег не принесут. И Беннисон от него прямо не отходит. Значит, дело идет или о золоте, или об алмазах.

О залежах алмазов на Касаи поговаривали давно. Иногда появлялся охотник или торговец из первобытных лесов на границе с Анголой и приносил алмазы — правда, не особенно большие. Находили их в речном песке или выменивали у туземцев.

Потому-то и сидел Самуэль Беннисон в Леокине. Представитель компании «Де Беерс» по дешевке скупал все необработанные камни. В Южной Африке, в Кимберли, находилась главная контора алмазного треста, а филиалы были в Бразилии, Ост-Индии, на Борнео и Суматре, в Австралии и Центральной Африке — отовсюду текли алмазы разных сортов и оттенков в сейфы компании. Только десять процентов шли на украшения, остальные поглощала техника. Не будь алмазных месторождений России, компания обладала бы почти мировой монополией.

Самуэль Беннисон, скупая камни, осведомлялся, где они найдены, и заносил сведения на специальную

карту алмазных месторождений, но ничто до сих пор не указывало на новые богатейшие месторождения в Киви-Киви, не уступающие знаменитым залежам в Кимберли. В каком месте необъятных болот и темных вод речки Киви-Киви, впадающей в Касаи, нашел Брюггенсен алмазы? Ведь компания «Де Беерс» три раза посылала туда геологические экспедиции, но понапрасну. Простирающиеся на тысячи квадратных километров болота преграждали путь исследователям.

И вот теперь в Леокине все заговорило о Киви-Киви. Баантумичо упорно отрицал, что был там. Но опытные старатели лукаво шурились: «Ясно, мальчишка хитрит... Конечно же, это Киви-Киви!»

Область Киви-Киви вдвое, а может быть и втрое, больше иного самостоятельного государства.

Вся она состоит из полусгнившего болотного тростника и слоновой травы, из ила и мутной воды. Рай для бегемотов и крокодилов, змей и мухи це-це. И где-то там, в этом богем забытом крае, затерялся клочок земли, на котором сосредоточено несметное богатство — основные залежи алмазов. И этот гектар, а то и меньше, земли пока еще никому не принадлежал. Каждый может там копать, добывать и забирать сокровища, которые найдет в этом топком болоте.

За несколько дней цена на негров-сафари возросла вдвое. На базарах Леокина остались только стартики. Выносливые носильщики и опытные охотники из непроходимых лесов с берегов Конго на этот раз сами диктовали условия. Каждый белый предприниматель стремился перебежать другому дорогу. В бюро заключались контракты на три-четыре и даже шесть месяцев, вносились

гарантийные суммы. Место работы указывалось приблизительно — «на границе Касаи». Казалось, вся провинция бросилась насаждать цивилизацию в пограничном районе.

Тиль Брюггенсен хохотал во все горло, когда Беннисон с озабоченным видом сообщал об экспедициях.

— На здоровье, Киви-Киви велика, а где я нашел алмазы, никто не знает. Почему я еще не сделал заявки? Да очень просто — пусть сначала уберутся из Леокина все эти бездельники. Иначе место россыпей было бы давно известно каждой собаке. Лучше подумайте, Беннисон, сколько заплатить мне за открытие!

— Поправьтесь сначала и проведите наших экспертов к месторождению. Тогда посмотрим...

— Проведу, если компания хорошо заплатит! И, кроме того, все камни из пробных шурфов пойдут на мой счет. Составьте ясный договор, и я укажу участок икс между Касаи и Киви-Киви, а вы забаррикадируйте его для компании «Де Беерс».

— Если компания пожелает, — вздыхал агент. — С алмазными операциями дело обстоит не так уж блестяще: приходится придерживать продажу, чтобы цена на камни не упала.

— Я могу вам совсем испортить рынок сбыта, — издевался Тиль. — Найду себе компаньонов. Отбоя не будет. Да стану еще конкурировать. Техника кричит: «Давай алмазы!» — а карборунда на моих россыпях сколько угодно. Кое-что вы уже видели...

— Успокойтесь, Тиль, договор в основных чертах уже составлен. Вы останетесь довольны. Вот если бы вы мне больше доверяли!

— Доверие? — Больной усмехнулся. — Я это слово давно вычерк-

нул из своего лексикона. Никакого доверия, когда речь идет о «деле». Вот моему мичолунги я доверяю полностью. А вашим бестиям капिता — нет уж, увольте!

ИСКУШЕНИЯ ТИЛЯ БРЮГГЕНСЕНА

Тиль Брюггенсен начал понемногу выезжать. Прошло уже полгода с его появления в Леокине. Из лесов Касаи стали возвращаться разочарованные старатели, настолько обедневшие, что еле могли рассчитаться с законтрактованными рабочими.

— Брюнгенсен указал неправильный путь! — кричали вернувшиеся.

— Ну нет, я ни одному человеку не говорил, где нашел камни, — смеялся Тиль, — да и слуга мой не проговорился. А если вы не нашли алмазов в Киви-Киви, так это совсем не значит, что их там нет. Плохо искали!

Хотя Тиль временами еще душил кашель, ходил он, уже не опираясь на своего верного слугу. Правда, тот всюду сопровождал хозяина, ни на минуту не оставляя его одного. Баантумичо и не подозревал, что Самуэль Беннисон приставил для охраны «драгоценного человека» двух детективов. Нет, теперь Тилю не спастись от компании «Де Беерс»! В Леокине были люди, задумавшие похитить Тиль, но те, кто его знал, высмеяли похитителей, так как заставить фламандца проболтаться было невозможно.

Попробовали и другой способ. Однажды в баре гостиницы «Рояль» появились красивые женщины. Ходили слухи, что их выписали из Антверпена или Брюсселя. Назывались высокие суммы вознаграждений дамам, если Тиль заговорит с ними — конечно, не о своей любви, а о местонахождении алмазов.

Когда однажды вечером стройная Молли решила навестить фламандца в его бунгало, ей преградил дорогу высокий, статный мичолунги:

— Господин Брюнгенсен болен. Он шлет вам за потерянное время подарок. Нет, благодарить не нужно.

В золотой шкатулке лежали голубой, черный и желтый бриллианты, каждый по четыре карата, и записка: «Шлифовка и форма отсутствуют. Передайте вашим хозяевам».

«Он миллионер, — твердили все, так как девушки не стали молчать о подарке. — И вы не могли его удержать?»

Тиль часами совещался с Беннисо-

ном и Барклеем, подготавливая экспедицию. Но когда его просили указать на карте, где находятся россыпи, он пожимал плечами:

— При подписании генерального договора в Киви-Киви я и укажу все шурфы. Кстати, на вашей карте тех мест нет. Да и откуда у вас может быть карта района, в котором не побывал еще ни один картограф!

Беннисон рассвирепел:

— Позвольте, Брюнгенсен! Эти карты сняты аэрофотосъемкой. Вот Киви-Киви.

— Ерунда, — оборвал его Тиль. — Киви-Киви ежегодно в период дождей меняет русло. Только поэтому я и нашел эти россыпи. Ну вот, я и разболтался. Лучше думайте об экспедиции. Да запомните, что без меня вам ничего не найти, а потому вам придется заботиться о моем драгоценном здоровье.

Когда он ушел, Барклей, чертыхаясь, сказал:

— Подождем, пока будем на месте. И если он не вернется из первобытных лесов, разве не мы окажемся первооткрывателями алмазных россыпей?

На том достойные компаньоны и порешили.

Вечером в баре отеля «Рояль» к столу Брюнгенсена подошел скромно одетый человек и попросил разрешения присесть.

— Жан Янзен, геолог, — представился он. — Вот мои рекомендации. Я добился большой стипендии и приехал в Африку, чтоб разобраться в некоторых геологических спорах и написать потом докторскую диссертацию.

— Очень приятно. — Тиль озадаченно посмотрел на длинное рекомендательное письмо ректора Лувенского университета. — Всю жизнь преклонялся перед наукой. Но чем могу вам помочь, не знаю. Могу я предложить вам выпить?

Кандидат смущенно посмотрел на пузатую бутылку в ведерке со льдом.

— Позвольте рассказать вам с» своих планах. Вы, конечно, знаете, что Африка — это хорошо сохранившийся, почти не изменившийся остаток Гондваны...

— Гондваны? Не слыхал.

— Разрешите, я объясню, — смущился молодой геолог. — Гондвана — название древнейшего континента, существовавшего, по мнению многих геологов, в южном полушарии в течение палеозойской эры. Этот гигантский континент охватывал современную Африку с Мадагаскаром, Австралию, а также Индостан, Бразилию и часть Атлантического и Индийского океанов. Было это тысячу миллионов лет назад...

— Гром и молния! Тысячу миллионов лет назад уже была земля и по ней текла река Конго?! Вы не ошибаетесь?

— Возможно, водораздел Конго, еще древней, — продолжал геолог. — Но я не люблю преувеличений. К сожалению, колониальное управление не интересуется строением Земли. Что мы знаем о древнейших породах? Все заросло и заброшено. И что я здесь найду — неизвестно. А вот вы, господин Брюнгенсен, действительно напали на геологическую редкость!

— О чем вы? — насторожился Тиль.

— Позвольте объяснить. В древнейшие времена — тогда, когда происходило образование Гондваны, возникли темные каменные породы: например, габбро. Главную роль играли при этом оливины, названные так потому, что они черно-зеленые, как спелые маслины. А особой формой их был кимберлит...

— Это как-то связано с Кимберли? — перебил фламандец.

— Конечно! Кимберлит — основ-

ная, материнская порода южноафриканских алмазов.

— Гарсон, счет! — закричал Тиль и встал. — Эх, молодой человек, призывая на помощь науку, пытаетесь выведать, где я открыл кимберлит! Передайте своим хозяевам, что Тиль скрытен, как дважды запаянный гроб. Рассказываете про Гондвану, а сами хотите выведать, где я наткнулся на кимберлит. Нигде, господин, нигде! В первый раз слышу и о Гондване и о кимберлите!

Тиль быстро пошел к выходу, но, не дойдя до двери, вернулся.

— Возможно, я не прав, Жан Янзен, — пробурчал он. — И я охотно помог бы честному человеку найти этот проклятый кимберлит. Считайте себя с этой минуты моим личным геологом и поезжайте со мной. Не пожалеете... Но если вы меня обманули, лучше не подписывайте контракта... На земле Гондваны громадные крокодилы, и мы едем туда.

Ложась спать, Тиль спросил Баантумичо:

— Что скажешь об этом молодом человеке, не умеющем пить шампанское?

— Хорошая душа в глазах, никакой силы в руках.

ЕЩЕ ОДИН НАСТОЯЩИЙ ДРУГ

Довольный прогулкой, Тиль возвращался домой. На веранде бунгало стоял встревоженный мичолунги и кричал Тилу:

— Господин, господин, здесь господа Эльза Вандермолен! Она все плачет, плачет...

Эльза Вандермолен была женой его лучшего друга — Гендрика, воздвизающего маниоку неподалеку от Манолы. Везло ему больше, чем Тилу. И когда последний разорился, Гендрик предложил Брюнгенсену пять тысяч бельги — все свои деньги, хотя у него на руках было четверо детей и жена.

— Эльза! Веселая и храбрая Эльза! — Тиль взбежал по лестнице и, войдя в затемненную комнату, сначала ничего не мог разобрать.

— Тиль, наконец-то!.. Гендрик, прежде чем навеки закрыть глаза, сказал: «Иди к Тилу». И вот я пришла...

— Эльза... — Только теперь Тиль разглядел черное платье и залитое слезами худенькое лицо. — Эльза, успокойся...

— У меня ничего нет, — устало произнесла Эльза. — Гендрик умер. Прдала все и заплатила в пансион за детей. Хватило только на год. Как жить дальше?..

Тиль поразила смерть друга: «Умер Гендрик, который голыми руками мог с корнем вырывать маслянные пальмы... Проклятая болезнь!.. Как часто я завидовал приветливому дому Гендрика, где с утра до вечера звенел детский смех!»

— Дай мне работу, чтоб малышам не пришлось просить милостыню.

Я проработала четыре дня у кабатчика Хаттерса и вот услышала о тебе...

— Ты что, с ума сошла? Не знаешь разве, что за мерзкий кабак у Хаттерса! — разозлился Тиль.

— Знаю, но когда надо заботиться о четверых детях, да еще в Леокине, приходится прятать гордость в карман.

— Ну что ж, Эльза, если тебя устроит должность экономки в моем доме, считай себя принятой на работу.

— Я согласна, — кивнула Эльза. — Но я пойду с тобой в экспедицию, о которой все говорят в Леокине. И если сбудется хоть десятая часть болтовни, то я обеспечу Питера, Хеннера, Марику и Клауса.

— Послушай, Эльза, не сделай только глупости — не выходи за меня замуж.

Эльза подошла к Тилу и положила натруженные руки на его плечи.

— Знаешь, дорогой, от дружбы очень трудно перейти к любви. Нет, отчима у детей не будет. А ты убедись, что женщина, испытывавшая все тяжести жизни в Конго, не будет для тебя обузой в походе.

Экспедиция Тиль отбыла так внезапно, что желающие присоединиться даже не успели подготовиться. Тиль законтрактовал быстроходный моторный катер и отправился вверх по Касаи. Беннисон и Барклей покинули Леокин вслед за ним.

Любопытным репортерам, жаждущим новостей, Тиль перед отплытием сказал:

— Мне нужна перемена климата. Все остальное — глупость. Во время прошлых скитаний я действительно нашел алмазы и продал их. Спросите Беннисона. Но теперь я прощаюсь с Конго и покупаю домик в Остенде.

Конечно, никто ему не верил. Билеты на пароходы, идущие в Порт-Франки, были раскуплены на много недель вперед. Те, кто отправился в болота Киви-Киви при первых извещениях об алмазах и успел вернуться ни с чем, вновь обрели надежду: раздобывали деньги и заключали новые контракты с рабочими. Уже где-нибудь они зацепятся за след этого хитреца Брюнгенсена!

А тот обещал мотористу большое вознаграждение, если катер быстро придет в Порт-Франки.

— Вдвое быстрее, чем пароход? Нет, ребята, мы должны добраться туда за треть этого времени. Полный вперед! Не жалейте смазки и горячего.

Эльза, одетая по-мужски, в высокие сапоги, брезентовые брюки и наглухо закрытую рубашку, задумчиво смотрела на быстро меняющуюся панораму цветущего тропического леса.

— Бельгийское Конго простирается на два с половиной миллиона квадратных километров, в нем двенадцать миллионов жителей, то есть лишь пять человек на один квадратный километр. И все-таки люди не

могут прожить. Ведь из этой земли можно было бы извлечь в сто раз больше, чем она дает сейчас!

— Только не маниока, — с комическим ужасом сказал Тиль.

— Нет, почему маниока, Тиль! Я на нашей плантации выращивала те же овощи и фрукты, что и дома в Хейсте. Сначала это мне не удавалось. Муравьи и термиты растаскивали посаженные семена. Пришлось Гендрику бороться с ними. Потом, когда я научилась правильно обрабатывать здешнюю красную почву, все пошло великолепно. Вот только попугаи съедали зеленую кукурузу. Взгляни кругом — сколько земли! Нужно ее обработать как следует, и миллионы людей могли бы найти здесь счастье, если бы только господа капиталисты не мешали... Ну, вот хоть моя судьба. После смерти Гендрика они не оставили меня в покое — проценты в банк не заплатила и убирайся с земли, облитой нашим потом и кровью.

— А вы подумали, какой капитал понадобился бы для освоения этой земли? — спросил Жан Янзен.

— Я только слышу: деньги, капитал, — возмутилась Эльза, — а вы хоть раз сосчитали, сколько денег вывозят из страны?

— Смертность превышает рождаемость, — вмешался в разговор доктор Массиньи. — Народ в Конго мрет.

Эльза вскипела:

— А кто виноват в этом? Не хватает врачей. Целых три дня добиралась я на пароходе до Манолы, чтобы попасть к врачу. Поэтому умерли маленький Тиль и Гендрик. А что делают здесь подлецы с чер-

Читайте в следующем номере.

Кровью написана история алмазов в капиталистическом мире. В Южной Африке человеческими руками — только руками — вырыта самая глубокая в мире яма — карьер глубиной 854 метра. Там, около алмазного города Кимберли, находится и самое большое из всех кладбищ Африки.

Советскому человеку чужда погоня за богатством. Недавно на карте появился новый город. Его имя — Мирный. Не ради личного обогащения приехали сюда молодые романтики. Они хотят принести пользу Родине, создать в Якутии алмазную индустрию.

О них, смелых и самоотверженных людях, рассказывается в очерках Николая Коротеева, которые мы начинаем печатать с № 5.

нокожими! Я говорю о наборе на так называемые «общеполезные» работы. Негров племени манджума с верховьев Конго заставляют тащить тысячи километров пешком, чтобы провинциальному сатрапу губернатору выстроить в джунглях аэродром. Погнали тысячу человек, до Манолы дошли лишь семьсот, а на родину вернулось не больше трехсот. Счастье еще, что времена каучуковых репрессий прошли, когда мужчинам и женщинам отрубали руки за недобор дикорастущего каучука. Да и теперь разве мало туземцев гибнет, создавая комфорт белым господам?

— Ты настоящий друг негров! — воскликнул Тиль. — И разве ты не права? Посмотрите на моего Баантумичо. Сколько силы и талантов у этого человека! Эльза затронула страшную гнойную язву Центральной Африки. Я уверен, что политика белых доживает последние дни. Здесь все необходимо изменить.

ТРУДЕН ПУТЬ В КИВИ-КИВИ

К полудню показался Порт-Франки с белыми крепостными стенами, радиостанцией и сотнями разнообразных построек — от соломенных лагун до каменных домов. На молу толпа взволнованных зрителей следила за приближением катера.

Комендант порта и комиссар округа явились на пристань в парадной форме.

«Не хватает только салюта, — издевался Тиль. — Небось в прошлый раз чуть в каталажку не посадили, чтобы мы не удрали в лес!»

В ратусе был сервирован ужин. И прежде чем приступить к нему, Беннисон и Барклей совещались о чем-то с хозяевами города. Все это показалось Тилу подозрительным, и он ничего не пил, кроме минеральной воды из особой, запечатанной бутылки.

— Что с тобой? — спросила Эльза.

— Я дал бы тысячу бельга, чтобы узнать, о чем шепчутся мои милые компаньоны.

Все быстро разъяснилось. Когда был подан кофе, Беннисон укоризненно сказал:

— Странно, что вы умолчали о такой важной подробности. Оказывается, земля Киви-Киви принадлежит племени лунда и старый вождь запротестовал против вторжения белых. Если это подтвердится, наш договор недействителен.

— Лунда, — Тиль насмешливо посмотрел на агента компании «Де Беерс», — лунда, избегающие леса, никогда не покидающие своих высокогорных районов?! И вождь лунда собирается стать королем болот?

— Так утверждает комиссар округа. Да он сейчас представит нам этого вождя.

— Очень любопытно. Баантумичо! — Тиль заговорил с мичолунги на его родном наречии. Затем Тиль повернулся к Беннисону:

— Баантумичо прекрасно владеет языком лунда. Он станет рядом с официальным переводчиком.

Вождь лунда ждал в соседней комнате. Едва его представили, как он запел, гримасничая и жестикулируя. Баантумичо внимательно вслушивался в его жалобы и обвинения. Официальный переводчик, сбиваясь, что-то бормотал. Тиль делал пометки в блокноте, а Беннисон перебирал бумаги, переданные комиссаром округа.

Лунда был очень стар; вернее, его состарило курение гашиша: им так и разило от вождя. Закончив речь, вождь подтвердил правильность сказанного клятвой. И тогда Баантумичо громко расхохотался.

— Это лунда? А почему он носит знаки племени лобеле?

Тут и официальный переводчик заулыбался:

— Господа, Буукама не лунда, он лобеле, живет далеко на юге, никогда о Киви-Киви не слышал, а согласился сыграть эту роль за пятьдесят трубок гашиша.

— Выкиньте обманщика! — разгневался вдруг Беннисон. — Всыпьте ему пятьдесят горячих!

— Оставьте пьяницу в покое. Бить надо того, кто втирали в этот гнусный обман, — сказал Тиль.

Праздник продолжался до глубокой ночи. Но Тиль с друзьями покинули его еще до захода солнца. Остался один Жан Янзен, чтобы выведать планы врагов.

— Власть и компания «Де Беерс» — одна банда, — говорил он, возвращаясь в лодку. — Как они меня подпаивали, чтобы я проболтался!.. Но я рассказывал лишь о подземных магмовых отложениях. То, что вы открыли, они готовы забрать любым способом. Черные солдаты пели: «Опасна дорога в Киви-Киви. Многие идут в лес. Многие уйдут, но один не вернется...»

— Тогда завтра же утром в путь, — решил Брюнгенсен. — Все в сборе?

— Не хватает только Хитшимокера, — так Баантумичо называл помощника доктора Массиньи.

— Иоргаса? — переспросил доктор. — Он очень неаккуратен. Еще утром я послал его в аптеку за ампулами плазмохина. Конечно, встретил красивую девушку и заболтался.

— Я видел Хитшимокера вечером у господина Беннисона, — заметил Баантумичо.

— Дорогой Массиньи, а вы знаете, что на языке банту Хитшимокер означает «Чертовски подозрительный»? — спросил Брюнгенсен. — Будьте начеку. Я не боюсь болот Киви-Киви — меня страшит предательство...

Продолжение следует

Перевод с немецкого В. МАТВЕЕВОЙ

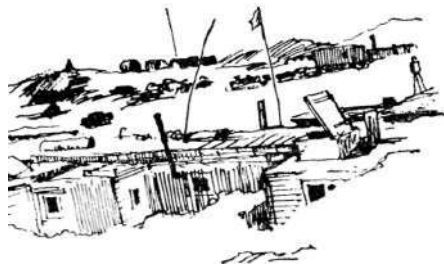

На лице молодого африканца — неподдельная радость. Здесь, в советской столице, он чувствует себя среди друзей. Вместе с ними он сядет на студенческую скамью, с их помощью будет приобщаться к передовой науке, к достижениям техники. И кем бы он ни стал: врачом, инженером, педагогом — у себя на родине он сможет применить знание на благо своего народа. И тогда еще не раз он вспомнит с благодарностью молодых друзей из Москвы...

«Здравствуй, Москва!» Фото В. ШКОЛЬНОГО (СССР).

Международная выставка художественной фотографии. Москва, 1961 г.

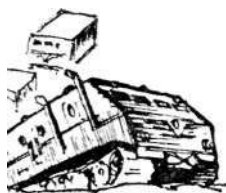
БУДНИ ЛЕДЯНОГО

В начале января 1956 года советский дизель-электроход «Обь», пробившись сквозь область коварных айсбергов и сплошных туманов, подошел к огромной ледяной стене. В океан обрывались величайшие в мире ледники. За ними в морозной дремоте лежала таинственная земля, закованная в лед. Так в соответствии с программой Международного геофизического года началось наступление на Антарктиду, в котором участвовали ученые двенадцати стран. Закончился МГГ, а планомерная осада шестого континента продолжается. Седьмой год трудятся антарктические экспедиции различных стран. Давно вошли в обиход и известны всему миру названия Мирный и Восток, Мак-Мердо и Амундсен-Скотт. Давно обжиты засыпанные снегом домики и лаборатории зимовщиков.

Геофизики собрали богатый «урожай» фактов об этом крае ледяного безмолвия. «Белые пятна» на антарктической карте исчерчены маршрутами полярников. Стало ясно, что Антарктида — континент, а не архипелаг островов, прикрытый ледяной шапкой. После тщательной «инвентаризации» антарктических кладовых обнаружилось, что здесь хранится процентов на сорок льда больше, чем предполагалось, а всего на этот материк приходится 90 процентов льда нашей планеты. На географической карте Антарктиды появилось много новых названий: плато Советское, горы Русские, долина Международного геофизического года. Открыты здесь и полезные ископаемые: пласты каменного угля, месторождения разных руд, алмазов, олова, железа, меди. Конечно, пока их добыча в краю морозов, льдов и полярной ночи практически еще неосуществима. Но ведь так будет не всегда...

А пока жизнь на «континенте дружбы и взаимопомощи», как называют Антарктиду, идет своим чередом. «Прослушивают» ледники гляциологи, зондируют верхние слои атмосферы метеорологи, спешат запечатлеть на фотопленку красоту ярких сполохов специалисты по полярным сияниям...

Мы предлагаем вниманию читателей некоторые факты из «личного дела» шестого континента.

СНЕГ, МОРОЗ, ВЕТЕР И... ДОЖДЬ

Снежный покров Антарктиды совсем не похож на привычный жителям умеренных широт пушистый белый ковер. Сильные ветры и морозы очень уплотняют и утрамбовывают его. Лыжи здесь не нужны: по снежной поверхности можно ходить, почти не оставляя следа. А для хозяйственных надобностей снег приходится пилить, так как лопата берет его плохо, а лом и кирка вязнут.

* * *

Поземка, столь обычная на шестом континенте, иногда начинает переливаться радужной окраской. Когда солнце висит низко над горизонтом, его лучи, проходя сквозь правильные призматические кристаллы снега, увлекаемого ветром, разлагаются на основные цвета спектра. Создается впечатление медленно движущегося цветного ковра.

* * *

По расчетам советских полярников, метелями и поземками с каждого километра береговой черты в море ветром переносится около 2 700 тысяч тонн снега в год.

* * *

На американской станции Амундсен-Скотт, расположенной на Южном полюсе, 16 июля 1958 года во время запуска радиозонда на высоте 23 километров термометр отметил рекордную для Земли температуру — 93°C ниже нуля.

Непосредственно у земли самая низкая температура воздуха — 88,3° — была зарегист-

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ «ВЕГА» — СОВЕТСКОМУ УЧЕНОМУ

Шведское общество антропологии и географии в Стокгольме наградило известного советского полярного исследователя, руководителя Советской антарктической экспедиции М. М. Сомова медалью «Вега».

Золотая медаль «Вега» — высший знак отличия этого общества — учреждена в 1880 году в ознаменование успешного завершения плавания шведского исследователя Адольфа Эрика Норденшельда, который в 1878—1879 годах на зверобойном пароходе «Вега» впервые в истории прошел северо-восточным проходом — из Атлантики через Северный Ледовитый океан в Тихий (с зимовкой в районе Чукотского полуострова).

Ею награждаются лица, которые внесли значительный вклад в географические исследования. Первым в 1881 году получил медаль Норденшельд. Среди 48 ученых, удостоенных с тех пор этой награды, выдающиеся исследователи: норвежцы Фритьоф Нансен, Руал Амундсен и Харальд Свердруп, англичане Роберт Скотт и Эрнст Шеклтон, датчанин Кнут Расмуссен, американец Ричард Бэрд, француз Поль Эмиль Виктор.

Из русских ученых медаль «Вега» присуждалась Н. М. Пржевальскому (в 1884 году), исследователю Африки В. В. Юнкеру (в 1888 году), географу-полярнику Б. А. Вилькицкому (в 1926 году).

1 Кроме того, М. М. Сомову вручена Золотая медаль Королевского географического общества Великобритании.

АНТАРКТИЧЕСКИЕ МУЗЕИ

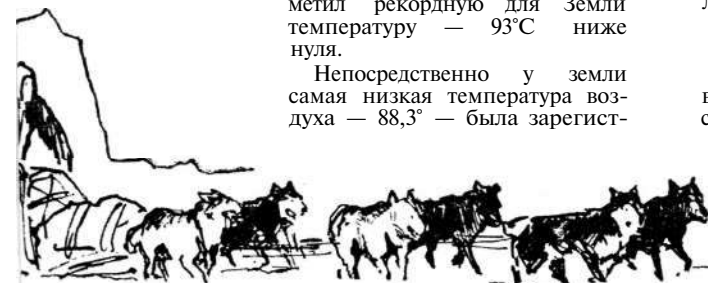
Новозеландская экспедиция предполагает восстановить домик крупного исследователя Антарктиды англичанина Эрнста Шеклтона, оставшийся после его экспедиции в 1908—1909 годах, и домик Роберта Скотта. Оба домика были погребены под снегом и льдом. После реставрации здесь откроются постоянные музеи.

рирована советскими полярниками на станции Восток 24 августа 1960 года. Как известно, на Полюсе холода северного полушария в Оймяконе (Якутия) температура опускалась лишь до 67,7° мороза.

Ветры «высверливают» в отвесных скалах множество пустот различных размеров и

форм, которые образуют своеобразные причудливые орнаменты, неповторимые по красоте и изяществу ажурные «каменные кружева».

Ученых давно уже занимал вопрос, сколько времени необходимо ветру-художнику для создания своих творений. Советским полярникам в какой-то мере удалось ответить на этот вопрос. В 1957 году неподале-

АНТАРКТИЧЕСКАЯ

КОНТИНЕНТА

КАРТА ЮЖНЫХ МОРЕЙ ПОПОЛНЯЕТСЯ

О наличии больших глубин в Антарктике было известно с начала XX века. В море Дейвиса они впервые были отмечены австралийским ученым Д. Моусоном, а в море Дюрвиля — французской экспедицией под руководством Ж. Шарко. Советские геологи установили, что вдоль берега Антарктиды тянется глубокий (местами более полутора километров) желоб. Он проходит параллельно краю материка приблизительно на 3 200 километров от моря Дейвиса до Земли Виктории. Эта впадина — «память» о вертикальных движениях Антарктиды, когда земная кора по ее окраине прогнулась под гнетом ледяного панциря.

Желобу присвоено имя Лазарева.

РУССКИЙ ЯЗЫК — НА ЛЕДЯНОМ КОНТИНЕНТЕ

На американской антарктической базе Мак-Мердо с 1959 года работает «вечерний университет», в котором занимаются более 100 человек из числа научных сотрудников и обслуживающего персонала. Уроки русского языка привлекли также ученых с ближайшей новозеландской станции Скотт. Два раза в неделю двое новозеландцев совершают трехкилометровые переходы в Мак-Мердо, чтобы попасть на урок русского языка.

ПАМЯТНИК ПРИ ЖИЗНИ

Японская антарктическая экспедиция в феврале 1958 года из-за тяжелых ледовых и метеорологических условий не сумела осуществить высадку зимовочной группы. Станция Сева была временно закрыта, а персонал ее вывезен. При эвакуации станции японские исследователи вынуждены были оставить в Антарктиде пятнадцать лаек. Собаки были привязаны и имели запас пищи только на несколько недель. 6 июля 1958 года в городе Осака в память оставленных ездовых собак — трудолюбивых помощников зимовщиков — была торжественно открыта статуя из белого мрамора.

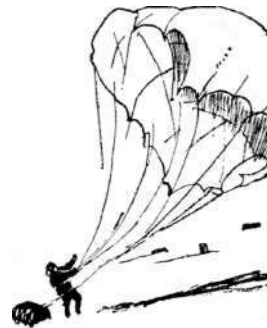
Велико же было удивление японских полярников, вернувшихся через год на станцию, когда их радостно встретили две собаки. Животные были в хорошем состоянии и приветливо виляли хвостами. Лайки оборвали привязь и все это время, очевидно, питались пингвинами и их яйцами.

ку от Мирного были обнаружены каменные пирамиды, сложенные немецкой экспедицией 1901—1903 годов. Оказалось, что внешняя сторона валунов сильно изъедена ветром, в то время как на внутренней стороне пустот не было. Примерно за полвека ветер «раз-

ел» камни на пять-семь сантиметров в глубину.

30 ноября 1958 года в районе залива Мак-Мердо, на базе Скотт, шел дождь. Это явление крайне редко наблюдается за Южным полярным кругом.

На антарктической станции Амундсен-Скотт на глубине 27,5 метра во льду, возраст которого составляет много сотен лет, обнаружены живые бактерии. Бактериолог станции не сумел их отнести ни к одному из известных видов. Он считает, что они выпали в отдаленные времена вместе с кристаллами снега из атмосферы и сохранялись в состоянии покоя. Глациологи имели маски и пользовались стерильными инструментами, поэтому бактерии не могли быть занесены при выкапывании шахты.

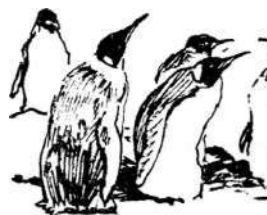

Когда к берегам Антарктиды собиралась первая советская экспедиция, в Калининграде можно было видеть странную картину. На борт корабля, направлявшегося в Антарктику, грузили... землю, самую обыкновенную землю! Дело в том, что ученые решили впервые провести на шестом континенте наблюдения за важным геомагнитным явлением — земными токами. Для этого необходимо заземлить приемные электроды. Но как это сделать на ледяном материке? И вот в Антарктиду повезли калининградский грунт.

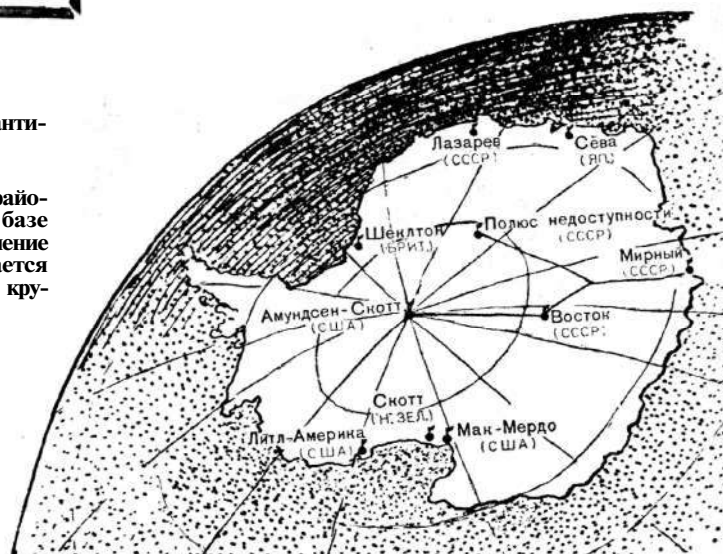

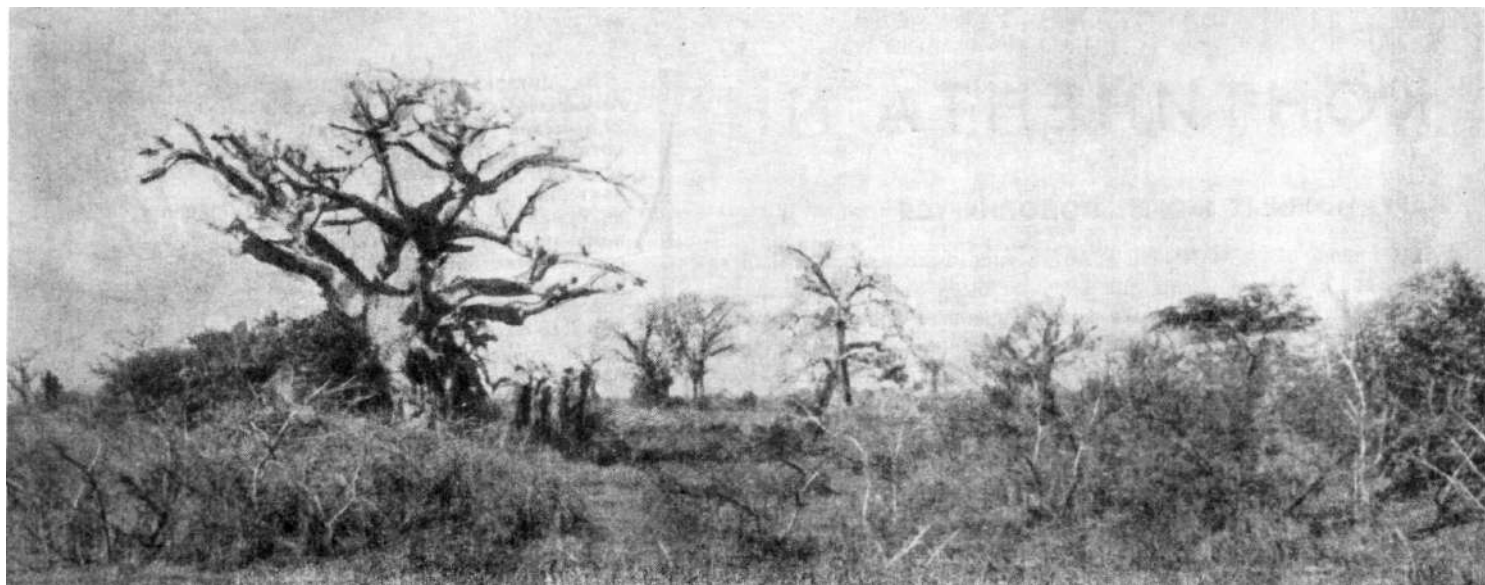
Впоследствии специалисты сумели найти способ заземлять электроды и без привозной земли.

На английской станции Халли-Бей в декабре 1958 года в период благоприятных для радиосвязи условий были приняты звуковые сигналы Лондонского телевизионного центра; изредка на экране возникало изображение. Расстояние от антарктической базы до Лондона около 15 тысяч километров.

ЭКОЛОГИКА

Наследники

Фото Ю. Альдохина

ДРЕВНЕГО

Мали

Свобода!

Совсем недавно прозвучало здесь это слово. Осенью 1960 года в столице нового независимого государства — городе Бамако — взвился трехцветный флаг — символ свободы, труда и справедливости. Республике было дано название Мали — по имени древнего африканского государства, некогда существовавшего в этой части «Черного континента».

О жизни молодой республики, о ее трудолюбивом народе и рассказывает фотоочерк, который мы здесь публикуем.

Это совсем не та Африка, Африка грез, где жирафы бродят по тучным пастбищам, а плоды падают с неба. Здесь ничего не падает с неба. Здесь реки высыхают на раскаленных камнях, обнажая свое костлявое дно. Испаряясь, они закипают порогами — горячие реки пустынь, реки африканской саванны, расprostертой перед пылающим жерлом Сахары. Солнце здесь — карающий меч, занесенный над посевами. Земля под его лучами спекается подобно шлаку, становясь бесплодной. Она умирает от жажды.

Чтобы утолить жажду, нужна вода. Недалеко от деревушки Маркала пря-

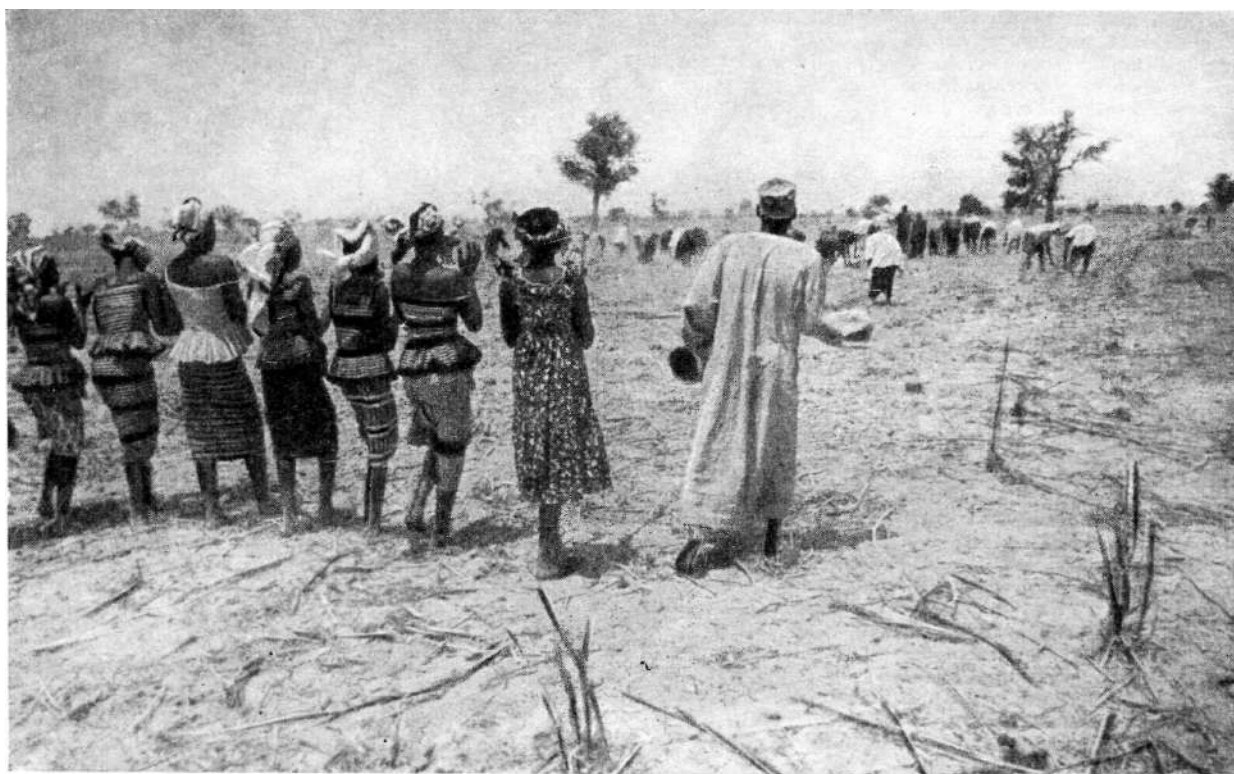
мая лента канала прорезала красную, твердую, как камень, землю. Сотни киров с утра до ночи гложут ее. Напряжены глянцевые тела, упругие, словно стальные пружины. Люди предлагают свой труд бесплатно, безвозмездно. Труд — ради будущего.

Широкий пятикилометровый канал вдохнет в выжженную солнцем саванну жизнь, оросит рисовые поля.

Через всю страну с запада на восток протянулась широкая голубая лента реки Нигер. На пологих, удобных берегах ее раскинулись города и маленькие селения. Река поит саванну, кормит людей. Она единственная надежная дорога, проходящая через всю страну.

Далеко разносится звонкая песня девушек. Вытянувшись в цепочку и хлопая в ладоши, они поют. Впереди мужчины с таяками в руках. Обычная крестьянская работа? Не совсем. Поле, которое обрабатывают эти люди, — коллективное. В стране, десятки лет находившейся под властью колонизаторов, уже в первый год независимости создались крестьянские коллективы.

Веселая песня звучит над саванной. Собраны в кучи высушенные стебли растений, подожжены травы на огромных пространствах солончаков — землю готовят под новый урожай.

Африканский рынок... Сюда везут то, что родит эта земля, нашедшая, наконец, своих настоящих хозяев — терпеливых, преданных и упорных. Правда, еще не богаты плоды африканской земли, истощенной арахисом. Колонизаторы хотели превратить страну в огромную плантацию земляного ореха. Но даже арахисовое масло отжималось в маслобойнях Марселя и Ниццы и возвращалось сюда чудовищно вздорожавшим. Только теперь земля начинает давать то, что необходимо человеку, работающему на ней,

Сегу — небольшой провинциальный городок на берегу Нигера. Каждое воскресенье здесь устраивают ярмарку. Сотни пирог, груженных фруктами, овощами, посудой из тыкв, изделиями ремесленников, всякой всячиной, причаливают к набережной городка. Неистовый ливень красок выливается в этот день на улицы Сегу. На обширных площадях и в тени деревьев, под навесами из тростниковых циновок — всюду яркие нарядные женщины, мужчины в широких светлых бубу с огромными связками долбленых тыкв на голове. И все это гудит, кричит, усмехается...

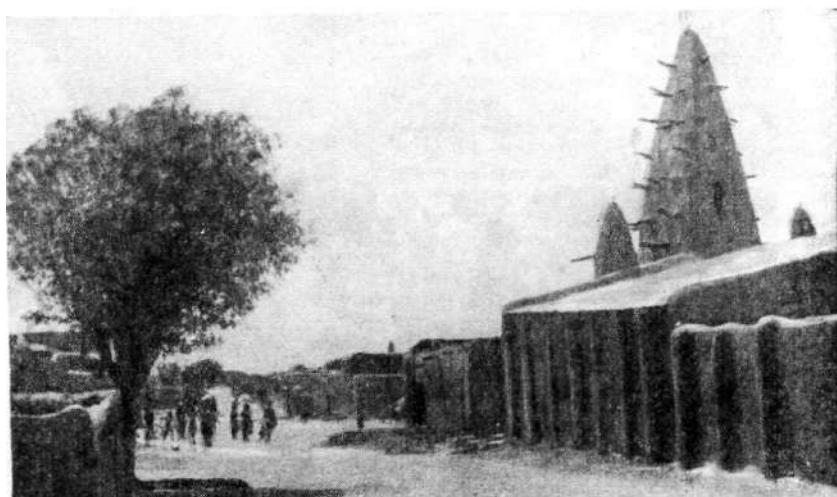
Африканское солнце устало...

Оно спешит скрыться за горизонтом и окрашивает саванну в оранжевые цвета. Песок, земля, глиняные изгороди приобретают красноватый оттенок. Воздух наполняется вечерними звуками — резким писком огромных летучих мышей, урчаньем африканских лягушек и пронзительной песней цикад.

В эти часы на дорогах Республики, у мостов, разъездов можно встретить юношей и девушек с трехцветной повязкой на рукаве. Они останавливают путников, проверяют автомашины — следят за тем, чтобы враг не перешагнул границу родины. Враг — это контрабандное оружие, саботаж, диверсия. Это и спекуляция.

«Отряды бдительности» — так назвал их народ. Они созданы людьми, осознавшими, что дело Республики — это их дело.

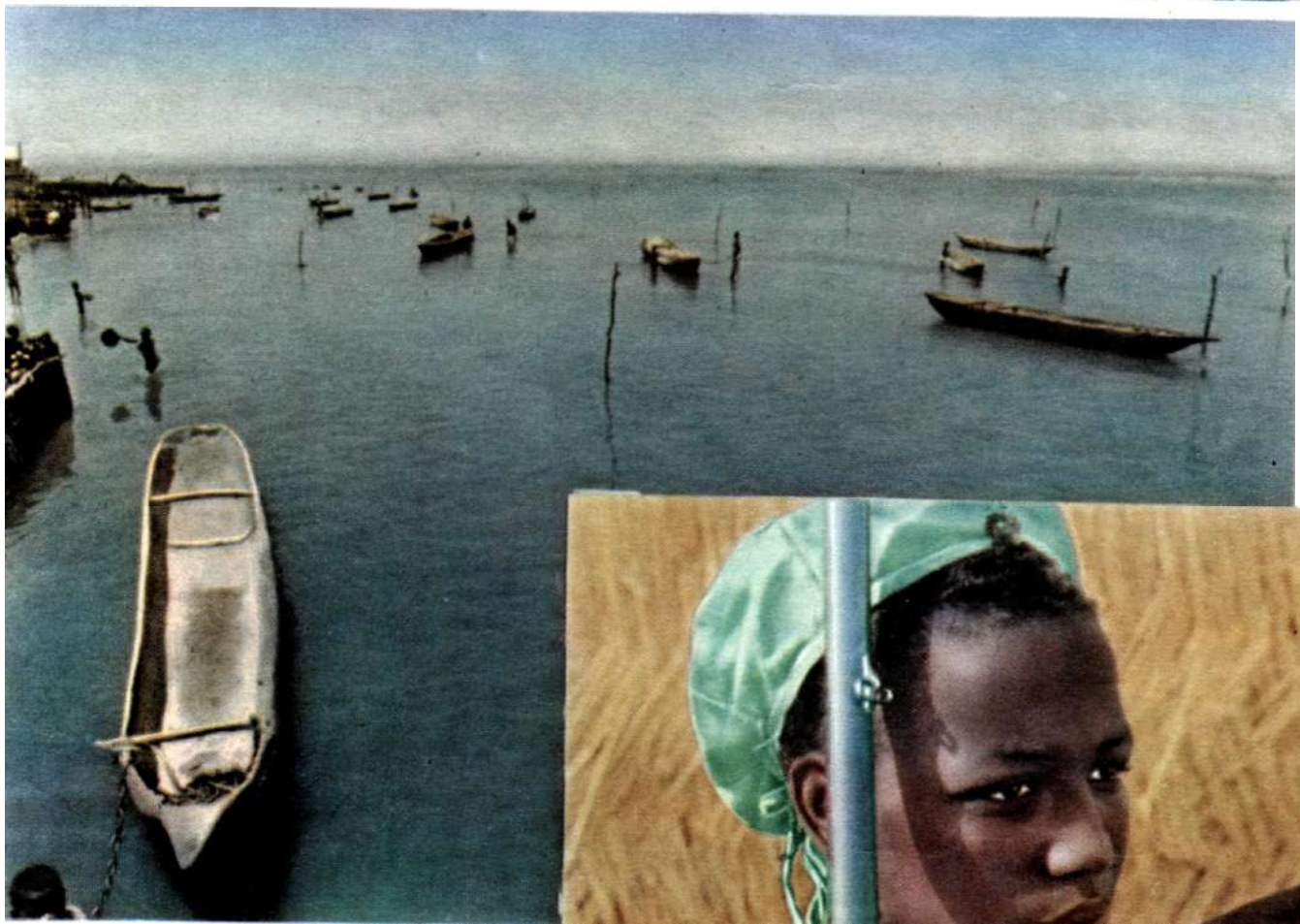
И когда солнце скрывается за горизонтом, на фоне неба, догорающего пурпуром заката, можно увидеть символическую фигуру с винтовкой за плечами. Это простой малийский парень или девушка, стоящие на страже завоеваний Республики.

Ярмарка в Сегу.

Нигер — река жизни.

На страже завоеваний Республики.

«Наш тысячеозерный дом» — так называют финны свою родину.

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

В. ПОНИЗОВСКИЯ

Фото Е. ДОНА

С группой молодых писателей, журналистов и архитекторов мне довелось совершить интересное путешествие по дорогам Суоми — страны, где летом этого года состоится VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Это всего несколько страничек из толстого путевого блокнота.

Первым городом на нашем пути был —

ЛАХТИ

В первый вечер Лахти встретил нас сверкающими квадратами стекла, камня, алюминия и стали, лампочками-свечками рождественских елок, установленных прямо посреди тротуаров, гирляндами хвои.

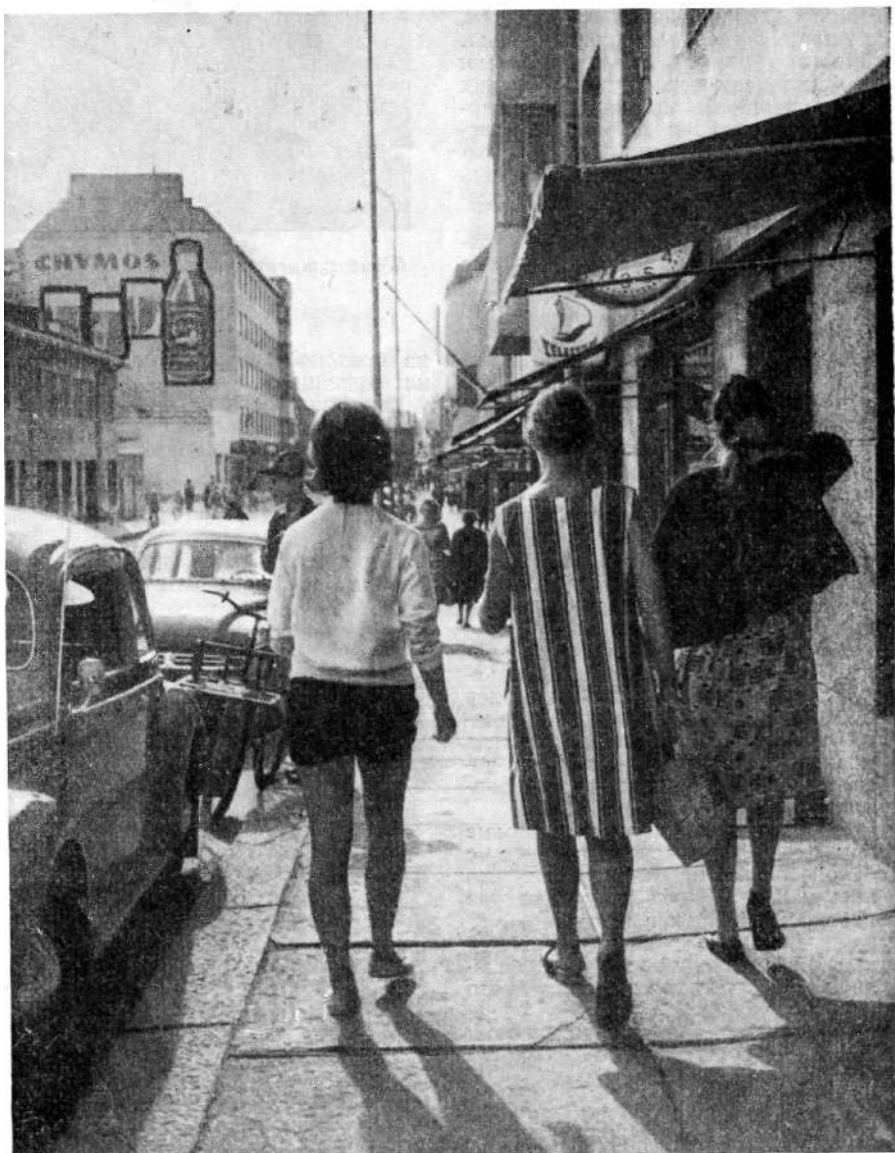
— Хювяя пйвяя! Здравствуйте! И скорее! — Не дала нам оглядеться светловолосая и курносая Эйла Сирнеле. — Нас уже ждут члены общества «Финляндия—СССР»!

Рабочий дом. Раньше здесь была типография. Как и все такие дома-клубы в Финляндии, он переоборудован руками самих хозяев — членов демократических организаций.

Чистая большая комната с голыми стенами. Два шкафа, обклеенные рекламными плакатами оранжада. Столы — простые доски, уложенные на козлы. По обычаю, хотя ярко светят электрические лампы, в черепках, обернутых станиолем слабо мерцают свечи.

— Мы очень рады, что так много советских гостей пришло сегодня в наш рабочий дом. — Лицо Эйлы разгорелось, рукава кофточки засучены по локоть.

Наш гид Эйла — секретарь губернской организации общества «Финляндия—СССР». Этот пост

раньше занимал ее муж. Сейчас он по приглашению Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами учится в Московском университете — и она работает вместо него.

— У нас правило, — говорит Эйла. — Сначала поют хозяева, потом — гости.

И она запекает шуточную народную песню.

Дружно поют хозяева. Начинаем подтягивать и мы. Всего несколько минут, как мы встретились с этими людьми, но уже чувствуем себя легко и просто.

* * *

Утро в Лахти. Еще в предрассветной тьме на торговую площадь в самом центре съезжаются грузовики и подводы, лимузины и лакированные фаэтоны в упряжке, тракторы с прицепами и тачки. И вот уже вся площадь заставлена палатками, киосками, столиками, светится огоньками. Здесь все — овощи, фрукты, изделия ремесленников, продукция патентованных фирм — и даже живые цветы в декабрьский снег и мороз: горделивые тюльпаны на тонких бледно-зеленых ножках, душистые гвоздики, хризантемы... Живые цветы мы встречали в Финляндии повсюду: на базарах и за витринами магазинов, в квартирах, отелях и школьных классах. То, чем обделила страну природа, люди стараются восполнить в бесчисленных оранжереях и теплицах.

В час дня торговля прекращается. Площадь пустеет, и уже ничто не напоминает о базаре.

* * *

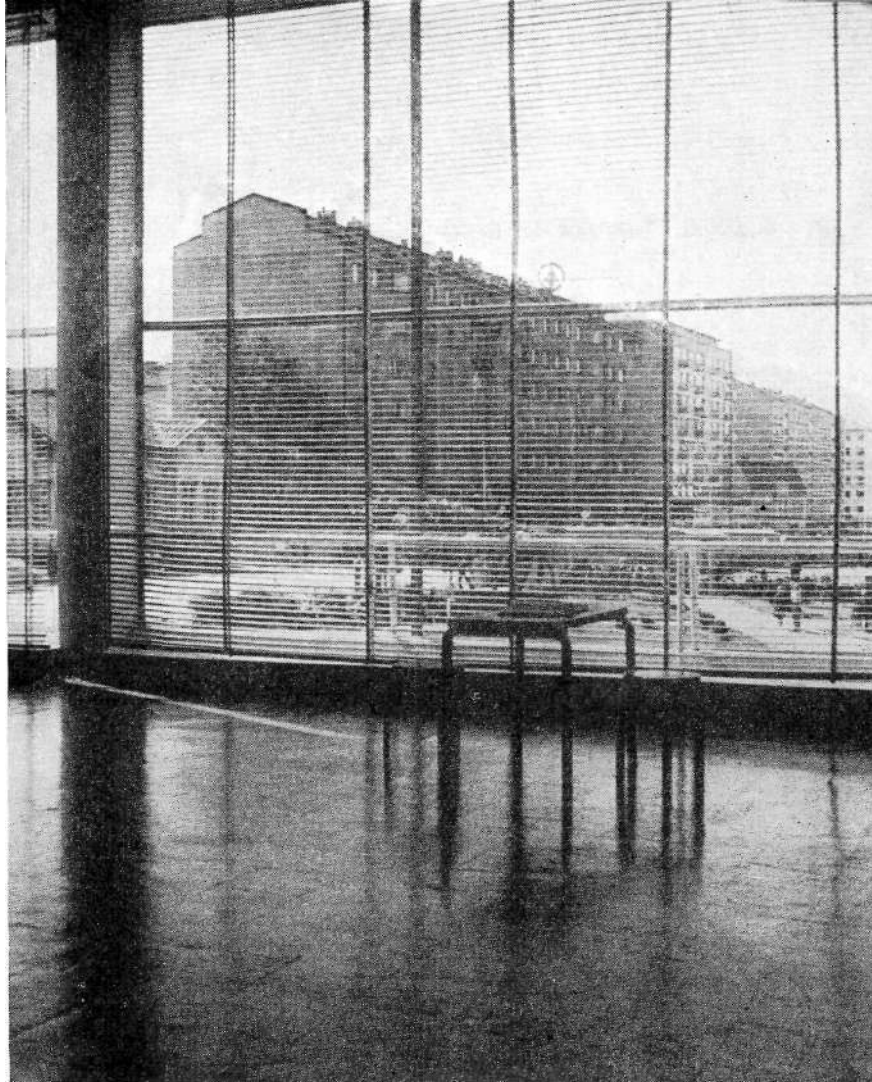
Мы стоим на лесистом холме у высокого обелиска из красного гранита. На камне высечено: «За идею братства вы шли на смерть, чтобы солнце свободы взошло над страной».

О многом напоминает этот обелиск... В январе 1918 года финская буржуазия, охваченная страхом перед революцией в России и ростом революционного движения финского пролетариата, развязала в стране гражданскую войну. Передовые рабочие, крестьяне, интеллигенты объединились в отряды Красной гвардии и задали трепку белогвардейцам. Тогда контрреволюция призвала на помощь войска германских империалистов...

В Лахти шли самые жестокие бои рабочих-красногвардейцев с белой гвардией и иностранными наемниками. Город несколько раз переходил из рук в руки.

Легендарную славу оставил красногвардейский женский батальон. Он сражался до последнего патрона.

Гранитный обелиск установлен

Фойе концертного зала в Тампере.

на братской могиле женщин-красногвардейцев.

Ежегодно 29 января у братской могилы торжественно отмечается День красногвардейцев.

Перед самым отъездом мы побывали в Лахтинском комбинате

ремесленных училищ. Это гордость города и всей страны. В комбинате много школ: промышленная, строительная, коммерческая, техническая, рукоделия и домашнего хозяйства, кустарной промышленности, медицинских сестер и другие.

Прекрасные здания, спортивные залы, бассейн для плавания с трамплинами и вышками... Но

Зарисовки Д. БРОДСКОЙ и М. МИРОНОВОЙ

Утренний кофе.

Ребята с окраины Лахти,

обучаться в этих школах могут немногие.

Проблема образования очень сложна в Финляндии. Как и по всей стране, в Лахти не хватает школ: на два места — три претендента. Восьмилетняя народная школа дает начальное образование, но не предоставляет права на продолжение учебы в институте или университете. Для этого после четырех классов народной школы надо перейти в лицей и проучиться в нем еще восемь лет. А учеба в лицее стоит немалых денег.

Студент университета, проучившись год, может без всякого разрешения сделать перерыв на... девять лет. И только по истечении десятого года его имеют право исключить за «непосещаемость». Как правило, студенты год учатся, а потом делают перерыв на год-два. Как-то мы прочитали в газете, что университет в Хельсинки окончил студент 72 лет от роду.

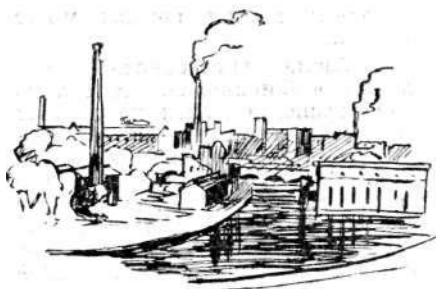
Такие «льготы» объясняются тем, что студентам вузов за все приходится платить, даже за сдачу экзаменов. Расходы студентов почти равны заработку рабочего. Вот отчего средний возраст выпускников финских вузов — 29 лет.

* * #

Бежит по холмам дорога. По обеим сторонам ее громадные валуны в белых шапках, деревянные коттеджи — красные, кремовые, голубые. И леса, леса... Вечнозеленые сосновые боры и ельники. Леса занимают две трети территории Суоми и служат основным сырьем для промышленности.

Середина декабря, но неожиданно тепло, снег осел и вот-вот начнет таять. Для Суоми такая температура в разгар зимы не каприз природы. Хотя Финляндия одна из самых северных стран в мире, климат ее довольно мягкий. Даже в Лапландии средняя температура самого холодного месяца — февраля — колеблется

между минус 11 и минус 15 градусами.

Дорога петляет по холмам, и что ни вершина — чарующий вид на цепи озер, продолговатых, с изрезанными лесистыми берегами и живописными островками.

— Как называется это озеро?

— Разве запомнишь? Их тут!..

«Наш тысячеозерный дом» — часто называют свою страну финны. Существует легенда о том, как они возникли. При сотворении мира ангел в ковше Большой Медведицы нес воду для одного из будущих морей. Он загляделся на звезды, споткнулся и пролил воду на каменистую землю Финляндии. Так появились на свет 56 тысяч больших и малых озер Суоми.

56 тысяч — не точная цифра. Финны говорят, что озер еще больше. Они занимают около восьми процентов всей территории страны.

И все же озера не идут ни в какое сравнение с болотными топиями страны. 33 процента всей площади Финляндии занимают болота; причем владения их год от года непрерывно растут — идет процесс заболачивания неглубоких водоемов, переувлажненных лугов и лесов. Само название страны — «Суоми» — в переводе с финского означает «Болотная земля».

Но болота где-то там, в стороне от дороги. А вдоль нее выстроились, как на параде, сосны и ели с настороженно замершими ветвями. Они словно боятся шелохнуться, чтобы не сбросить с ветвей серебряную парчу. И через равные интервалы мелькают бензоколонки с огненными рекламами: «Ford», «Esso», «Union»... Кстати, обосновавшимся в Финляндии предприятиям американских нефтяных королей приходится порой перерабатывать и продавать клиентам и советскую нефть, которую импортирует Финляндия. А на дорогах, на улицах городов, на стоянках мы то и дело встречали советские «москвичи», «волги», «чайки», грузовики и мотоциклы. Наши автомобили пользуются у финнов спросом. В прошлом году был даже установлен своеобразный рекорд: в Хельсинки продали 25-тысячный «Москвич». На второе место вышли чехословацкие «шкоды».

На остановке у парка-заповедника «Ауланко» к нам подкатывает на велосипеде коренастый мужчина в потертом тулупчике.

— Советские? — на чистейшем русском языке обрадованно говорит он. — Услыхал, что должны приехать. Ищу машину с большим красным флагом...

Фамилия его Чернов. Оказывается, еще при Екатерине Второй за какой-то проступок сюда, в дикие болота, выселили из-под

Москвы десять крестьянских семей. Среди них были и предки Чернова. Сейчас здесь уже четыре деревни, все жители их говорят по-русски, выписывают «Правду», «Комсомольскую правду», «Советский Союз», «Огонек»...

Чернов засыпает нас вопросами о жизни крестьян в Советской стране. Мы дарим ему фотографии и значки.

— Вот-то будет моим радостью, вот-то радость!..

Требовательно сигналист автобус.

— Чего вам так торопко? — огорченно говорит Чернов. — Так хочется побольше узнать...

Но нам действительно торопко — впереди город, чье название связано с революционной историей нашей страны, —

ТАМПЕРЕ

В Тампере мы спешим к высокому зданию, на стене которого высечен барельеф, а под ним имя на трех языках — финском, шведском и русском: ЛЕНИН...

Здесь, в этом строгом здании, где в начале века помещался рабочий университет, состоялась в декабре 1905 года Первая Таммерфорсская конференция РСДРП (в Суоми два государственных языка — финский и шведский. Тампере по-шведски называется Таммерфорс). В. И. Ленин сделал доклад о текущем моменте и по аграрному вопросу. В дни конференции началось вооруженное восстание в Москве. По предложению Ильича делегаты спешно закончили работу и разъехались на места, чтобы принять участие в вооруженном восстании против самодержавия. В тех самых залах, где проходила историческая конференция, в 1946 году по инициативе общества «Финляндия — СССР» был открыт Музей Ленина.

В залах — картины, скульптуры, документы... Они рассказывают об Ильиче, о его детстве и юности, о его деятельности вплоть до победы Великой Октябрьской революции. Ленину довелось в предреволюционные годы несколько раз побывать в Суоми. Фотографин запечатлели те места, где он был, дома в Лахти, Тампере, Хельсинки, в которых он останавливался. Финские коммунисты сохранили вещи, которыми пользовался Ильич. В огороженном углу зала — обстановка квартиры машиниста Артура Блумквиста. У него Ленин жил в августе — сентябре 1917 года. За небольшим столом Владимир Ильич писал книгу «Государство и революция».

В музее много материалов, рассказывающих о последовательной поддержке Владимиром Ильичем идеи предоставления независимости Финляндии.

В центре экспозиции — фотокопия исторического документа. Около него подолгу стоят финны. Строка за строкой читают они перевод... Это подписанный Лениным декрет о предоставлении независимости Финляндии. Он гласит:

Совет Народных Комиссаров.
Петроград,

18 декабря 1917 г. № 101.

В ответ на обращение финляндского правительства о признании независимости Финляндской Республики Совет Народных Комиссаров, в полном согласии с принципами права наций на самоопределение, постановляет:

Войти в Центральный Исполнительный Комитет с предложением:

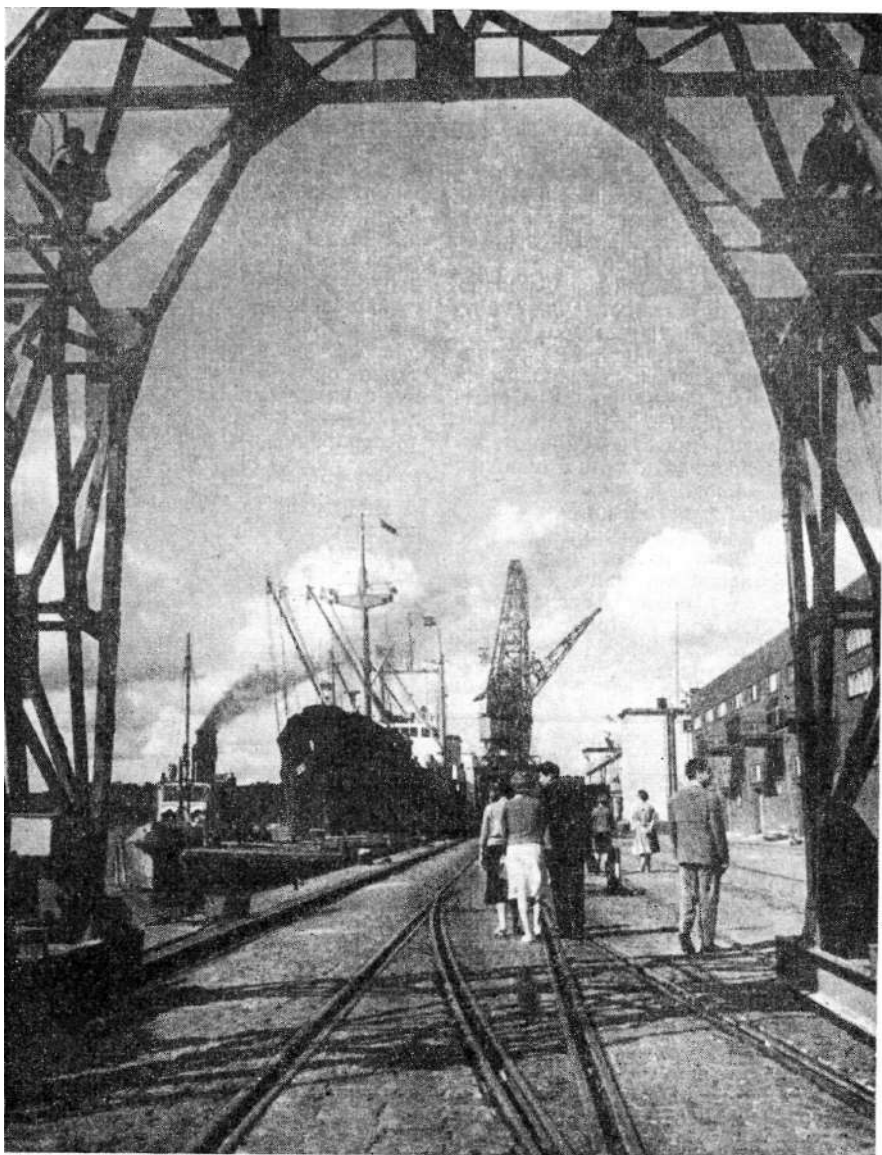
а) признать государственную независимость Финляндской Республики и б) организовать, по соглашению с финляндским правительством, особую комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Предоставление независимости Финляндии было одним из первых актов молодой Республики Советов.

Непрерывно растет число посетителей музея. В 1960 году их было десять тысяч, в 1961 — двадцать. Это рабочие, студенты, учащиеся, интеллигенты. И многие, читая эти ленинские документы, торопливо достают блокноты. Да, далеко не каждый в Суоми знает этот декрет.

В музее продаются произведения Владимира Ильича, демонстрируются кинокартины «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», фильмы, рассказывающие об осуществлении заветов Ильича в Советской стране.

Турку — один из крупнейших портов Финляндии.

*Обстановка комнаты финского ма-
шиниста А. Блумквиста. В квартире
Блумквиста в августе — сентябре
1917 года жил В. И. Ленин.*

Всюду на дорогах Суоми, как приветливые и яркие лучи маяков, встречали нас симпатия и дружба финнов.

Таковыми же яркими огоньками приветствовал нас и старейший город Суоми —

ТУРКУ

Я не видел герба этого города, но почему-то уверен, что на нем непременно изображен корабль. Ведь Турку, расположенный у впадения реки Аура-йоки в Ботнический залив, — большой порт на берегу Балтийского моря. Он не замерзает круглый год. Турку — крупнейший центр судостроения в Финляндии. Огромные краны-клювы верфей громоздятся вдоль набережных города и в его пригородах. И еще одна «морская» достопримечательность Турку — расположенный совсем рядом с городом Аландский архипелаг. Он насчитывает несколько тысяч ост-

ровов. Многие из них соединены шоссейными дорогами.

Многие города Суоми дружат с советскими городами: Хельсинки — с Москвой, Тампере — с Киевом, Лаhti — с Запорожьем, Кеми — с Волгоградом, Котка — с Таллином... Турку дружит с Ленинградом.

На верфи «Крейтон Вулкан» нам показали большое судно, вот-вот готовое выйти в море:

— Водоизмещение — двенадцать тысяч двести тонн. Одно из заказанных нашей верфи Советским Союзом...

На другом судостроительном заводе нас подвели к металлическим секциям, вокруг которых полыхали зарницы электросварок:

— По заказу России...

Непрерывно растет объем советско-финской торговли. По пятилетнему торговому соглашению к 1965 году предусмотрено довести товарооборот почти до 500 миллиардов финских ма-

рок. Это одна пятая всего объема внешней торговли Суоми. Первое место в списке финских товаров занимают изделия металлообрабатывающей промышленности: дизель-электрические ледоколы, сухогрузные теплоходы, буксиры, танкеры и другие типы судов. И если вспомнить, что Турку — крупнейший центр судостроения Финляндии, то трудно понять, как много значит для его жителей сотрудничество стран-соседей. Еще недавно Турку страдал от острой безработицы. Ныне на его верфях не хватает рабочих рук...

* * *

Иностранцам жители Турку показывают кафедральный собор, заложенный в 1229 году, водят по музейным залам крепости, которой без малого семьсот лет. В сводчатых подземельях ее при свечах кормят завтраком и показывают цветной кинофильм о

достопримечательностях города.

Но для меня самое яркое воспоминание о Турку — маленький значок. Он изображает крепкое рукопожатие. Значок посвящен месячнику финско-советской дружбы, который ежегодно проводится в стране в ноябре — декабре.

Мне подарили его в Марио — маленькой коммунальной общине на окраине Турку. Ее население — всего две тысячи человек. Все взрослые мужчины работают в городе на судостроительных верфях. Уже в 1944 году они организовали в общине отделение Общества финско-советской дружбы, и теперь почти все являются его членами. Жители Марио пригласили нас на свой вечер отдыха:

— Сегодня будет подписка для членов общества «Финляндия — СССР» на советские газеты и журналы, а потом будем танцевать. И наши комсомольцы покажут вам, что они готовят к фестивалю!

«КОРОСТЕЛЬ» ИДЕТ НА ПОМОЩЬ

По бушующему Северному морю пробиралось домой английское рыболовное судно «Арктик Викинг». Всего лишь несколько десятков миль отделяли его от порта Гуль, когда гигантская волна накрыла корабль.

Видя, что выровнять судно не удастся, капитан Фил Гарднер приказал погасить огонь в топках.

Спустили шлюпку, рыбаки стали покидать корабль, превратившийся в игрушку волн. И тут произошла катастрофа. Пятерых рыбаков смыло волной. Ждать помощи было неоткуда.

...Юзеф Кшиштофорский, помощник капитана польского рыболовного судна «Коростель», первым заметил в штормовом море шлюпку.

Спасателям пришлось нелегко: сила ветра достигала 11—12 баллов. Малейшая ошибка, и маленький «Коростель» разделил бы трагическую судьбу «Арктик Викинг». И все же корабль упрямо шел на помощь...

Промокшим и смертельно усталым английским рыбакам была оказана необходимая помощь: польские моряки отдали им свою одежду и койки, напоили горячим чаем с ромом, растерли спиртом.

Затем «Коростель» взял курс на Гуль, жители которого сердечно благодарили смельчаков за спасение своих соотечественников.

М. ЧЕРНЕНКО

РЫБА. ЖИВУЩАЯ В ГОРЯЧЕЙ ВОДЕ

В волости Вэньцюань в провинции Юньнань есть горячий серный источник, в котором... водятся рыбы. Температура воды в нем 47—49 градусов, а рыбы живут и не умирают. Рыболовы говорят, что мясо у них очень вкусное.

В 1881 году в этой местности было большое наводнение. Реки вышли из берегов и затопили округ. Тогда-то в горячий источник и заплыли рыбы. Постепенно они приспособились к новым условиям, расплодился в серном источнике и не могут теперь жить в холодной воде.

ЛИ ЦЗЯНЬ-ЦЗУН
г. Тяньцзинь (КНР)

ДОБРЫЕ РУКИ ДРУЗЕЙ

...Уверенны движения умелых рук. С надеждой, доверием и благодарностью смотрит молодая мать на медицинскую сестру, возвращающую здоровье ее ребенку.

На протяжении веков различные болезни были бичом народа Эфиопии. Кишечные, кожные, глазные заболевания поражали детей и взрослых. Эпидемии каждый год уносили тысячи жизней. В последние годы борьбе за здоровье стали уделять особое внимание. В городах и деревнях зарывают загрязненные водоемы — источники заразы. Все чаще можно увидеть здесь новые колодцы с чистой питьевой водой.

Большую помощь оказывают Эфиопии советские и чехословацкие медицинские работники, среди которых много молодых энтузиастов. Они лечат больных в стационарах, готовят медсестер и фельдшеров из местного населения.

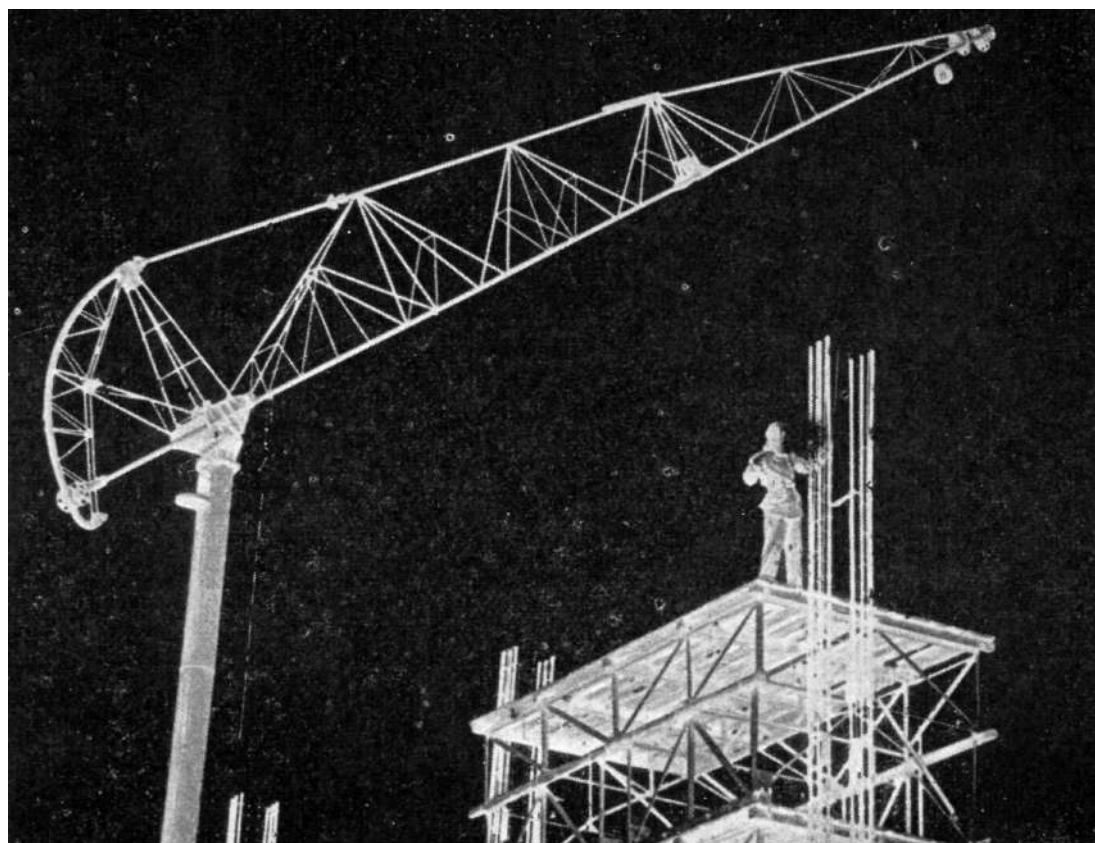

**ФОТОКОНКУРС
ВОКРУГ СВЕТА**

*Фото В. АХЛОМОВА
(Москва).*

Ночной пейзаж.

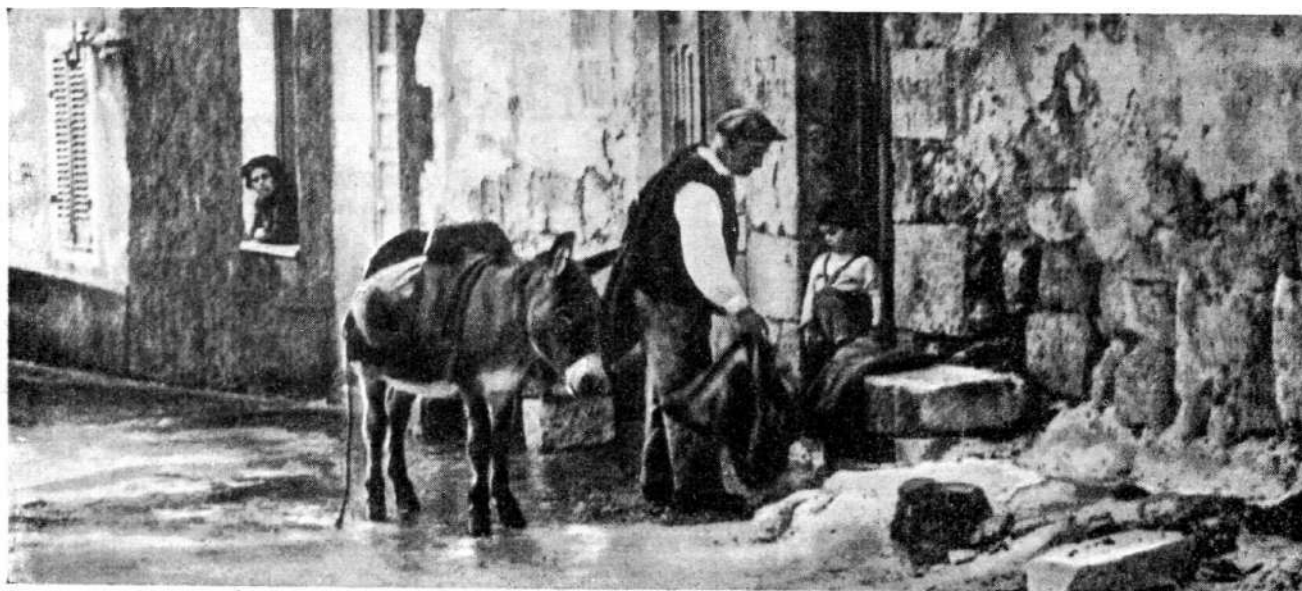
На стройке.

ЗАБОТА АСТРОЛОГОВ

Тревожные дни переживают десять тысяч астрологов, алхимиков и других итальянских «специалистов по черной магии». Им пришлось столкнуться с проблемой, решить которую наверняка не помогут ни гороскопы, ни заклинания. Профессиональные волшебники стараются предугадать, насколько успешной будет борьба созданного ими профсоюза «предсказателей будущего» с налоговой инспекцией страны. Дело в том, что «предсказатели будущего» тоже платят налоги государству. Но до сих пор представители этой мошеннической профессии не имели своего профсоюза, который бы отстаивал их «интересы».

ПРОДАЕМ ДЕРЕВНЮ...

Такое необычное объявление появилось в газетах Сардинии. Составили его жители деревни Монтелеоне, **уголок** которой запечатлен на снимке. Измученные не-

посильными налогами и суровой борьбой с природой, крестьяне готовы оставить обожженную солнцем землю родного острова, чтобы только не умереть с голоду.

ШЕРСТЬ И ЗУБЫ

Интересный опыт проведен недавно на ферме Нью-порт, расположенной на английском острове Уайт. Местный ветеринар сделал искусственные зубы... овце. Десятилетняя «Гертруда» — так зовут пациентку — прекрасно перенесла операцию. С помощью новых зубов она ест с большим аппетитом.

По мнению ветеринара, зубное протезирование у овец даст возможность увеличить производство шерсти. Ведь многие овцы теряют зубы в сравнительно молодом возрасте, и их приходится убивать раньше времени.

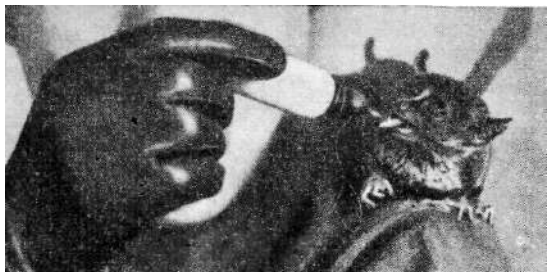
ДЕРЕВНЯ ПЕРЕЕХАЛА

Восемьсот жителей Мартина-Франка — итальянской деревни неподалеку от Таранто — покинули свои жилища и вместе с детьми и скarbом переселились на один из близлежащих холмов. Дело в том, что Мартина-Франка находилась на высоте 600 метров над уровнем моря, а по итальянским законам населенные пункты, расположенные выше 675 метров над уровнем моря, относятся к «горной местности», и их жители пользуются некоторыми налоговыми привилегиями.

Рисунки Е. МОНИНА

ВЕСТИ ИЗ ЗООПАРКОВ

Эта крохотная полуобезьяна — лемур — была когда-то одним из самых распространенных животных на земном шаре. Ныне экземпляры лемуров сохранились лишь на Мадагаскаре, в Юго-Восточной Азии и Экваториальной Африке. Родина лемура, запечатленного на фотографии, — окрестности Бразавиля. Но родился зверек не в тропическом лесу, а в вольере. Маленькие полуобезьянки очень быстро привыкают к человеку и становятся почти ручными.

ЖИВЫЕ КОНСЕРВЫ

В дельте Амазонки, кроме гигантских черных кайманов, водятся и крокодилы помельче. Это тингас, длина которых не превышает двух метров. Они отличаются от черных кайманов не только размером. Хвосты тингас съедобны, и их вкусовые качества высоко ценятся местными жителями.

Мясо тингас обладает и еще одной ценной особенностью — его можно заготавливать впрок, не опасаясь, что в сильную жару оно испортится. Дело в том, что тингас способен несколько месяцев жить без пищи и воды. Удачливые охотники складывают пойманных живых крокодилов в сарай и по мере надобности разнообразят ими свое меню.

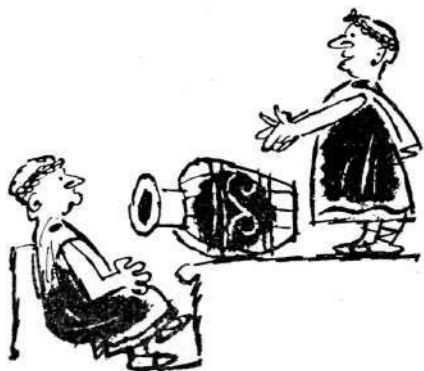
ПОЛИЦЕЙСКАЯ МОДА

Полицейские власти Сан-Франциско высказались недавно за то, чтобы все американские парни носили узкие, в обтяжку брюки. Пристрастие полиции к таким брюкам объясняется просто: они настолько плотно облегают тело, что позволяют сразу обнаруживать спрятанное в карманах оружие.

„СВИСТЯЩИЙ“ ЧЕМОДАН

Без крупных преступлений в Англии не обходится в последнее время ни одна неделя. Особенно часто грабители нападают на банковских работников, которым приходится появляться на улицах с крупной суммой денег. Чтобы уменьшить эффективность этих нападений, недавно лондонских инкассаторов оснастили «свистящими» чемоданами. Едва грабитель сделает попытку завладеть деньгами, как чемодан выбросит в разные стороны три стальных стержня, пронзительно засвистит. Не легко запихнуть такую добычу в автомобиль, особенно если делать это под аккомпанемент свиста, который очень хорошо знаком полицейским.

ГРОМКОГОВОРТЕЛИ ДРЕВНИХ РИМЛЯН

В Сардинии, в театре, построенном примерно в одно время с римским Колизеем, археологи открыли оригинальную систему акустики. Терракотовые вазы высотой 170 сантиметров древние римляне клали на авансцену горлышком к публике. Получался резонатор, который усиливал голос актера.

ВОЛГА ВПАДАЕТ В БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ

Волга впадает в Каспийское море. Это аксиома. Человек внес поправку в закон природы, подключив могучую реку к Азовскому, Черному, Белому и Балтийскому морям. Канал связал Волгу и со столицей страны — Москвой.

По голубым дорогам люди перевозят грузы с тех пор, как помнит себя человечество. И даже когда появились железные дороги, а потом воздушные, грузопоток по рекам не уменьшился. Потому что речной транспорт во много раз дешевле воздушного и железнодорожного.

В наши дни судостроители делают для речников удобные и вместительные суда. Трюмы самоходной баржи грузоподъемностью в 5 тысяч тонн, например, вмещают столько же грузов, сколько вагоны двух железнодорожных составов.

Однако такое крупное судно сейчас можно пустить в плавание из волжских портов лишь по трем адресам: в Каспийское, Черное и Азовское моря. В Балтийское море им доступ закрыт. От Череповца до Вытегры суда эти (представим себе невозможное!) пришлось бы перетаскивать по старинке — волоком. Дело в том, что Мариинская система, построенная еще в начале XIX века, не может пропустить по своим каналам широкогрудые самоходные баржи. Даже для судов поменьше она стала тесной: ведь грузопоток с Волги на Балтику и обратно с каждым годом увеличивается, и во время большой навигации скопление судов у шлюзов напоминало затор автомашин в часы «пик» на узкой улице. Очередь продвигалась медленно. На пути в 380 километров по Мариинской системе судам приходилось делать 38 остановок у шлюзовых ворот. А ведь на каждом шлюзе судно теряет по 20, а то и 40 минут.

Старая Мариинская система отслужила свой век. На трасе от Череповца до Вытегры вышел целый флот землесосов и землечерпалок. Они прокладывают русла новых каналов, углубляют дно рек и озерных фарватеров, выпрямляют извилистую Вытегру. Путь судов по новой Волго-Балтийской глубоководной системе укоротится на 20 километров. Старые деревянные шлюзовые ворота заменяются железобетонными с автоматическим управлением. Их будет только семь.

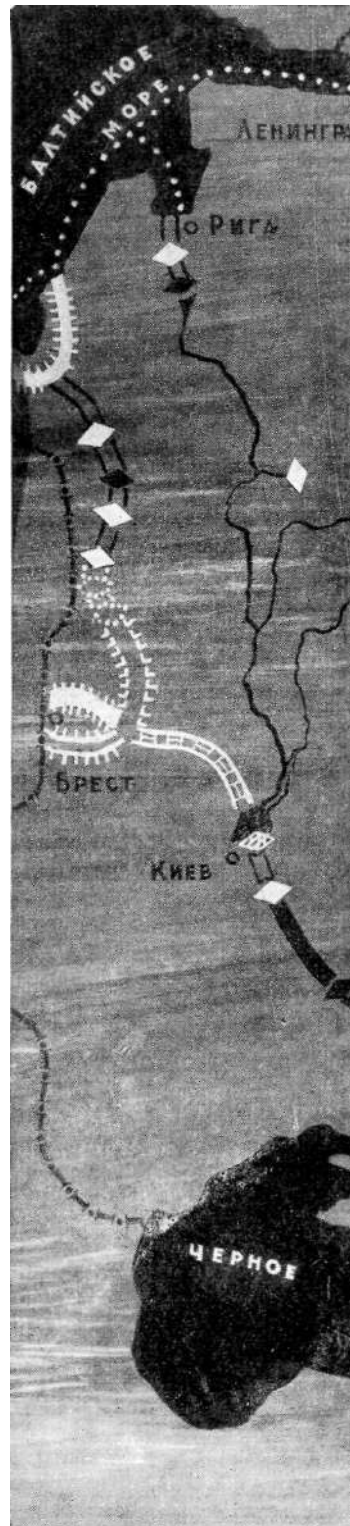
Строят гидроузлы и каналы зимой, чтобы не нарушать навигацию. В мае прошлого года суда прошли уже через два просторных шлюза — Вытегорский и Белоусовский, они заменили девять старых. Сейчас сооружаются Новинкинский, Пахомовский и Череповецкий гидроузлы. Осенью завершится перекрытие реки Шексны. А в конце будущего года крупнотоннажные суда пройдут «зеленой улицей» от Онежского озера до Рыбинского водохранилища по новой глубоководной системе.

По Волго-Балтийскому пути будут ходить большие пассажирские теплоходы и дизель-электроходы. Из московского в ленинградский порт они попадут за три дня. Еще быстрее сделает это речная «авиация» — суда на подводных крыльях.

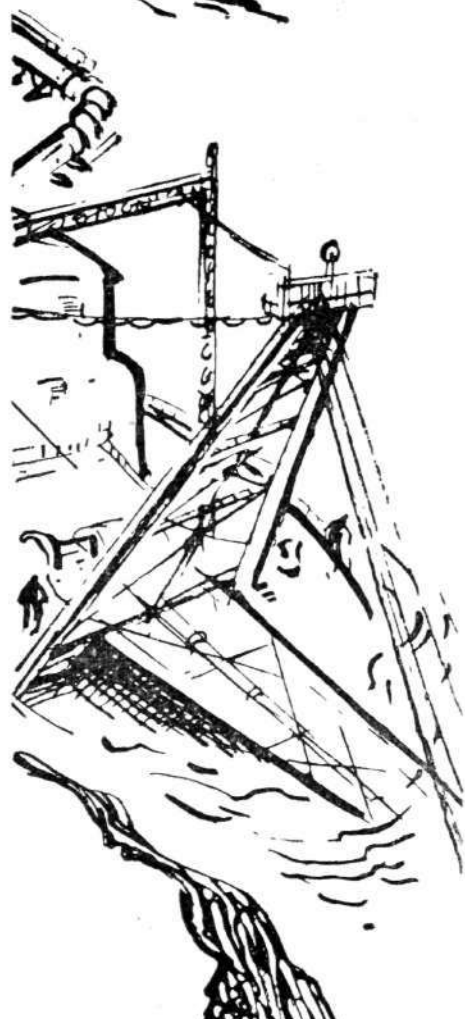
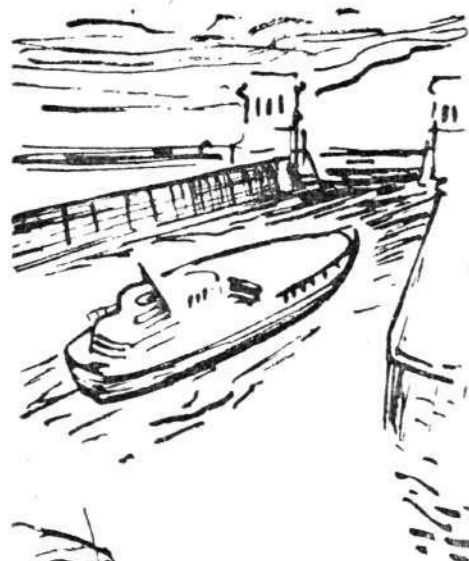
Реконструкция Мариинской системы — это воплощение лишь доли грандиозного плана, по которому в Европейской части нашей страны будет создана Единая глубоководная речная система. Беломорско-Балтийский и Волго-Донской каналы, канал имени Москвы, гидроузлы на Волге, Каме, Днепре и Дону — уже существующие звенья этой системы. А впереди — соединение Камы с Печорой, Днепра с Неманом, Волги с рекой Урал...

В. ЛЕБЕДИНСКАЯ

Рис. А. ГУСЕВА
и В. НЕМУХИНА

	ГИДРОУЗЛЫ	ТРАНСПОРТ. КАНАЛЫ	ШЛЮЗОВЫЕ СИСТЕМЫ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ			
СТРОЯЩИЕСЯ			
ПРОЕКТИРУЕМЫЕ			
ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ			

Сильные ветры

(Главы из повести)

На берегу Волги, недалеко от того места, где намывались и укреплялись камнем дамбы, среди многочисленных бендежек, занесенных снегом, среди штабелей досок, бревен, среди огромных ящиков с оборудованием, тоже занесенных снегом, стоял маленький дощатый домик, но его никто не называл бендежкой, потому что над его дверью висел лист железа, выкрашенный суриком, на котором значилось: «Станция Большая Пойменная».

Домишко, три стрелки, три пути и один светофор, на котором уже трое суток бесменно горел красный свет, — вот и все хозяйство под этим громким названием.

Рядом с домиком рос маленький клен, посаженный осенью девушками. Сейчас его занесло снегом, была видна только вершина. Она казалась веточкой, воткнутой кем-то в сугроб. Но работники станции всегда замечали эту веточку и радовались ей...

...К светофору станции подошел паровоз с платформой. Он долго и тревожно гудел, но на светофоре не загорался зеленый свет. Паровоз снова кричал, звал, но никто, кроме ветра, не отвечал ему, будто в этих краях вовсе не было людей.

Полностью повесть будет напечатана в журнале «Нева».

Из будки паровоза прошел вдоль котла на переднюю площадку человек в шубе. Закрывая лицо от ветра и колючего снега поднятым воротником, он замахал рукой в большой овчинной рука-

Рис. П. ПАВЛОВА

вище — мол, путь свободен, поехали. Но какое там свободен, если рельсы заметены снегом.

Паровоз кричал и кричал, будто сзывая людей на помощь, и потихоньку продвигался по снежному полю...

Никто не откликнулся, никто не шел на помощь...

Наконец паровоз добрался к домику, остановился и зафыркал — облегченно, обрадованно. Из пылающего поддувала сыпались

красные угли и в снегу становились черными.

С паровоза спустился начальник строительства. Приподнятая полы тулупа, Пожого направился к домику. Войдя в тесные сени, заставленные деревянными лопатами, Пожого услышал за дверью шум и женский плач...

Уронив распатланную голову на стол, плакала Катя. Около нее стояли подруги в расстегнутых полушубках, со сброшенными на плечи платками. На скамейках вдоль стен в мрачном молчании сидели ребята.

Пригибая голову, чтобы не зацепиться за потолок, ходил взад-вперед Петя Орлов в полушубке, в ватных брюках и белом свитере.

Лица у всех красные, с потрескавшейся кожей, обожженные морозом. Глаза воспаленные, усталые. Рядом с Катей стояла Ксения Попова, дежурная по станции Большая Пойменная. Ксения высокого роста, немногим ниже Пети Орлова, широкоплечая, с грубоватыми чертами лица.

— Перестань реветь! Надо действовать, а не рыю распускать, — сказала Ксения рыдавшей Кате.

Этим двенадцати парням и девушкам было поручено держать станционные пути в готовности к приему эшелонов. Четвертые сутки комсомольцы боролись с бураном. Едва успевали очистить пути от снега, и снова их заносило. Спали все эти дни мало, еще меньше ели. И вот, наконец, у них иссякли силы, растрепались нервы. В это время и заехал к ним Петя Орлов.

— И ты нам мозги не вправляй, сами грамотные. — Ксения одернула свитер, заложила руки в карманы ватных брюк и посмотрела на Петю так, будто собралась с ним драться.

Он остановился против нее и робко заговорил:

— Ты железнодорожник и понимаешь лучше меня, что двум снегоочистителям, которые есть на стройке, с таким бураном не справиться. Со всей стройки люди ушли в степь, прокладывая дорогу эшелонам. Им труднее, чем вам, — они в степи...

— Нам-то от этого не легче, — буркнул парень, съевшийся на скамейке в углу.

— Вам надо легче? — повывисив голос, спросил Петя. — Так зачем вы ходили к начальнику строительства? Зачем кричали: «Хотим настоящего дела, даешь Волгу!» А теперь что? В кусты? Иди, Иван Петрович, сам, как знаешь?

— Ты не бей на наши чувства! Не сентиментальные! — отвечала ему Ксения. — Иван Петрович должен был знать, что нужны не два снегоочистителя, а, скажем, двадцать. «Ивана Петровича бросаете». А он нас не бросил? Четверо суток не жравши, не спавши! Пообморозились. И это на такой стройке!

— Плохо с вами получилось, — отвечал Петя, — согласен.

Поднялся неимоверный галдеж. Еще громче зарыдала Катя.

Вошел Пожого. Его не сразу заметили.

Он стоял у порога в распахнутом тулупе. У него было такое же, как у них, обмороженное и обветренное лицо, такие же припухшие от бессонницы глаза. Спокойно, отцовски смотрели они на ребят.

Заметили, наконец, ребята Пожого и потупились. Даже Ксения, уверенная в своей правоте, как-то обмякла. По ее щекам скользнули две слезинки. Она слизнула их языком и отвернулась. Только Катя — она еще не видела Пожого — продолжала всхлипывать.

Иван Петрович снял свою шапку с длинными, почти до самых колен, ушами и негромко сказал:

— У вас, видно, провода порваны, потому мы и приехали без вашего жезла, нарушая правила движения... Мы привезли гидропушки. Разгрузим, и вы с этим паровозом поедете домой... Залезте в горячие ванны, сходите в столовую, отоспитесь, а вечером на танцы...

Он говорил без иронии, улыбался, был доволен тем, что эти измученные мальчишки и девчонки понежятся в ваннах, в мягких постелях, а вечером отведут душу во Дворце культуры...

— Кран в порядке, Катя? — спросил он.

Та смотрела на него сквозь слезы и не могла произнести ни слова.

— Давай-ка ключи. Я сам за рычаги...

— Не дам! — вдруг пронзи-

тельно закричала Катя, упала лицом на стол и заплакала горше прежнего. — И никуда я не поеду, не поеду!..

...Управляла краном Катя. Разгружать гидропушки помогали все.

После разгрузки Пожого сказал: — А теперь все марш на паровоз — и домой. Отдыхать.

Сказал и ушел на станцию. За ним зашли и комсомольцы. Они говорили, что смалодушничали, погорячились и ни за что не поедут домой, они не какие-нибудь маменькины сынки, видели трудности и почище.

Катя знаком выманила Петю в сени. Уткнулась лицом в его плечо и, всхлипывая, сказала:

— Петя, хорошенький, уговори Ивана Петровича не отсылать нас домой.

Петя вернулся и тоже стал упрашивать Пожого не отсылать ребят домой...

Пожого так стукнул кулаком по столу, что в жезловом аппарате что-то задребезжало. Потом встал и скомандовал:

— Отставить митинг! Марш на паровоз!

Утром, еще затемно, по городу и на строительных участках было расклеено отпечатанное красной краской на больших листах объявление:

«ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

От партийного и комсомольского комитетов стройки.

Все независимо от возраста, пола, занимаемой должности, умеющие хорошо ходить на лыжах и желающие выполнить трудное и крайне важное для строительства задание, должны прийти сегодня в шесть часов вечера во Дворец культуры.

Не имеющие своих лыж могут получить их во дворце. На время выполнения задания вы будете освобождены от основной работы приказом начальника строительства.

В партком и комитет комсомола за справками не звоните — все узнаете вечером во Дворце культуры».

На стройке только и было разговора, что об этом объявлении. Молодежь была довольна его необычностью и загадочностью и вопреки предупреждению названивала в комитет комсомола.

Люди постарше, любители лыж, ворчали:

— Какое ребячество! Могли бы и объяснить, что за поход, куда, на сколько дней.

РОМАНТИКИ
НАШИХ ДНЕЙ

Хотя и были недовольны эти товарищи, тем не менее вечером и они пришли во дворец.

Комсомольцы с красными повязками на рукавах встречали всех у главного входа и направляли в Малый зал, где за столиками сидели строгие, невозмутимые дежурные.

Дежурным задавали десятки вопросов, настоятельно требовали на них ответы. Переждав шум, дежурные спрашивали:

— Вы твердо решили идти в этот трудный поход? Отвечайте: да или нет?

— Конечно, да.

— Фамилия, имя, отчество?

— Место работы?

— Сколько лет?

— Свои лыжи есть?

— Какой спортивный разряд по лыжам?

Тщательно записав ответы в ведомости, дежурные тоном приказа говорили:

— Завтра в семь явитесь сюда. При себе иметь однодневный запас харчей, кружку, ложку и мишку. Ясно?

— Ясно.

— А сейчас домой. Спать.

Желающих набралось больше тысячи. Из них семьсот человек — молодежь, остальные — постарше. Были и пожилые.

Сформировали двадцать бригад. В первые пять вошли лыжники-разрядники, крепкая молодежь. В числе командиров этих бригад были и девушки — Алла Серебров и Шура.

В семь часов утра термометр на колонне дворца, специально вывешенный для участников похода, показывал минус тридцать один. В небе мигали большие синие звезды. Дул резкий, порывистый ветер.

Во дворец, освещенный прожекторами, как в праздничный день, сходились участники похода с лыжами и рюкзаками за спиной. Здесь им выдавали деревянные лопаты и называли каждому номер его бригады.

В половине восьмого Петя Орлов отдал команду:

— Всем выходить на площадь! Строиться бригадами!

А когда бригады были выстроены, из дворца вышел Илья Михайлович Мозовиков в спортивном костюме, с лыжами.

— Отряд, внимание! — скомандовал Петя и взбежал по ступенькам навстречу Мозовикову.

— Товарищ начальник похода... — начал рапорт Петя.

Над строем лыжников прокатился гул удивления и одобрения: поведет сам секретарь парткома, пожилой, тяжеловатый на ходу человек.

— Отряд добровольцев в количестве тысячи двадцати семи человек, — рапортовал Петя, — готов к выполнению ответственного и трудного задания.

— Здравствуйте, товарищи! — поздоровался Илья Михайлович.

— Здравствуйте-е, — вразнобой ответили лыжники.

— Вы не хуже меня знаете, — спокойным, ровным голосом продолжал Илья Михайлович, — насколько серьезное и напряженное положение у нас на ограждении котлована. Вы знаете, какая сатанинская пурга мела две недели подряд. Сейчас у нас на исходе цемент, почти совсем нет шпунта, арматурного железа. Четыре эшелона с этими материалами находятся на станции Перевальной, но они не могут к нам пробиться. Наши два снегоочистителя оказались бессильными перед стихией. На путях горы смерзшегося снега. Нужен решительный рывок, к которому мы вас и призвали.

— Даешь!

— Пошли-и!

Илья Михайлович поднял руку. — Подождите шуметь. Дело не такое простое, как кажется на первый взгляд. Мороз тридцать один градус. Сильный ветер. Первым пяти бригадам, в которые мы отобрали лучших лыжников, предстоит пройти пятнадцать-двадцать километров и с ходу взяться за дело, чтобы не простудиться под ветром. Работать придется быстро, насколько сил хватит, иначе все снова заметет. Другим бригадам предстоит путь короче, но это вовсе не значит, что им будет легко... Главное, смотреть друг за другом, чтобы не обморозиться, помогать тому, кто ослабнет. Костров не будет, обогревалок нет. Голая степь и заметенные снегом рельсы. Правда, для подкрепления сил в конце работы вам выдадут по кружке горячего молока и мясное. Горячее... Кто сомневается в своих силах, лучше не идти. И стыдиться нечего. Дело очень серьезное... Кто готов — надеть лыжи!..

Когда колонна строителей выходила за город, Восток загорался ядовито-красным пламенем.

На первых же километрах пути лыжники увидели фанерные щиты со словами:

«Сегодня нет мороза, нет пурги.

Во избежание солнечного удара прикройся зонтиком или носовым платком».

«Улыбнись!

Посмотри, как красива наша степь!

Мужайся, здесь скоро расцветут подснежники».

У занесенного до макушки куста ракиты была надпись:

«Приходите ко мне в гости весной, я расскажу вам про любовь».

И лыжники невольно заулыбались, пошли быстрее.

...А синий степной ветер срывал с гребней сугробов снег и бросал его в разгоряченные лица. Но странное дело, этот лютый встречный ветер не только не мешал Алле, но казался совершенно не-

обходимым. Она думала, что этот ветер, подобно тому, как он раздувает небольшой огонек в могучее пламя, разжигает сейчас в ней страсть к борьбе. Алла чувствовала, как с каждой минутой становится сильнее. Сердце билось в каком-то восторженном ритме. Идти было удивительно легко, и Алла часто оглядывалась: не утомился ли кто из ее бригады, не отстают ли?

Нет. Отстающих не было. Значит, думала Алла, и другие испытывают то же. Значит, и в них та же сила.

Потом они сняли лыжи, повтыкали их в снег, деревянными лопатами разрезали сугроб на кирпичи и со смехом, с шутками-прибаутками бросали эти яркие белые кирпичи на ветер. А он подхватывал снежную пыль и обсыпал ею румяные лица.

Лопата Аллы глухо стукнулась о что-то твердое. Она знала, что это был рельс, и все-таки заторопилась, с волнением стала разбрасывать снег, будто откапывала нечто неведомое и очень важное. И вот, наконец, блеснула узкая голубая полоска стали... Алла рукавицей смело снежные крошки, и на голубом рельсе заиграло солнце. Алла никогда не думала, что вот этот простой кусок рельса, в котором отразилось небо и солнце, может быть таким красивым. И она восторженно, пронзительно закричала:

— Ребята! Я до рельса докопалась! Ур-ра-а!

Ветер подхватил ее восторг и разнес по степи.

...Во второй половине дня во Дворец культуры приехали Серебров, Пожог. Намечалось по прибытии лыжников провести митинг, чтобы поблагодарить участников похода. Но лыжники до того устали и замерзли, что их сразу послали по домам.

— Ничего. Мы через газету их всех поблагодарим. И в областную надо написать.

Когда Пожог и Серебров шли домой, их догнали Алла и Шура. Обе они едва переставляли ноги, казалось, что сейчас упадут посередине дороги и уснут. Но выражение глаз у них было такое, будто они возвращались с Северного полюса, который только что открыли для человечества.

— Как там у вас обстояли дела, девчонки? — спросил Серебров.

— Просто чудесно, папа!

— Не было обмороженных?

— Мелочи: носы, щеки.

— Настроение было другое, — сказала Шура, — так все было интересно, здорово, очень здорово! А потом снегоочиститель пролетел. Всех снежной пылью засыпал. А потом поезд. Ох, какой он был красивый! Мы кричали, а я даже свистела, как мальчишка...

КАК ЖИВОТНЫЕ ДРУГ ДРУГУ ПОМОГАЮТ

НЕРАЗЛУЧНЫЕ ДРУЗЬЯ

Когда речь заходит о взаимопомощи в природе, обычно сразу вспоминают о симбиозе¹ и, конечно, о классическом его образце — «дружбе» рака-отшельника и актинии. Еще «отец зоологии» — великий Аристотель две с лишним тысячи лет назад обратил внимание на «странных» раков.

Партнеры раков-отшельников — актинии, или морские анемоны, живут в море всюду: от полярных широт до тропиков, в прибрежных скалах и в бездонных глубинах. В море многие животные похожи на растения. Древовидные колонии кораллов образуют здесь непроходимые песа. Гидроидные полипы и мшанки напоминают кусты и трав и кустарники. Губки — моховые кочки, а актинии — цветы в сумрачных садах Нептуна. Но мирный вид актиний обманчив: «цветы» эти хищны и ядовиты. Похожие на лепестки щупальца морских анемонов усажены стрекочущими, как крапива, клетками, а изо рта, из многочисленных пор своего тела они выбрасывают длинные нити с отравленными «стрелами» на конце. Яд их по эффективности близок к кураре, ничтожная капля которого, как известно, может свалить ягуара. Поэтому все обитатели океана стараются держаться подальше от актиний, и это с большой выгодой для себя используют раки-отшельники.

Они тоже встречаются в море на любой глубине. Отшельниками, или диогенами, раки прозваны за необычный образ жизни: подобно древнему мудрецу Диогену, который сделал своим домом бочку, они поселяются в раковинах улиток. Брюшко у них мягкое, не защищенное панцирем. Вот они и прячут его в пустые раковины морских улиток.

Если нет свободной раковины, рак атакует улитку, вытаскивает ее по частям из дома и поселяется в нем. Вход в раковину он затыкает большой клешней.

Но в море есть хищники, которые не боятся рачьих клешней. Осьминоги, например. Сильными щупальцами они легко взламывают клешню-дверь и вытаскивают морского отшельника из перламутровой кельи.

Чтобы спастись от разбойников, рак обзаводится оружием. Он находит на дне моря ядовитый «цветок» — актинию, и друзья начинают совместную жизнь.

Науке известно более четырехсот

видов раков-отшельников, по-разному складываются у них взаимоотношения с актиниями.

Некоторые из них поселяются в уже готовых, «вооруженных» актиниями раковинах. Когда, подрастая, рак меняет квартиру, он не забирает с собой актинию. Просто бросает ее вместе с раковиной и ищет новый дом, желательно с актинией на крыше. Очевидно, здесь мы наблюдаем начальные стадии формирования симбиоза.

Иначе ведут себя при встрече рак арросор и паразитическая актиния.

Почувствовав запах будущей соседки, рак торопливо приближается к камню, на котором сидит актиния, и обхватывает ее ножками. Против обыкновения актиния не выбрасывает свои нити и не жалит пришельца, а лишь слегка сокращает щупальца. Рак поглаживает ее, как наездник любимого коня (правда, не рак поедет на актинию, а она на нем). В ответ на дружеские прикосновения рачьих лап актиния отделяется от камня и медленно переползает к раку. Там она прочно усаживается на раковину, и рак, обремененный тяжелой ношей, но явно довольный своим приобретением, бесстрашно устремляется на поиски пищи.

Следующий, еще более высокий этап в развитии симбиоза представляет «дружба» рака придо и актинии адамсии. Они не могут жить друг без друга. Адамсия, если ее отделить от рака, умирает месяца через два-три, а рак придо погибнет еще быстрее — в первые же дни он падает жертвой алчности хищных рыб и осьминогов. Поэтому мало кому приходилось видеть рака придо без актинии. Актиния тоже лишь в юном возрасте живет самостоятельно. Крупных адамсий никто в море не встречал иначе, как на раковинах придо.

Почувствовав, что адамсия где-то поблизости, рак придо сейчас же начинает ее искать. Он никогда не спутает адамсию-паллиату с другим, даже очень похожим на нее видом. Если даже завернуть ее в тряпку, он и тогда не ошибется: отличит свою актинию от чужой.

Рак придо сажает актинию не на «крышу» своего дома, как делают многие другие раки-отшельники, а на «порог»: снизу близ отверстия раковины. Она присасывается к раковине под раком, позади его рта. Это тонкий стратегический ход: сидя здесь, актиния может ведь расти только вбок и вверх. Вскоре она обхватывает широким кольцом, словно муфтой, всю раковину рака (за исключением ее острого конца).

Рот актинии помещается сразу же позади рта рака, и когда он ест,

актиния тоже принимает участие в трапезе: хватая щупальцами оброненные раком куски пищи.

Но рак растет, и его рот вместе с удлиняющимся телом удаляется от края раковины и от рта актинии. Чтобы не отстать, актиния строит «висячий мост»: она выделяет за край раковины слизь, которая быстро твердеет и тонкой, но прочной роговой перепонкой покрывает вытянувшееся вперед тело рака. Надстраивая таким способом раковину, актиния переползает с прежнего места на эту надстройку, ближе к своей кормушке.

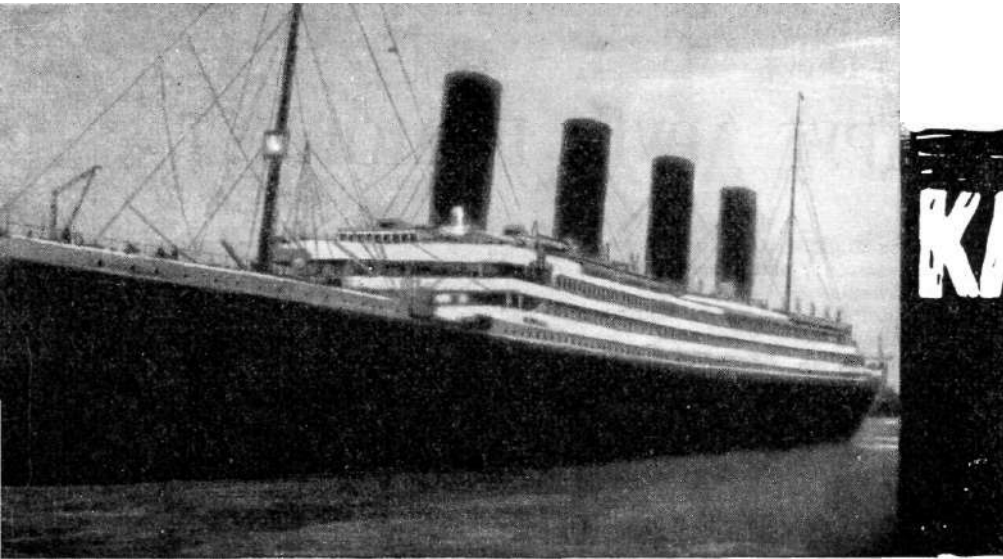
Подрастающему раку придо нет необходимости часто менять квартиру. Большую часть жизни он проводит в одной «самонадстраиваемой» раковине. Это выгодно и актинии: ей тоже не приходится переселяться.

Когда рак придо, поймав рыбешку, устраивается поудобнее, чтобы съесть ее с аппетитом, из раковины за лакомыми кусочками тянутся не только щупальца актинии. Еще один жилец общего дома заявляет свои права на добычу. Из двери высывается морской червь nereis и хватает куски побольше. Он живет в раковине вместе с раком. Рак об этом «знает» и не трогает квартиранта.

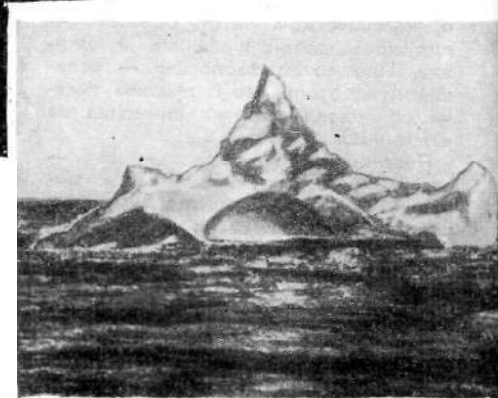
Какая ему польза от жильца? Ученые думают, что червь помогает раку, очищая его спрятанное в раковине брюшко от паразитов. Ведь некоторые раки придо так прочно обрастают актиниями, что не могут выбраться из раковины и проводят весь остаток жизни «под домашним арестом».

ИГОРЬ АКИМУШКИН

¹ Симбиоз — взаимовыгодное сожительство двух разнородных организмов.

КАТАСТРОФА

"Я слышал, что за быстрейший переход Атлантического океана иностранным пароходам присуждается приз «Голубая лента». Верно ли, что гигантский пароход «Титаник» столкнулся с айсбергом и затонул в 1912 году в погоне за этой лентой?» — спрашивает в письме в редакцию «Вокруг света» С. Родионов из Душанбе. О подробностях гибели «Титаника» просит рассказать и читатель журнала А. Муцан из Одессы.

Ровно полвека назад мир облетела тревожная весть: пассажирский пароход «Титаник» холодной апрельской ночью 1912 года затонул в Атлантическом океане после столкновения с айсбергом, из 2 207 находившихся на его борту пассажиров и членов экипажа спаслись лишь 704 человека.

Название лайнера замелькало на страницах газет и журналов всех стран. Мир был потрясен этой катастрофой — ей посвящены сотни и тысячи статей, десятки книг, два кинофильма.

Почему «Титаник» столкнулся с айсбергом? Как мог затонуть гигантский корабль, который объявляли непотопляемым? Чем объясняется такое большое число жертв? — все эти вопросы требовали ответа.

Построенный в 1911 году в Белфасте «Титаник» был самым большим кораблем в мире. Его водоизмещение составляло 66 тысяч тонн. Длина парохода достигала 269 метров. Достаточно сказать, что это на 37 метров больше высоты здания Московского университета на Ленинских горах. Высота судна, имевшего одиннадцать палуб, равнялась высоте десятиэтажного дома.

Английская компания «Уайт Стар» хорошо изучила вкусы и прихоти богатых пассажиров, приносивших ей основной доход. На лайнере, помимо шикарных «люков» и салонов, были летние и зимние сады, гимнастические залы, мюзик-холл, площадки для катания на роликовых коньках, плавательные бассейны.

11 апреля 1912 года «Титаник» покинул берега Англии и отправился в свой первый рейс, взяв курс на Нью-Йорк. Первые трое суток плавание проходило благополучно. Настроение пассажиров было приподнятым. Они не сомневались, что станут свидетелями того, как «Титаник» установит новый рекорд скорости при пересечении Атлантического океана. Владельцы корабля собирались завоевать символический приз — «Голубую ленту Атлантики», который в то время принадлежал «Мавритании» — английскому лайнеру компании «Кунард Лайн».

Утром 14 апреля на «Титаник» поступила радиограмма от капитана английского лайнера «Карония»: «Идущие на запад пароходы сообщают ледяные горы и поля 42° северной широты и 51° западной долготы».

Капитан лайнера Смит, один из лучших и опытнейших капитанов компании «Уайт Стар», и без предупреждения знал, что «Титаник» находится в опасной зоне плавающего льда. При большой скорости столкновение с айсбергом могло иметь роковые последствия. Но на

борту «Титаника» находился президент «Уайт Стар» Брюс Исмей, который настаивал на том, чтобы судно шло на повышенной скорости. Президенту компании нужно было во что бы то ни стало затмить конкурентов, отобрать лавры первенства у «Мавритании».

Капитан Смит, которому поручили вести в первый рейс самое большое и роскошное в мире судно в качестве своего рода бенефиса перед уходом на пенсию, не хотел портить отношения с главой компании.

В этот день старший радист «Титаника» Джон Филиппе и его помощник Гарольд Брайд с самого утра занимались передачей частных радиogramм на мыс Рас, откуда их передавали в США. Многим пассажирам «Титаника» хотелось известить своих близких о скором и благополучном прибытии, и за быструю передачу этих сообщений они давали радистам щедрые чаевые. Радисты так увлеклись этими частными поручениями, что не успевали относить на мостик служебные сообщения об айсбергах и ледяных полях.

В 22 часа 40 минут радиостанция парохода «Калифорния» передала в эфир еще одно серьезное предупреждение об опасности. Но Филиппе даже не удосужился дослушать это сообщение до конца...

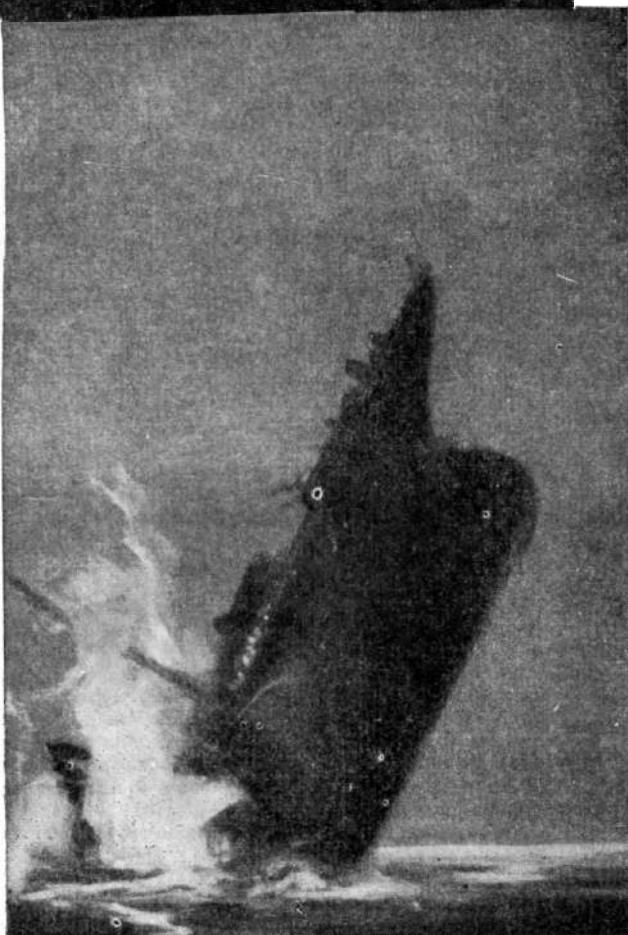
Ровно через час вахтенный матрос сообщил с фок-мачты по судовому телефону на мостик: «Ледяная гора прямо по носу!» Находившийся на вахте первый помощник капитана Мардах немедленно отдал команду: «Леве на борт! Стоп машина! Полный назад!»

Но скорость «Титаника» была слишком велика — 22,5 узла. Через тридцать семь секунд громадное судно ударилось о подводную часть айсберга. Пассажиры не ощутили толчка, а лишь услышали какой-то странный скрип. Оказалось, что «Титаник», коснувшись правым бортом подводной части айсберга, получил словно сделанную ножом почти стометровую пробоину — от форпика до котельного отделения.

«Титаник» быстро начал заполняться водой. Она свободно распространялась в носовой части судна: продольных переборок «Титаник» не имел, а пятнадцать поперечных переборок, которые якобы обеспечивали «непотопляемость» судна, из-за характера пробоины потеряли свой смысл. Уже через 10 минут после столкновения высота попавшей внутрь парохода воды достигла четырех метров.

1 Форпик носовой отсек на судне.

которая ПОТРЕСАА МИР

Командование судна знало, что пароход продержится на плаву не более двух с половиной часов. Капитан отдал команду: надеть всем спасательные пояса и собраться на шлюпочной палубе. Но мало кто из пассажиров «Титаника» верил, что судно таких грандиозных размеров может затонуть. «Ведь «Титаник» непотопляем!» — говорили они друг другу и неохотно выходили из теплых и уютных салонов плавучего отеля на холодную палубу. Некоторые шлюпки ушли от борта «Титаника» заполненными наполовину.

В 0 часов 45 минут 15 апреля по радио передали сигнал бедствия и позывные лайнера. На сигнал откликнулись несколько судов, среди них английский пароход «Карпатия», находившийся в 60 милях от «Титаника».

В 2 часа 05 минут от борта «Титаника» отошла последняя шлюпка, а на тонущем пароходе, носовые палубы которого уже были залиты водой, оставалось почти тысяча шестисот человек. Большинству из них не хватило ни мест в шлюпках, ни спасательных поясов, ведь в расчете на пресловутую «непотопляемость» владельцы корабля снабдили «Титаник» сравнительно небольшим запасом спасательных средств.

Спешившая на помощь «Карпатия» была еще далеко. Капитан Смит знал, что к моменту ее прибытия «Ти-

таник» будет лежать на дне океана, на глубине более 2 тысяч метров, и лишь немногим из оставшихся на борту лайнера удастся продержаться в ледяной воде...

«Титаник» пошел ко дну ровно в 2 часа 20 минут 15 апреля. Вот как описывал последние минуты «Титаника» очевидец катастрофы, преподаватель Кембриджского университета Бисли:

«Около двух часов мы заметили, что наклон на нос быстро увеличивается, и мостик целиком погрузился под воду. Пароход медленно поднимался кормой вертикально вверх. Свет в салонах внезапно исчез, затем на несколько мгновений опять блеснул, после этого погас совсем. В то же время послышался грохот, который можно было услышать за мили — котлы и механизмы сорвались со своих мест. Но это еще не был конец. К нашему удивлению, корабль в течение нескольких минут стоял вертикально над морем, чернея на ясном небе. Тогда мы услышали страшный вопль — это были крики наших товарищей, боровшихся со смертью в ледяной воде и призывавших на помощь, которую мы не могли им оказать, ибо наша шлюпка была уже загружена...»

«Карпатия» прибыла на помощь через два часа, но спасти удалось немногих.

На судебном разборе дела о гибели «Титаника» вся вина была свалена на капитана Смита, погибшего вместе с кораблем. В постановлении суда ничего не говорилось, как президент компании «Уайт Стар» Брюс Исмей настаивал на том, чтобы «Титаник», находившийся в опасной зоне айсбергов, продолжал идти с повышенной скоростью. В решении суда не упоминалось и о конструктивных недостатках «непотопляемого» парохода. Владельцы компании «Уайт Стар», конечно, постарались замаять дело. Но факт остался фактом — погоня за рекордом скорости в целях коммерческой рекламы привела к крупнейшей в истории судоходства катастрофе.

Л. СКРЯГИН

„ГОЛУБАЯ ЛЕНТА АТЛАНТИКИ“

Приз «Голубая лента Атлантики» был учрежден основателем английской судоходной компании «Кунард Лайн» — Самуэлем Кунардом в 1840 году. Пароход, быстрее других пересекавший Атлантику, получал право называться обладателем символической «Голубой ленты», а его капитану и экипажу выдавалась денежная премия.

Материальное воплощение этот приз получил в 1934 году. Вот как выглядит «Голубая лента Атлантики», сделанная руками лондонских ювелиров. На массивной подставке из оникса стоят две крылатые фигуры Победы, поддерживающие земной шар. Между ними сидят легендарный бог моря Нептун и его жена Амфитрида. Земной шар окружен широким кольцом, на котором изображены четыре обладателя приза: «Грейт Вестерн», «Мавритания», «Рекс» и «Нормандия». Наверху — две борющиеся фигуры: одна из них символизирует Атлантический океан, вторая — человеческий ум и силу, побеждающие стихию. Высота этой скульптурной группы 120 сантиметров, сделана она из серебра и весит 18 килограммов.

Международный комитет «Голубой ленты», созданный в том же 1934 году, вручил этот приз тогдашнему рекордсмену Атлантики — итальянскому лайнеру «Рекс». Через несколько месяцев приз попал на борт французского судна «Нормандия».

Летом 1952 года рекордсменом трансатлантического марафона стал американский лайнер «Юнайтед Стейтс». Он пересек Атлантический океан в восточном направлении, следуя со средней скоростью 35,59 миль в час.

Не так давно у американского судна появился соперник — гигантский лайнер «Франс», спущенный на воду в Сен-Назере в 1960 году. Морские круги Франции предполагают, что если это судно оборудовать атомным реактором, то оно сможет побить рекорд американцев.

Е. ФЕДОРОВСКИЙ

Рисунки В. КОРОВИНА

На зеленом экране локатора появилась крохотная точка. Не было предупреждения, что в такой-то час, в таком-то квадрате моря может появиться самолет. Значит, это был чужой.

Горлов перегонял на свою базу новый истребитель-перехватчик, когда в сетке локатора заплескалась точка на большой высоте.

— Неизвестный летит вдоль границы, — передал Горлов. — Близко. В полутора-двух километрах... Есть сопровождать!

Горлов прибавил скорость. Свист рассекаемого воздуха сорвался назад.

Некоторое время они летели по обе стороны невидимой черты — границы. Потом локатор показал еще одну точку. Это шел свой перехватчик, поднятый по тревоге. Он спешил сменить Горлова.

— Я ухожу! — крикнул Горлов, заваливая машину в глубокий вираж.

— Цель принял, — ответили со второго перехватчика.

Горлов откинул щиток шлема и вытер шелковым чехлом перчатки лицо. Непредвиденная погоня отвлекла его от маршрута.

Вот тут-то прямо перед глазами вспыхнула красная лампочка. Это значило, что двигатель работает последние минуты, добирая остатки топлива.

Сигнал подмигивает красным глазом: «Когда я погасну, двигатель остановится. Думай. Соображай».

«Попробовать дотянуть до аэродрома? Или катапультироваться, если увижу, что все равно не дотяну? Нет, надо дотянуть. Новая машина. Отличная машина. Ты только что получил ее и должен ее спасти... Что бы там ни было, жми до последнего. Выбери глиссаду планирования и такой режим, чтобы двигатель расходовал минимум топлива. И главное... главное — сгони с фонаря этот проклятый лед... Сделай все, чтобы согнать».

Самолет мчится над морем.

«Интересно, откуда поднялся тот летчик, что пришел на смену?»

Аэродром... Горлов представил бетонные полосы, порядок во всем, столовую, столики с белыми скатертями.

— Слушай, морячок. Сообщи самочувствие, — слышит он голос.

— Превосходное. Обледенел фонарь. Спирта нет. Я слеп, будто выкололи глаза. Тяну на красной, — отвечает Горлов неведомому собеседнику.

— Плохо, — Горлов узнает голос летчика, что вылетел ему на смену. — Ты Сидориху знаешь?

— Какую еще Сидориху?

Ты слышишь

— Дыра, — сочувственно сообщает летчик. — Но ближе ничего нет. Слушай внимательно!

Он сыплет цифрами. По коду объясняет, как пробить облачность и выйти на посадочный курс.

Горлов взглянул на карту. Действительно, ближе ничего нет. Но что это за Сидориха? Ее не видать на карте. Какая-нибудь посадочная площадка для геологов? Бочка с бензином, шест с флагом и ладонь ровного грунта среди скал?..

— Попробуй вызвать, — летчик называет позывные и отключается.

Но загадочная Сидориха не отвечает.

К фонарю плотной коркой прирос лед. На непроглядном фоне ночи он походит на зеленоватых медуз, запутавшихся в паутине морозных узоров.

В этом зеленом тумане Горлов берет курс на Сидориху.

Пальцы на ручке управления чуть дрожат.

«Это страх. Нет человека, которому он неведом. Но тебе надо его победить. Ты осознаешь опасность, но все равно не думай о ней. Когда человек попадает в переплет, он должен думать о другом. Твой самолет идет прямо к этой загадочной Сидорихе. Твои глаза привычно отмечают показания приборов, и пальцы, застывшие на ручке, машинально делают свое дело».

Проклятая слепота. Кто мог предусмотреть, что у тебя так обледеет фонарь? Этот чужак здорово помогал тебе в облаках... И все равно — не позволяй страху овладеть тобой.

Минуты, минуты... За это время надо решить сотни задач. Не на бумаге, в уме! Определи местонахождение, рассчитай верный курс, выдержи постоянный угол спуска... Ошибка в полградуса — и все.

Руками ты ведешь еще послушный самолет. А куда и как вести — должен подсказать ум. В миллионах клетках твоего мозга хранится много всякого... Ты долго жил и много видел. Твое поколение сделало кое-что. Сейчас ты занят другим — главным, срочным, но это живет в тебе.

Ты был мальчишкой, ты прочитал книжку «Летчик-испытатель» и захотел летать. Помнишь...

«У меня была мечта...

Я не могу сказать, в чем она заключалась. Могу только сказать, что желание летать было одним из ее проявлений. Так было в дни моей ранней молодости... И вот я стал летать...»

Это слова американского испытателя Джимми Коллинза. Он был хорошим человеком и честным коммунистом. И превосходным летчиком».

Самолет скользит вниз. Маленькие стальные крылья пока держат его.

«Не волнуйся. Делай свое дело спокойно. Стань бесстрастным, как автопилот, и сохрани те силы, те нервы, которые потребуются для посадки. Это будет самая тяжелая в твоей жизни посадка. Если она будет... Она будет. Ты не позволишь самолету разбиться. Отличная машина. Она таянет, она выручает тебя...

...Стал летать. В первый раз поднялся в воздух. И сразу потерял аэродром. Показалось, он сзади. А инструктор кивнул в сторону, где стояли крошечные крестики самолетов.

Ты думал, тебе никогда не научиться выдерживать капот-горизонт, высоту, скорость, летать прямо, а не так, чтобы самолет рыскал как слепой, из стороны в сторону.

Стартовый наряд...

На раскаленном от зноя аэродроме винты взбивают пыль. Пыль лезет в рот, глаза и уши. И белый флажок машет товарищам.

Желтое, приземистое здание учебно-летного отдела. Глиссады, формулы, чертежи, которые помогали понять, какая сила движет самолет вперед и держит в воздухе.

И снова зябкий сумрак утра. Снова полеты.

МЕНЯ,

А потом ты полетел один...

Самолет зазвенел расчалками, прыгнул вверх и оторопел перед выбором—или провалиться вниз, или лететь дальше. Стрелки мигают зелеными цифрами: не унывай, будешь летать... Впереди не маячит голова инструктора, и можно ощущать все вокруг: и цвет облаков, и свист ветра, и мощь мотора, и смотреть сколько угодно на тесную землю».

Горлов опустил голову к часам. Прошло три минуты с тех пор, как он свернул к берегу. Скорость медленно падает. Теперь двигатель шумит, как примус.

Сидориха не отвечает.

Молчит и летчик, сменивший Горлова. Он теперь ушел далеко и не слышит.

Самолет врзается в воздух, закручивая за собой тугий поток. На приборной доске настойчиво светится красный сигнал.

«Если уж ты, лампочка, загорелась, то гори дольше... Пока не покажется земля.

Успокойся, ты не в первый раз попадаешь в переплет. Правда, к этому трудно привыкнуть.

Война... Для тебя она свалилась с раскаленного неба пикирующими «юнкерсами». Истребитель комэски рванулся по полю, но шасси попали в воронку, и самолет встал на нос.

Тебе так сильно хотелось летать и драться, что часы, проведенные в воздухе, пронеслись секундой. Казались вечностью те дни, когда наступала нелетная погода, или сидели без бензина, или аэродром перебазировался. Верилось, с друзьями не пропадешь.

Славе Роговскому из Сызрани было девятнадцать лет. Когда тебя добивал «мессер», он прикрыл тебя. После боя он опустился на свой аэродром, привычно спрыгнул с крыла, шагнул навстречу бегущим меха-

никам и вдруг стал тихо опускаться в пыльную траву. Он истек кровью раньше, чем подоспела помощь.

Москвич Коля Кутенко и Вася Звонарев из Ухты. Однажды они сопровождали самолет командующего. На них налетела девятка «Фокке-вульфов». Немцы атаковали напористо; знали, простой транспортник русские охранять не станут. Кутенко и Звонарев отогнали фашистов. Они вырвались из боя, чудом держась в воздухе. У их машин прострелили все, что можно прострелить. Но они были хорошими летчиками. Машина Кутенко потеряла элерон и заваливалась влево. У Звонарева заклинил в крайнем положении руль поворота, и самолет тоже кренился влево. Но они летели совсем рядом, как будто поддерживали друг друга, и так, ковыляя, рука об руку, тянули домой».

Горлов поднял взгляд на бронестекло и с ненавистью посмотрел на лед. Теперь лед не походил на медуз. Он вцепился в стекло толстой пористой губкой, и никакая сила не сорвет его.

В первый раз появился лед, когда Горлов настиг чужака. Уменьшив подачу топлива, он сбавил скорость. Хлопья паров бросились на фонарь. Влага сразу твердела. Образовался кружок льда, но через секунду фонарь покрылся сеткой белых трещин. Сильней загорелась приборная доска с сотней выключателей, стрелок и цифр. Рука потянулась к тумблеру антиобледенителя. Секунда, две, три... Спирт омыл стекло, и лед исчез, как будто кто-то жарко подышал на фонарь.

Но через несколько минут снова появился лед, и снова пришлось включать антиобледенитель. Чужой бомбардировщик-разведчик нарочно летел в такой облачности, где истребителю, рассчитанному на стремительный, кратковременный полет, придется туго.

Разведчик летел у границы нейтральных вод. Заверни он немного к берегу — и конец его полету. Но пилот разведчика, видно, знает дело.

Горлову показалось, что он мог встречаться с ним. Может быть, это тот, с кем они пили вместе спирт? Тогда, на раскисшем фронтовом аэродроме? Они хлопали друг друга по крепким спинам и пили «за побе-

Земля?

ду». Тот наливал воды в спирт, сосредоточенно рассматривал мутнеющую жидкость и протягивал руку.

— За жизнь, камрад!

Вполне вероятно, что это он или другой, похожий на него, с подбородком, рассеченным глубокой морщиной, старательно огибает мысы и заливы, выдерживая двенадцатимильное расстояние от русских берегов. А инженеры, сидящие рядом, записывают на пленку все, что приборы могут учуять отсюда.

Конечно, они видят Горлова на своем локаторе, и пока он тут, не сунутся ближе ни на дюйм.

Бомбардировщик прибавил скорость и выскочил из туч.

В голубом сиянии луны вздыбленные тучи внизу были похожи на волны. Пронзительно свистел ураган. И, казалось, не двигатель а это холодное, фосфорное море клокотало, гремело. Две черные птицы неслись над ним, забираясь вверх, будто их тянули к себе рассыпанные звезды. Мощь, скрытая внутри, рвалась наружу, выдыхая раскаленный газ. Но вдруг из сопел бомбардировщика потянулась красная полоса. Его нос вяло опустился вниз, к тучам, он заметался, меняя высоты, стараясь ускользнуть от истребителя Горлова, который тенью мчался рядом до тех пор, пока не пришла помощь.

А подоспела она в то время, когда в антиобледенительной системе уже не было спирта, когда зажглась красная лампочка...

И теперь двигатель высасывает из баков последние килограммы топлива.

«Черт возьми, летчику надо, чтобы везло. Да, везло! Пока ты видишь красный свет — ты живешь. И самолет слушается тебя».

Двигатель работает, крылья держат обледеневший самолет. Горлов с благодарностью подумал о своей машине «Новая машина. Отличная машина. Твоя стихия — земля. Но ее стихия — небо. Только там она показывает себя. Она слушается тебя. Ей тоже хочется уцелеть».

— Береза, Береза! — с отчаянием кричит Горлов, и вдруг его голос кто-то услышал. В наушниках раздался щелчок.

— Семерка, я Сорок третий. Береза вас не слышит. Следите за нами. Идите прежним курсом.

— Кончается топливо!

В эфир сразу включилось несколько голосов — Двадцать второй, Тридцатый, Сороковой. За кодовыми цифрами скрывались неизвестные друзья. Каждый хотел чем-нибудь помочь Горлову. Помочь советом, добрым словом, ободрить незнакомого им человека.

— Я Сорок третий. Попытаюсь вызвать Березу.

— У нее заложено уши! — крикнул Горлов.

И оттого, что за ним следят, его слышат, отчаянно захотелось вернуться целым.

«Может быть, действительно дотяну? Только бы не этот лед!»

— Сообщите, где я?

— От Березы в трех минутах.

— Береза молчит!

— Выдерживайте курс триста семь.

— Там есть привод?

— Нет привода.

Нет радиостанции, которая пошлет точный сигнал и приведет на посадочную полосу.

Двигатель вдруг напрягся и шумно кашлянул. Горлова бросило к приборной доске, как будто машина наткнулась на какую-то преграду. «Неужели конец?» — мысль показалась страшно дикой, неправдоподобной.

Двигатель всхлипнул, всосав в раскаленные камеры последнее топливо. Самолет снова вздрогнул и стал проваливаться вниз.

«Ты падаешь! Последний шанс — это держать курс триста семь. Катапультироваться уже нет смысла».

Через гул и треск наушников Горлов услышал торопливый голос Сорок третьего:

— Семерка! Отвечай Березе.

— Береза, где ты?

— Я Береза, слушаю вас, — пропищал тоненький голосок.

— Зажгите огни!

Голосок вздрогнул и растерянно прошептал:

— Сейчас, одну минуту...

— У меня нет минуты! Я ничего не вижу!

Горлов прильнул к бронестеклу, пытаясь через ледяную пелену разглядеть огни.

— Семерка! Я Береза. Видишь меня? — вдруг воорвался властный бас человека, который привык командовать.

«Кто-то свой! Этот посадит. Только держись!»

— На фонаре лед.

— Понятно, дружище... — голос на секунду умолк.

По бронестеклу запрыгали вспышки огней. Сквозь лед они походили на снежные комья. Ударяясь о фонарь и рассыпаясь, они искрились всеми цветами радуги, слепили глаза.

— Ты правильно зашел. Выпускай шасси!

«Ты сядешь. Ну, разве это так сложно? Главное, быстро выполняй, что тебе скажут».

— Включай фары! Ручку на себя! Сильнее на себя! Ах ты какой...

И через секунду:

— Везучий. Ты чуть не подцепил сопку. Доверни на полградуса. Так... Выпускай воздушные тормоза.

Машину резко трянуло.

— Тяни на себя. Та-а-к. Два метра... Полтора... О, многовато. Так держи!..

Горлов ничего не видел, но обостренными нервами он чувствовал посадку. Вот сиденье плавно проваливается вниз. Вот машина несется над полосой, гося бешеную скорость.

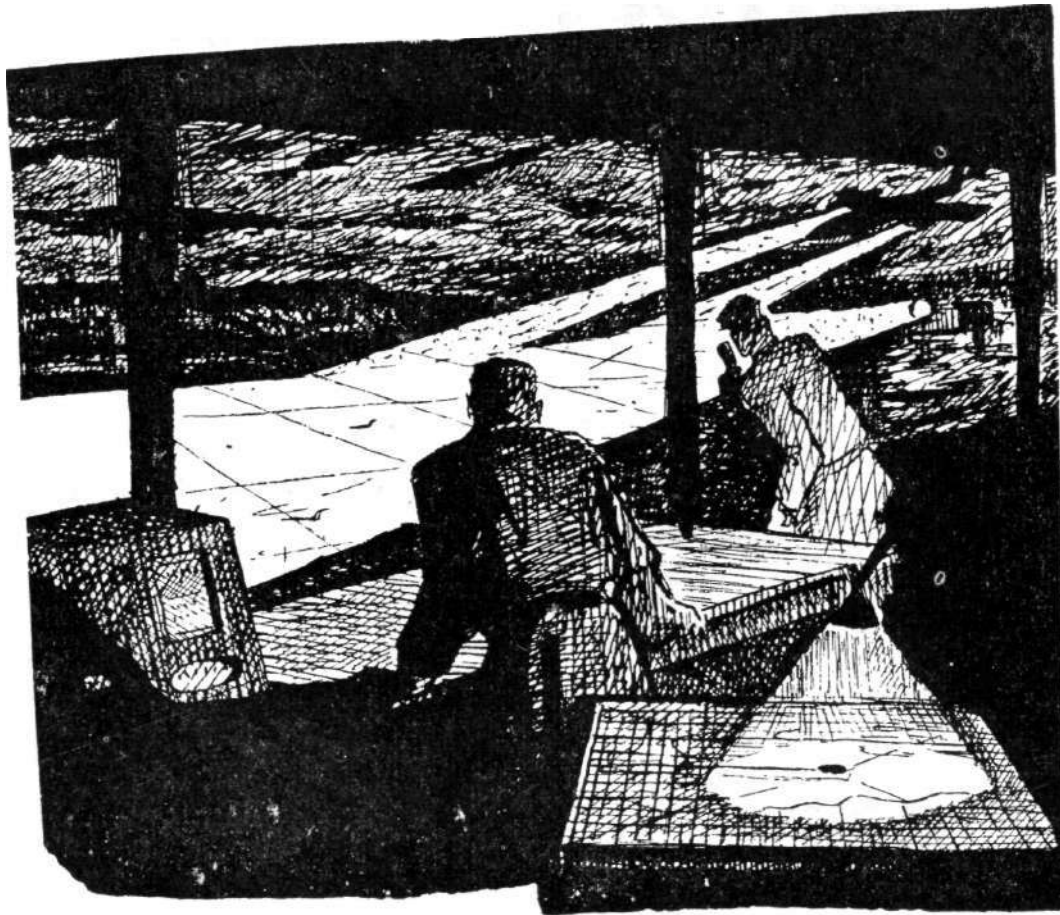
— Полметра... Убери левый крен!

Горлов качнул ручку в сторону и в следующую секунду услышал, как шасси со свистом резануло землю.

...Рывком он открыл замок и откинул тяжелый колпак. По горячему лицу наотмашь ударил ледяной ветер. Навстречу, брызгая ярким светом фар, мчалась машина с техниками и санитарный фургон.

Горлов выбрался из кабины.

«А земля-то действительно твердая». С минуту он

постоял, глядя на горячий еще самолет. Провел рукой по плоскости. «Новая машина. Отличная».

В небольшом домике он увидел маленького тщедушного радиста в штатском и офицера в летной кожаной куртке, склонившегося над рацией. Офицер рокотал в микрофон:

— Порядок, братцы. Да, да. Уже здесь. До связи. Он протянул Горлов огромную ладонь.

— Жить тебе, браток, сто лет. Аэродром неважный. Самый что ни на есть запасной. Скажи спасибо парнишке, как тебя?..

— Бороботько, — сказал радист, краснея.

— Ветер антенну сорвал — он тут наладил.

— Как разведчик?

— Что-то у него стряслось. Стал уходить, звал ба-

зу, да не дозволялся. Может, дотянул, а может, и нет. Ему-то помощи ждать не от кого...

На рассвете Горлов вылетел к себе на аэродром. Знакомая полоса. Возле нее дружными угольниками выстроились перехватчики.

«Джимми Коллинз погиб. Ты остался жить. Коллинз был превосходным летчиком. Но он всегда был один. Он один шел на риск. И никто не помогал ему. А тебе помогли. Пусть никто не знал тебя, но каждому ты все равно был дорог.

Это самое важное».

— Заря! Я Семерка. Прошу посадку! Прием.

Навстречу неслась блестящая от мороси лента бегонки. Тучи, высеивая последний дождь, скатывались в океан. День обещал быть солнечным.

ГЕРБЕРТ ДОМЗ

КОНЕЦ „ТАЕЖНОЙ” ТОПИ

Когда-то ледник, отступая, оставил здесь озера та-лой воды. За многие тысячелетия озера затонули мхами, образовался торф, на зыбком, неустойчивом грунте вырос чахлый лес.

Лет сто назад владельцы этих земель герцоги Мекленбургские повелили вырубить лес. Сохранился только небольшой островок охотничьих угодий, неподалеку от которого герцоги соорудили охотничий замок. Кроме него, в Левитце не было другого жилья.

«Тайга» — так называли Левитц первые переселенцы, появившиеся здесь в 1957 году. Чувство одиночества и затерянности, которое охватывает человека среди этих бескрайних болот, вероятно, несколько не походит на ощущение, испытываемое в настоящей сибирской тайге. И все же за Левитцем закрепилось это название — «тайга».

Битву с «тайгой» начала молодежь. «Левитц должен стать образцовым сельскохозяйственным районом», — так было записано в семилетнем плане страны. Союз свободной немецкой молодежи обратился к юношам и девушкам ГДР с призывом отработать здесь по четыре недели. Шефство над Левитцем взяли ребята округа Шверин, к которому примыкает болотистая равнина.

Свершается то, о чем раньше даже и не могли мечтать немецкие крестьяне. Отступают болота: там, где несколько лет назад рос только камыш, теперь работают современные сельскохозяйствен-

ные машины, еще недавно пустовавшие земли превращены в отличные сенокосы.

Новоселы — уже не чужаки в «тайге». Вечерами к ним в клуб приходят крестьяне окрестных деревень. Ребята — частые гости на деревенских праздниках.

Однажды к молодым мелиораторам пришла целая делегация. Она предложила соорудить памятник из... межевых камней. Это значило, что крестьяне не хотят больше дробить землю, обрабатывать ее разрозненные клочки. Не

хотят, потому что поняли: новую жизнь нужно строить сообща.

И летом и зимой в разных концах бывшего болота работают люди. Это молодежные бригады роют сточные канавы, прокладывают дороги, разравнивают поля под пашни и общественные выгоны. И непременно над каждым участком развевается знамя Союза свободной немецкой молодежи. Полотнище его победно реет над обновленной землей.

Сокращенный перевод
О. КОКОРИНА

В. ОСТРОВСКИЙ

Рисунки В. ВАКИДИНА

Индонезия, раскинувшаяся на бесчисленных островах, на редкость яркая и многообразная страна. Каждый ее остров в полном смысле слова «остров сокровищ».

Двести различных народностей населяют Индонезию, двести языков и диалектов звучат на ее островах. Яванцы, мадурцы, сунданцы, батаки, сиканезцы, нумфорцы, нiasцы, белунезцы — все они граждане единой и независимой республики. «Bhinneka Tunggal Ika» — «Единство в многообразии» — эти слова начертаны на ее государственном гербе.

Советский журналист Валентин Островский — один из знатоков Индонезии. Он изучил индонезийский язык, несколько раз путешествовал по ее островам. Мы предлагаем вашему вниманию собранные им любопытные сведения об обычаях и сказаниях индонезийского народа. Несколько разноцветных мозаичных камешков не составят, конечно, полной картины, но, с другой стороны, без таких частностей не представишь себе и целое...

Недалеко от Джокьякарты возвышается знаменитый храм Прамбанан, построенный более тысячи лет тому назад. Множество статуй украшает храм. Жители окрестных деревень рассказывают интересную легенду о том, как были созданы эти статуи.

Великан-волшебник полюбил прекрасную принцессу по имени Лара Джонгранг и захотел на ней жениться.

— Я выйду за тебя замуж, — сказала она, — если ты за одну ночь высецешь из камня тысячу статуй и закончишь всю работу до пения петухов.

Вечером великан принялся за дело, и незадолго до рассвета у него уже было готово девятьсот девяносто девять статуй. Оставалось сделать только одну, и времени было вполне достаточно.

Однако неверная принцесса, не желавшая выполнять своего обещания, велела всем деревенским девушкам постучать пестиками о ступы. От шума петухи проснулись и начали петь.

Великан, разгневанный таким коварством, тотчас же превратил принцессу в статую — тысячную по счету.

В горах Восточной Явы живут тенггерезцы. Они в отличие от остального населения острова в гораздо большей степени сохранили обычаи и верования, восходящие к временам глубокой древности. Изучая быт тенггерезцев, ученые могут составить представление о том, какою была Ява в давно минувшие времена.

Некоторые тенггерезцы и сейчас поклоняются вулкану Бромо.

Среди каро-батаков до сих пор распространены чрезвычайно интересные древний обычай: свекор и сноха не имеют права разговаривать друг с другом. Разговор между ними может происходить только через посредника...

— Мухаммад, спроси сноху, есть ли в доме бананы, — говорит свекор.

— Скажи, пожалуйста, свекру, Мухаммад, что я еще вчера принесла с базара целую корзинку, — отвечает сноха.

Мухаммад при этом может сидеть, не произнося ни слова, — роль посредника можно исполнять и молча.

А как быть, если свекор со снохой встречаются где-нибудь на дороге, и поблизости нет ни одного человека? В таких случаях посредником может служить любой неодушевленный пред-

мет — камень, дерево, хижина и даже сама дорога.

— Камень, откуда идет свекор?

— Камень, скажи, пожалуйста, снохе, что я возвращаюсь с рисового поля.

— Поблагодари свекра за ответ, камень!

Слово «монтономи» на языке тораджей означает «сажать кукурузу». Сажают ее много, потому что жители Центрального Сулавеси предпочитают ее всем другим культурам, если не считать риса, который прочно держит первое место. Закончив полевые работы, тораджа ударяет ладонью по стволу ближайшего дерева и восклицает: «Вот какой большой должна вырасти кукуруза, которую я посадил!»

Звезды — это дети Луны, рассказывают тораджи. Звезды женятся друг на друге, и у них рождаются маленькие звездочки...

Есть у тораджей и другая легенда: днем звезды разгуливают по земле в образе людей, а вечерами отправляются на небо. На земле звезды помогают бедным, заботятся о них, приносят им счастье.

С давних пор деревня Тенганан считалась чуть ли не самой богатой на всем острове Бали. Ее жителям принадлежат обширные плодородные земли. Как они им достались?

Вот что рассказывают об этом в Тенганане.

Сотни лет назад у всемогущего раджи Бедаулу пропала любимая лошадь. Убитый горем, раджа разослал людей во все концы острова, приказав во что бы то ни стало обнаружить пропажу. Тенгананцы пошли на восток и через несколько дней нашли труп лошади.

— Как вас наградить? — спросил Бедаулу.

— Мы не просим награды, — ответили крестьяне. — Дай нам только тот клочок земли, на котором можно различить запах павшей лошади.

Бедаулу решил, что это очень скромная просьба, и охотно согласился. Одного из своих придворных, обладавшего острым обонянием, он послал отмерить землю. Вместе со старейшиной деревни Тенганан придворный отправился в путь. Они шли очень долго, но, хотя павшая лошадь осталась далеко позади, их все время преследовал запах падали. Наконец придворный в полном изнеможении остановился и сказал, что дальше он идти не в силах.

— Хватит вам и этой земли!

Тенгананцы не стали спорить — они были очень довольны. А когда придворный ушел, старейшина вытащил из-под своей одежды огромный кусок протухшей конины...

* * *

Когда ребенку исполняется три месяца, семья устраивает празднество. Из древесины кокосовой пальмы вырезают человеческую фигурку, белят ее мелом и... выбрасывают в канаву или в придорожную пыль. Каков смысл этого обычая? Родители боятся, что злые духи подменят их ребенка. К счастью, духи не очень сообразительны, и их легко обмануть, подсунув им деревянного «младенца». Такая фигурка называется по-балийски «чолонг».

Пускаясь в морское плавание, нумфорцы считаются с многими приметами и строго соблюдают в пути особые «правила поведения». Чтобы не навлечь на себя беду, они никогда не произносят вслух названия островов или бухт, до которых еще не добрались. Если произнесешь, обязательно будет дождь, туман или буря, и тогда неминуемо собьешься с курса.

Ни в коем случае нельзя указывать направление пальцем, иначе оттуда, куда укажешь, придет шторм. Показывать можно только локтем или губами, вытягивая их в нужном направлении.

* * *

Народность капауку имеет свой собственный «телеграф» для передачи сообщений на большие расстояния.

Допустим, отец семейства ушел по делам в другой конец деревни. Жена хочет, чтобы он поскорее вернулся домой. Разыскивать его было бы долго, да к тому же ей некогда.

— Пусть такой-то идет домой, юху-юху! — кричит она.

Слова «юху-юху» сами по себе ничего не означают. Это сигнал для передачи сообщения дальше. Каждый, кто его слышит, кричит в свою очередь:

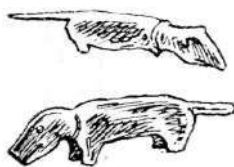
— Пусть такой-то идет домой, юху-юху!

В кратчайший срок «послание» долетает до ушей «адресата».

Ребут — так называется одна из народностей, населяющих остров Буру. Представители этой народности долгое время поклонялись акулам. Они счита-

ли, что обязаны своим существованием одной сердобольной акуле. Рассказывали, что в былые времена родоначальник их племени потерпел кораблекрушение в открытом море. Он наверняка утонул бы, если б не подоспевшая вовремя акула, которая сжалась над ним и доставила его невредимым на берег.

Раньше Небо и Земля были совсем рядом, рассказывают белунезцы. И вот однажды мужчина, живший на Небе, женился на обитательнице Земли. Вскоре они начали ссориться друг с другом. Каждый день с утра и до вечера.

Бог Маромак, услышав эту перебранку, так разозлился, что раз и навсегда отделил Небо от Земли.

Про способного, быстро соображающего ребенка белунезцы говорят, что у него «какутак маас», что значит «мягкий мозг»: такой, мол, мягкий, что в него легко входят знания. А про упрямого, ленивого мальчишку говорят «какутак тос» — «твердый мозг». От такого мозга всякое разумное слово отскакивает, как от стенки горох.

Любимое развлечение банггэйских мальчишек — игра в «охоту». Водящий обвязывает кусок бананового дерева длинной веревкой и быстро бежит, волоча его за собой. Этот чурбан, изображающий дикого кабана, подпрыгивает на всех кочках и ухабах. А охотники гонятся за ним, бросая в него на бегу острые бамбуковые копья. Банановое дерево очень мягкое, и поэтому копья легко застревают в теле «кабана».

Ниасцы очень любят желтый цвет. Для них он символизирует все самое хорошее: чистоту, благородство и процветание. Про вежливого, воспитанного человека говорят, что у него «желтое поведение». Хорошие, приятные сны называют «желтыми снами».

Почти на всех островах архипелага большой популярностью пользуются всевозможные загадки. По-индонезийски они называются тека-теки, но у каждой народности есть свое собственное название для загадок. На острове Сумба, например, их называют дика-дика, на острове Роти — ненеук, а на архипелаге Банггэй — сомбот, или сосомбот.

Банггэйские загадки

Дом большой, а стоит на одной свае.
(Гриб.)

Три человека спускаются вниз и хватают восьмерых.
(Трезубец, вонзающийся в осьминога.)

Все они братья, а глотка воды друг другу не дают.

(Кокосовые орехи, которые «по-братски» висят в одной грозди, а «водой», то есть соком, никогда не делятся.)

Есть три человека, у которых в одно и то же время начинается лихорадка и в одно и то же время проходит.

(Три камня в очаге, на которые ставят котел. Огонь костра одновременно разогревает их, и они одновременно остывают.)

Загадки торадтей

Плывет корабль, а руль у него опереди.

(Буйвол, которого направляют веревкой, продетой сквозь кольцо в носу.)

Пока я живу вместе с матерью,
Все говорят, что я некрасивый,
А когда в доме становится темно.
Все почитают меня, как короля.

(Это смола. На породившем ее дереве она неприглядна. Но когда вечером зажигают смоляной факел, все им любят.)

Гром грянет — столб поднимается.

(Это кошачий хвост. Под «громом» подразумевается треск раскалываемого кокосового ореха. Стоит кошке услышать этот звук, как она настороженно задирает хвост («столб»), ожидая, что ей перепадет лакомый кусочек.)

Балантакская загадка

Человек бедный, а дом у него каменный; куда ни пойдет, берет его с собой.
(Улитка.)

Мадурская загадка

Кидаешь его — белое, падает — оранжевое.
(Яйцо.)

МОЛОДЫЕ ХОЗЯЕВА ЗЕМЛИ

Любопытная вещь — человеческое зрение. Одни и те же места, одни и те же события выглядят для разных людей совсем по-разному. Иной молодой человек, презировав хоть раз на Севере, уже мнит себя эдаким джеклондоновским героем. С языка у него то и дело срываются «белое безмолвие тундры» и другие леденящие душу слова. Уже если мороз тут — под пятьдесят, не иначе. Деревья и те не выдерживают, сердечные, лопаются пополам. О птицах и толковать нечего. Камнем на лету падают. Одно неясно, как здесь люди живут. Нетрудно догадаться, в каком свете представлялся бы такому молодому человеку строящийся в верховьях Печоры город Джедгор. Чуть ли не край земли показался бы!

В литературе, посвященной освоению Севера, проблема акклиматизации именно этой категории молодых людей с их резкими переходами от восторгов к унынию разработана, пожалуй, наиболее обстоятельно.

Но герой новой повести Александра Рекемчука «Молодо-зелено» Коля Бабушкин не столичный житель, родителями в детстве не избалован, и после долгих месяцев работы на совсем уж отдаленных Порогах ему куда как приятно очутиться в Джедгоре с его освещенными улицами и витринами магазинов. Так что этот город для Коли Бабушкина «важнейший очаг цивилизации и вообще пуп земли». Как заметил Рекемчук: «Все зависит от того, с какой стороны ты подъезжаешь к Джедгору».

Дело, разумеется, «не только в географии». В этих словах отчетливо выражены и авторская позиция и позиция героя. В отличие от многих молодых людей из нашумевших в последнее время книг Коля Бабушкин поселился на Севере отнюдь не для специального познания жизни, не для того, чтобы ответдать романтики или закалить волю на преодолении зимних трудностей. Не познавать жизнь, а жить он приехал.

Сюжет повести подчеркнуто прост — это история строительства керамзитового цеха, строительства, на котором Коля Бабушкин возглавляет ударную бригаду. Рекемчук сознательно избегает северной цыганщины, чуть ли не обязательной для литературы о здешних местах. В книге нет ни охоты на медведей, ни блатных песен, ни туняйцев, пребывающих на разных ступенях перековки.

Никаких чрезвычайных происшествий с Колей Бабушкиным тоже не случится. Он не вяжется в другую компанию, не собьется с пути ни в прямом, ни в переносном смысле, даже рук-ног не обморозит. И хны-

кать, как некоторые модные герои, он тоже не будет. С какой стати ему хныкать? Оттого, что зима холодная? Так он и не рассчитывал, что на Верхней Печоре финики растут. А случись неладное, трудность какая-нибудь — ну что ж, руки у Коли работающие, голова светлая, да и по должности не положено носа вешать: депутат райсовета.

Для писателя нет ничего сложнее такой вот кажущейся незамысловатости, когда не внешние занимательные события, а внутренний мир человека постоянно находится в центре внимания.

Вместе с молчаливым, сумрачным шофером мы встречаем Николая на трассе, когда он стоит, протянув руку к попутным машинам. И вместе с шофером мы словно присматриваемся к случайному пассажиру: а что ты за человек, стоит ли с тобой иметь дело, мало ли тут всяких голосует; подвели да забыли.

Но вот около самого Джедгора машина застряла. Минута идет за минутой, крепчает мороз, уже зуб на зуб не попадает, а неисправность так и не удается отыскать. Обозленный непредвиденной задержкой, обозленный тем, что сплывал перед незнакомым парнем, шофер кивает головой на проходящие машины: «Забирай свои чертovsky лыжи и садись на любую. В Джедгор они идут. Через полчаса там будешь... Ну!»

И когда чужак человек не соглашается, шофер вдруг мягчает и уже с другим чувством командует: «Ну, чего стоишь, как пень? Держи насос. Качать будем!»

Так Коля Бабушкин выдерживает первый экзамен в книге. Экзамен в глазах шофера и в наших глазах. И вместе с шофером мы проникаемся к нему доверием: «Настоящий парень. Не подведет».

И здесь опять-таки одно из отличий повести от ряда других современных произведений о молодежи. Если в «Продолжении легенды» А. Кузнецова, «Молодых» З. Скуиня или «Все только начинается» Э. Ставского развитие характера шло, так сказать, от хляби к тверди, то Коля Бабушкин с первой же страницы повести довольно основательно стоит на земле. То, что для этих писателей является конечным результатом, для Рекемчука лишь отправная точка. Стержень развития характера Бабушкина не в борьбе противоречивых стремлений, не в борьбе чувства долга со слабостями души. Просто день ото дня Коля набирается новых сил, и каждый день обогащает его новым опытом.

За последние годы мы не раз встречались с героями, которые на протяжении всей книги аккумулируют хорошее от других людей, чтобы проявить себя где-то на последних страницах. Коля Бабушкин, напротив, не столько принимает энергию, сколько дарит ее. Это он вовремя останавливает Лешку Ведмедя, прельстившегося каменной работой у попа. Это он протягивает руку чересчур восторженному Черномору

Агееву, который, вознамерившись исследовать звездные миры, совсем забросил земные дела.

Собственно говоря, Николай и сам бы не прочь отправиться на другие планеты. После запуска первых спутников он даже собрался писать в Академию наук, чтобы его имели в виду, «если понадобится человек лететь на Луну». Не написал по одной лишь причине. В ту пору на Порогах, где он работал, было не легче, чем может быть, первым исследователям на Луне. И Николаю не хотелось, чтобы товарищи считали его дезертиром.

Если Володя из розовского сценария «А, Б, В, Г, Д...» отправляется в бесцельное странствие со смутной надеждой чем-то заполнить свою жизнь, то жизнь Бабушкина заполнена до отказа. И первая цель — наладить выпуск керамзитовых блоков, чтобы скорее строить дома в районе.

У Бабушкина вообще крайне развито чувство хозяйской ответственности за все происходящее, будь то полеты на Луну или дела райсовета. И с течением времени это чувство делается все более глубоким и осознанным.

Боевое, творческое начало, наступательная, а не оборонительная позиция при встрече со злом и привлекают в Коле Бабушкине.

Язык книги, авторская интонация очень созвучны мироощущению главного героя. Рекемчук, подобно Коле Бабушкину, обходит с севером на «ты», как со сверстником, но все же другом. Озорной, чуть насмешливый взгляд писателя заметит, что здесь, на Севере, «хотя рубль и длиннее, но лето короче», что и солнце в этих краях вопреки астрономии восходит на юге, «потому что у этих суровых широт, в верховьях Печоры, появление солнца в середине зимы — особая милость... Конечно, — добавляет Рекемчук, — ученые-астрономы или сотрудники планетария могут оспорить это утверждение. Они могут авторитетно доказать, что на Верхней Печоре, как и всюду, солнце восходит на востоке, а заходит на западе. Им, конечно, видней через трубу.

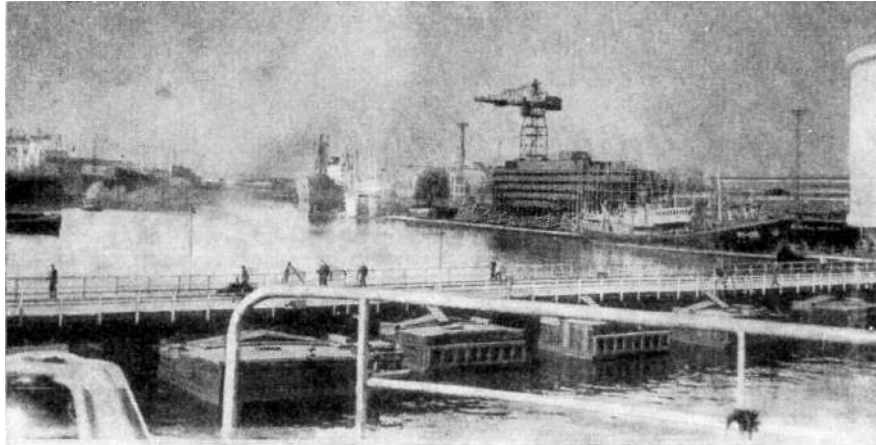
Но тогда остается предположить, что в середине зимы на Верхней Печоре восток и запад перемещаются к югу... и совпадают в одной точке — в той самой точке, где появляется, висит и, повисев, исчезает солнце. А все остальное пространство... это Север. Один только Север, куда ни глянь».

Любование Севером совершенно чуждо Рекемчуку. Ведь любованье — всегда пассивный процесс. А пафос книги — это активность. Активность людей, призванных положить конец «белому безмолвию», утверждающих Север как великую стройку наших дней. Рекемчук не любитесь этими людьми — он любит их. И эта любовь передается читателям.

Л. Теракопьян

ЗДЕСЬ *рождаются* КОРАБЛИ

Шведская верфь огромна, как настоящий город. Она занимает территорию в 218 гектаров, а ее «население» — 12 тысяч человек. У нее своя богатая история — скоро минет сто лет, как на берегу Балтийского моря поднялись корпуса мастерских. Правда, в первые годы из них выходили не корабли, а железнодорожные вагоны. Теперь здесь ежегодно строится до 30 крупных судов различных типов — траулеры, танкеры, лесовозы...

Как и в любом городе, на верфи вы можете увидеть таблички с названиями улиц. Они носят хорошие, трудовые имена: «Улица Столяров», «Улица Трассеров», «Проспект Сварщиков».

Совершив небольшое путешествие по этому корабельному городу и посмотрим, как рождаются и растут корабли, прежде чем отправятся они в далекие плаванья по просторам морей и океанов.

Фотоочерк

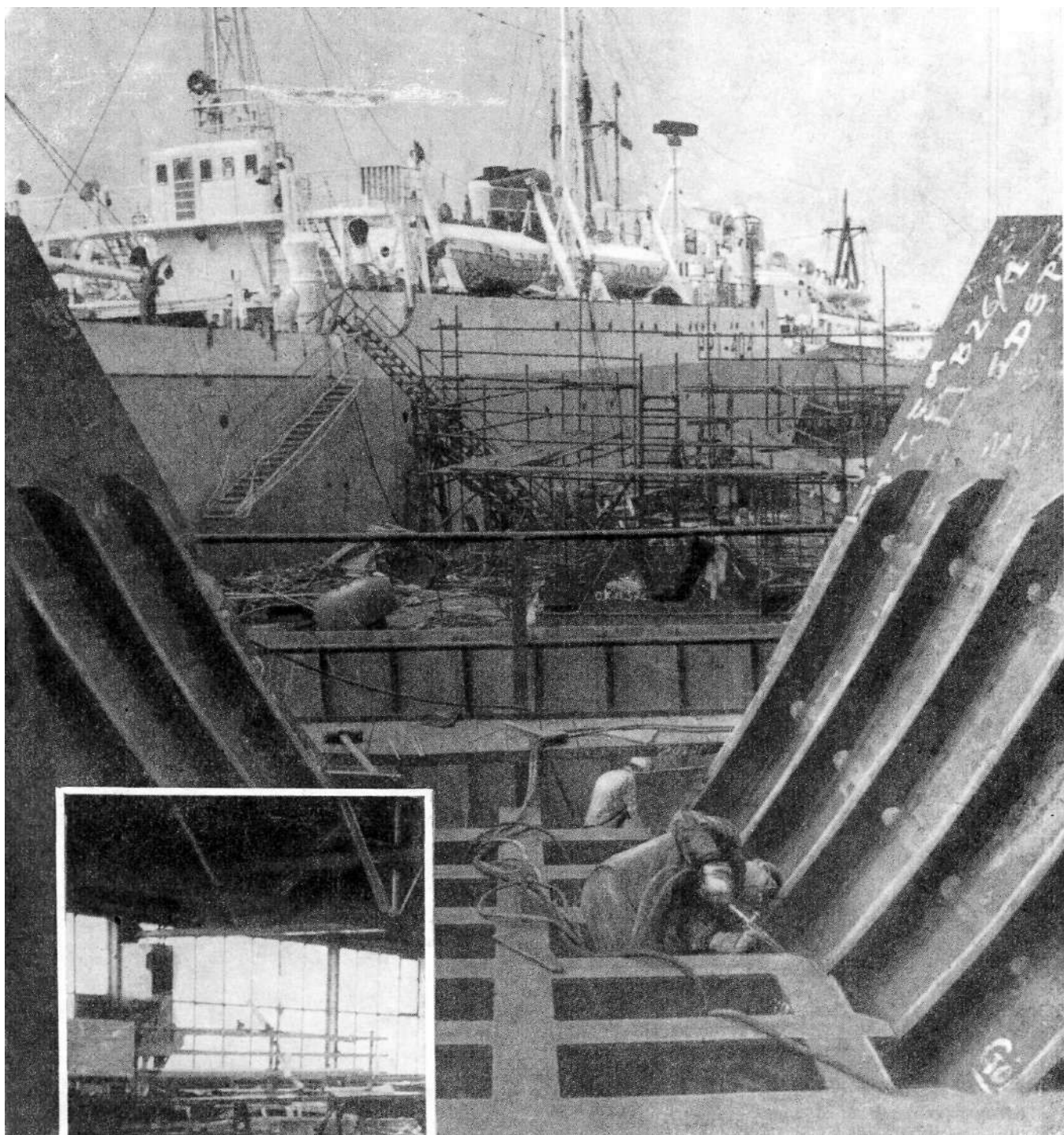
Чтобы не тратить времени на пеший путь от цеха к цеху (ведь расстояние между ними иногда достигает нескольких километров), воспользуемся местным общественным транспортом.

Это обычные велосипеды. Они стоят у дверей цеха, и ими может пользоваться каждый, кому нужно побывать в соседнем цехе или в дирекции верфи.

Но ехать надо осторожно: дорожку преграждают то огромный винт, то кольца якорной цепи.

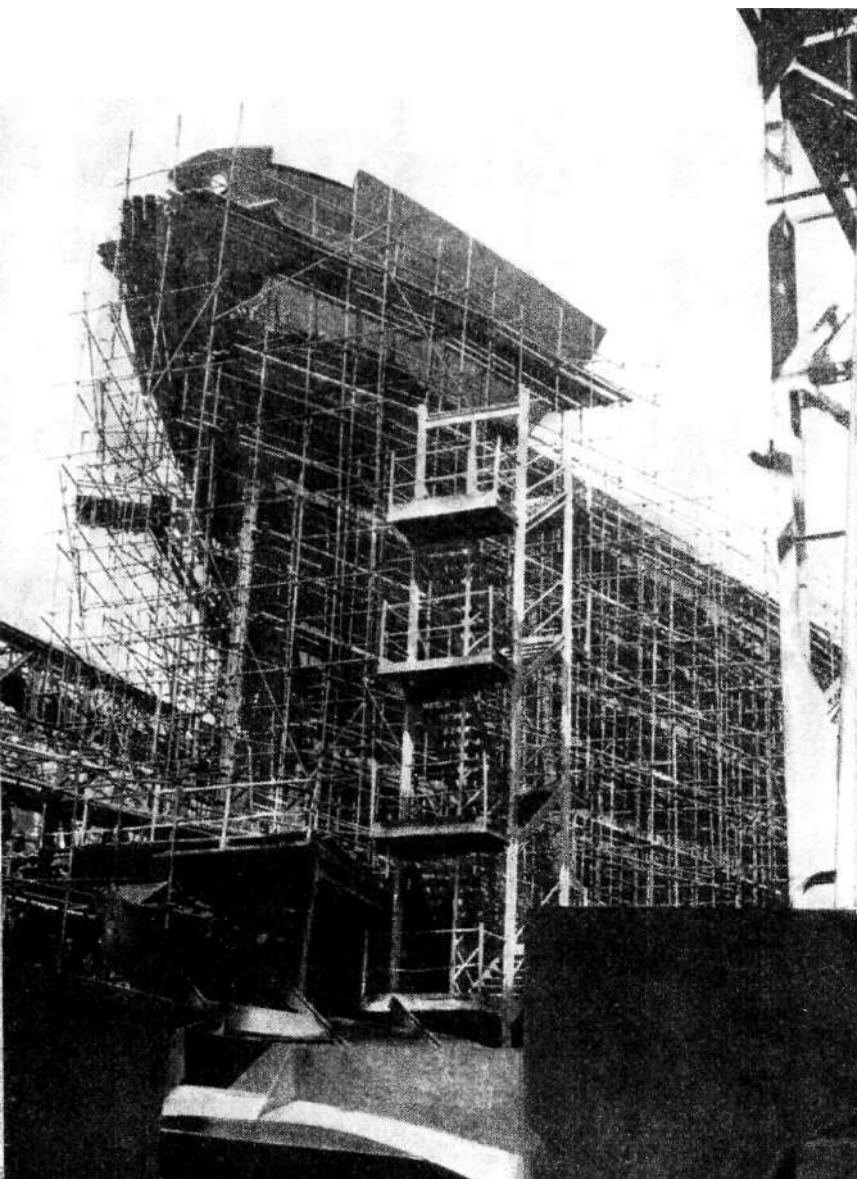
Вот и «Улица Трассеров». От точности их работы зависит очень многое. Недаром первый корабль, спущенный на воду в 1948 году, был назван именем: одного из трассеров — «Сольдек». Теперь Сольдек работает инженером.

Весь пол огромного цеха вкривь и вкось исчерчен разноцветными линиями. Они служат своеобразными лекалами, с помощью которых на фанерных листах намечаются — «трассируются» — все части корпуса корабля. Оказывается, корпус корабля рождается дважды: сначала он воссоздается из тонкой фанеры, а уже потом обретает стальную плоть.

На стапелях мы увидели людей в красных беретах. Это сварщики и монтажники из молодежной бригады Тадеуша Дрозда. Среди 36 бригад, соревнующихся за звание социалистических, она вышла на одно из первых мест.

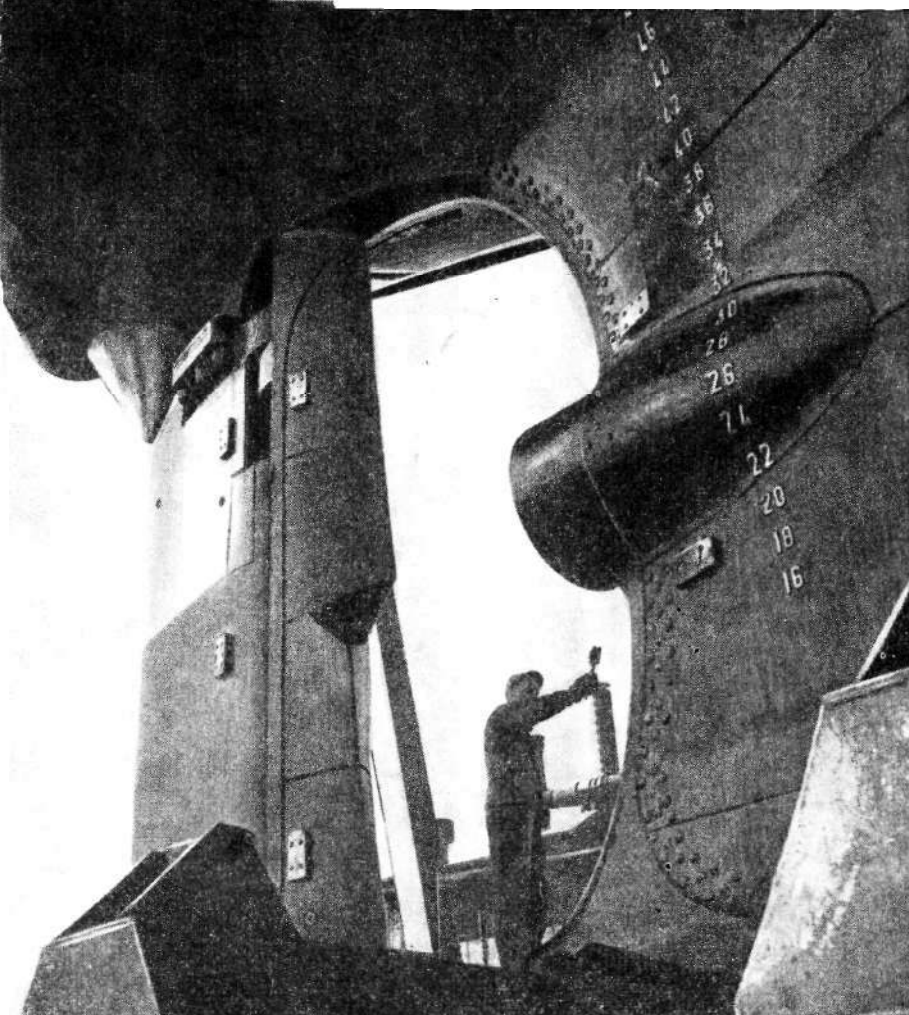
Ребята в красных беретах сосредоточенно работали среди огненных фейерверков и адского грохота пневматических молотков. Справа и слева, словно стены глубокого вулканического кратера, поднимались стальные ребра корабля, а над головой скользил крюк подъемного крана. Для безопасности рабочие на стапелях обычно надевают защитные каски. Красные береты разрешается носить только самым опытным, самым умелым и ловким.

Беспокойная мысль и работающие руки всегда найдут себе дело. Секретарь заводского комитета Союза социалистической молодежи Мечислав Улинский рассказывал, что ребята из бригады Сливинского со вкусом оформили молодежный клуб и теперь вместе с другими бригадами во внеурочное время из сэкономленных материалов строят красавицу яхту.

Эта бригада по праву носит гордое, боевое имя — «Молодая гвардия».

Когда корпус судна готов, его спускают со ступеней на воду. Начинается установка оборудования, отделка и покраска. Молодежная бригада маляров мастера Сливинского окрашивает корабль в два раза быстрее, чем положено по нормам. И неудивительно, ведь они красят сразу два борта. Для этого ребята сами переоборудовали старый баркас в плавучие подмости.

В рубке и салонах «Архангельсклеса» еще идет работа: устанавливают радар, привинчивают к полу удобные стулья, вставляют в иллюминаторы стекла, а капитан Анатолий Григорьевич Савельев уже на корабле. Он с большим одобрением отзывается о работе польских судостроителей. Скоро «Архангельсклес» отчалит в свой первый испытательный рейс.

Корабли, родившиеся на Гданьской верфи, совершают далекие путешествия под флагами многих стран: Индонезии, Бразилии, Франции, Китая, ОАР. Но чаще всего на флагштоках новых кораблей взвисяется флаг нашей Родины — ежегодно по заказу Советского Союза здесь строят десятки судов.

Фото Л. ВДОВИНСКОГО
Текст Ю. ПОПКОВА
(Наши спец. корр.)

Несколько лет назад мне довелось побывать на встрече Назыма Хикмета со строителями Новых Черемушек в Москве. Поэт вышел из машины и зашагал по строительной площадке, с удовольствием перепрыгивая через канавы, разглядывая огромные башенные краны. Краны в эти минуты не работали: было время обеда. Вот Хикмет поднялся на леса недостроенного дома. Остановился около каменщиков. Он жал им руки, улыбался. Взял кирпич, взвесил его на руке и положил под шнур на раствор. Строители окружили поэта, а один вытащил из нагрудного кармана сложенный в несколько раз листок бумаги, развернул и начал читать. Нет, не приветственную речь читал рабочий, он декламировал свои стихи. Назым Хикмет слушал, одобрительно кивал головой, а когда каменщик кончил, по-братски обнял строителя. И заговорил быстро, темпераментно. Он хвалил стихи Дмитрия Осыкина — так звали этого парня — поэта и каменщика, рассказывал о себе, о своей далекой родине, тоже читал стихи.

На днях, разговаривая с друзьями, я рассказал об этом случае и назвал фамилию поэта-каменщика. Один из приятелей перебил меня:

— Я его знаю. Он теперь Темир-Тау строит; поехал по комсомольской путевке... Он журналист, поэт и ка-

ГЕРОИ РЯДОМ

менщик. Полгода работает в редакции, а полгода на стройке. Пишет документальную повесть о строителях Казахстанской Магнитки...

Вдумайтесь в этот пример сами. Человек как с другом разговаривает с большим поэтом нашего времени, по зову и велению сердца едет строить Казахстанскую Магнитку, работает в редакции, строит дома, пи-

шет стихи и повести. Разве в этом маленьком отрывке из биографии молодого человека наших дней не воплощено присущее тысячам и тысячам передовых советских людей стремление взять от жизни и дать жизни как можно больше, духовно обогатить себя и других!

А вот отрывок из другой биографии. Когда Таня Былеева закончила восьмой класс, ей исполнилось шестнадцать лет. Училась она хорошо, но у нее тяжело болел отец, да и мать чувствовала себя плохо, а сестры были еще в начальной школе. Оставался один выход: несмотря на уговоры директора, Таня забрала документы из школы. И вот девочка в форменном платье, с белыми лентами в черных косах пришла на часовую завод. Стол конвейера был слишком высок для Тани. Уборщица принесла несколько толстых книг и положила на табуретку. Так началась трудовая жизнь вчерашней школьницы.

Скоро Татьяна стала членом бригады коммунистического труда, окончила вечернюю школу, получила аттестат зрелости, поступила на вечернее отделение биолого-почвенного факультета МГУ. Прошло еще несколько лет напряженной работы. Татьяна Былеева отлично защитила диплом.

Уже давно ученые-реакционеры толкуют о биологической «перенаселенности» нашей планеты, о борьбе за существование, ссылаясь при этом

ПРЕКРАСНАЯ И МОГУЧАЯ

В московских издательствах вышли новые книги о нашей Родине. В них читатель найдет много интересного о природе, экономике и культуре страны, об ее прошлом, настоящем и будущем.

РОССИЯ. Книга о Родине. Составители Б. Комановский и Вл. Муравьев. Детгиз, 1961.

Это сборник художественных произведений.

На первых страницах книги Россия предстает перед нами в образе быстро летящей тройки. Читая сборник, как бы мысленно проносишься по стране, охватывая ее всю, от края и до края.

Пламенными пушкинскими строками, гордыми, проникнутыми страстной любовью словами Лермонтова, Некрасова, Льва Толстого рассказывает книга о героическом прошлом, красоте и богатстве русской земли, об ее замечательном, талантливым народе.

В произведениях советских писателей и поэтов, отобранных составителями, показана Россия сегодняшнего дня, показана великая созидательная работа, развернувшаяся на ее просторах, и новые люди — строители коммунизма. В сборнике звучат голоса обновленных краев родной земли: о жизни своих народов рассказывают татарские, чувашские, марийские писатели.

Вся книга проникнута неодолимым движением вперед. Но уже не на тройке, а на космическом корабле мчимся мы к новым далям.

Надо надеяться, издательство продолжит интересно начатое дело и со временем порадует читателя подобными сборниками-хрестоматиями, рассказывающими о дру-

гих республиках нашей страны, их природе, истории, культуре.

НАША РОДИНА. Фотоальбом. Географгиз, 1961.

Путешествие с фотоаппаратом по бескрайним просторам Советской страны начинается в Москве. Рассматривая альбом страницу за страницей, мы словно проходим по лесам и лугам Русской равнины, любуемся золотистым морем украинского подсолнечника. Приветливо светят огни Волжской ГЭС имени В. И. Ленина. Цветным ковром разнотравья манят приуральские дали. Книга показывает и транссибирский нефтепровод — одну из крупнейших строек семилетки и новую реку в пустыне —; Каракумский канал.

Видим мы и тех, кто трудится во славу Родины, — хозяев ее далеких и близких краев. С фотографий смотрят на нас умные, пытливые глаза людей, которым видны горизонты коммунизма.

Фотоальбом «Наша Родина» создавали мастера фотографии, географы, путешественники.

Грин М., У КАРТЫ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТОГО ГОДА. Географгиз, 1961.

С невиданной быстротой меняется лицо нашей Родины. Нет такого уголка, куда семилетка не внесла бы нового. О громадных изменениях географии страны, которые произойдут в ближайшие годы, рассказывает эта книга. Автор раскрывает перед читателем карту бу-

на природу. Вот, скажем, лес; в нем «сильное» дерево выживает, а «слабое» умирает. Не взять ли и людям пример для устройства жизни с природы: пусть и среди людей «сильный» побеждает, а «слабый» гибнет. Пусть и здесь свирепствует борьба за существование, конкуренция.

А Танина дипломная работа показала, что в природе нет биологического вида, который бы губил себя внутренней «борьбой» и «конкуренцией». Подтверждение этому она нашла во флоре Приокско-террасного заповедника, где ею изучен каждый уголок. Сейчас Татьяна Былеева учится в аспирантуре.

Как-то старшеклассники одной из московских школ пригласили Татьяну Владимировну Былееву для беседы о том, как жить, как выбрать профессию. И вот о чем говорила Таня в тот вечер:

— Не бойтесь завода, фабрики. Это тоже университет. Университет, где учатся жить и трудиться по-коммунистически. А сегодня выше этой науки нет ничего!..

Вот о таких людях — людях, развивающих идвигающих вперед эту замечательную науку созидания, рассказывает недавно выпущенный сборник очерков «Герои наших дней».

1 «Герои наших дней». Издание газеты «Правда». Москва, 1951 г.

Здесь еще ничего не говорится о поэте-каменщике Дмитрие Оськине и о недавней работнице часового завода — молодом биологе Татьяне Былеевой, ни о миллионах других. Здесь всего семьдесят очерков о семидесяти человеческих жизнях. Разные люди, разные характеры. Мы видим этих людей на фабриках, заводах, встречаем на улицах. Люди, каких множество, люди-герои, строящие первое в мире коммунистическое общество.

«...Эти люди не созданы творческим воображением писателя-фантаста. Они живут и работают среди нас, — говорит в предисловии к книге писатель Борис Полевой. — У них есть адрес, их имена известны, и как бы ни удивительны были описанные в этой книге их дела, поступки, как бы ни поражали необычностью их деяния и судьбы — это сама жизнь, это было, это то, чем богат, чем прекрасен каждый день нашей страны, день вдохновенного коммунистического созидания».

Люди разных национальностей, говорящие на разных языках, объединены одной великой идеей, всех их роднит и сближает одна цель, ради которой они самозабвенно трудятся. Крестьянка Евгения Долинюк и прядильщица Валентина Гаганова, металлург Михаил Привалов и горняк Николай Мамай, механизатор Николай Мануковский и хирург Николай Амосов... Независимо от того, рабо-

тают ли они на колхозных полях или в операционной больницы их роднит коммунистическое отношение к труду, стремление отдать человеку все — силы, энергию, способности. В этом смысл их жизни.

Есть здесь и другие имена, также известные во всем мире.

Это «небесные братья» Юрий Гагарин и Герман Титов, это академик Курчатов, так много сделавший для советской науки, это Турсуной Ахунова, ставшая за штурвал хлопкоуборочного комбайна и своим трудом доказавшая, что равенство у нас не пустые слова, и многие-многие другие.

Еще в 1918 году Владимир Ильич в «Письме к американским рабочим» написал: «На каждую сотню наших ошибок... приходится 10.000 великих и героических актов — тем более великих и героических, что они простые, невидны, спрятаны в будничной жизни фабричного квартала или захолустной деревни, совершены людьми, не привыкшими (и не имеющими возможности) кричать о каждом своем успехе на весь мир».

О таких простых, спрятанных в будничной жизни заводов или деревень великих и героических деяниях советских людей и говорит эта книга, в которую жизнь вписывает каждый день новые и новые волнующие страницы.

АРТУР ФИЛАТОВ

душего — здесь можно увидеть новые города, контуры будущих промышленных комплексов.

Автор показывает, как «экономическая ось» нашей страны перемещается все дальше к востоку — за Уралом и в Сибири создаются новые экономические районы.

Авакян А. Б., Ромашкой Ф. Г., ПРОЕКТЫ БЛИЗКОГО И ДАЛЕКОГО БУДУЩЕГО. Географиз, 1961.

В книге дается описание интересных гидротехнических проектов, осуществление которых преобразует природу нашей страны. Советский человек повернет вспять течения северных рек Печоры и Вычегды, не даст обмелеть старому Каспию, заставит среднеазиатское солнце и сибирскую воду заключить тесный союз и оживить земли пустыни, направит электроэнергию с Енисея на седой Урал. В будущем станет реальной и дерзновенная мечта о плотине через Берингов пролив; плотина даст возможность растопить вечную мерзлоту, очистить ото льда Северный морской путь, улучшить климат на большой части нашей Родины.

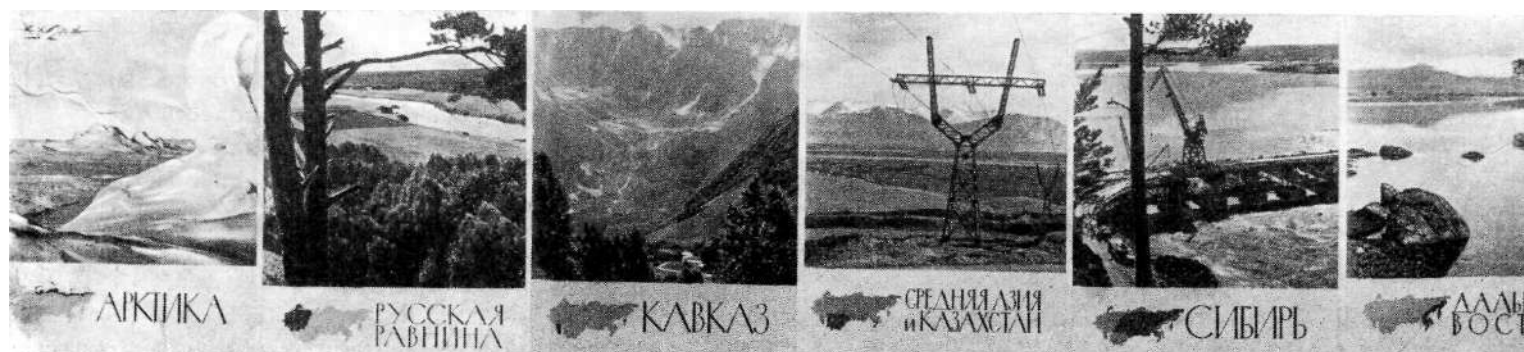
Подъячих П. Г., НАСЕЛЕНИЕ СССР. Госполитиздат, 1961.

Автор этой книги-справочника приводит много интересных схем, цифр, диаграмм. Они говорят о росте населения в нашей стране, об увеличении рождаемости и уменьшении смертности, о все возрастающей продолжительности жизни советских людей, национальном составе и размещении населения.

Сведения о населении СССР сравниваются в книге с соответствующими данными по зарубежным странам.

Коробченков А. А., КРАСНОЯРСКОЕ МОРЕ. Красноярское книжное издательство, 1961.

Эта небольшая книга рассказывает о водохранилище, которое создается на Енисее в связи с сооружением самой крупной в мире Красноярской ГЭС. Водохранилище станет одним из самых больших искусственных водоемов Советского Союза.

№ 4 АПРЕЛЬ 1962 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Нас светлые дали зовут.	1, 3, 10, 11, 14, 15, 16, 64
Б. ПОЛЯКОВ — Мы из ЛЭПИИ. Рис. П. Павлинова	3
8. СМЕРНОВ — Сибирский характер	8
С. ГЛУШНЕВ — Портрет Ильича	9
РУДОЛЬФ ДАУМАНН — Ад живых людей. Рис. Г. Филипповского	20
Ю. АЛЬДОХИН — Наследники древнего Мали	30
В. ПОНИЗОВСКИЙ — Суоми — страна фестиваля. Рис. Д. Бродской и М. Мироновой	33
Фотоконкурс «Вокруг света»	39
Пестрый мир	40
В. ЛЕБЕДИНСКАЯ — Волга впадает в Балтийское море. Рис. А. Гусева и В. Немухина	42
В. КАРПОВ — Синие ветры. Рис. П. Павлова	44
ИГОРЬ АКИМУШКИН — Как животные друг другу помогают	47
Е. ФЕДОРОВСКИЙ — Ты слышишь меня, Земля? Рис. В. Коровина	50
ГЕРБЕРТ ДОМЗ — Конец «таежной» топи	53
8. ОСТРОВСКИЙ — Индонезийская мозаика. Рис. В. Вакидина	54
Л. ВДОВИНСКИЙ, Ю. ПОПКОВ — Здесь рождаются корабли	58

Антарктическая хроника

Будни ледяного континента	28
---------------------------	----

Читатель спрашивает

АЛЬБЕРТ ПИН — 5 тысяч миль на буксире	17
Л. СКРЯГИН — Катастрофа, которая потрясла мир	48

Среди книг

Л. ЧЕШКОВА — Первооткрыватели космоса	12
Л. ТЕРАКОПАН — Молодые хозяева земли	57
АРТУР ФИЛАТОВ — Герои рядом	62
Прекрасная и могучая	62

В фотообзоре «Нас светлые дали зовут» использованы снимки А. БРЯНОВА, А. ГОРЯЧЕВА, Д. КРАЧУНА, В. ФЕЛЬДМАНА, Ю. ЧЕРНЫШЕВА.

Главный редактор В. С. САПАРИН

Члены редакционной коллегии: В. И. АККУРАТОВ, П. Я. АНТРОПОВ, Е. Н. ВАСИЛЬЕВА, И. П. ГЕРАСИМОВ, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, Л. Д. ПЛАТОВ, Ю. А. ПОПКОВ (ответственный секретарь), П. Н. РЕШЕТОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, В. М. ЧИЧКОВ (заместитель главного редактора)

Рукописи не возвращаются Технический редактор А. Бугрова
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сушевская, 21. Телефоны: для справок Д 1 15-00, доб. 2-29; отделы «Наша Родина» — 2-68; иностранный — 2-85, 3-58; литературы — 3-93; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 3-38.

А03079. Подп. к печ. 19/III 1962 г. Печ. л. 8,5 (8 5). Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 180 000 экз. Заказ 226. Цена 60 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сушевская, 21.

Нас светлые

дали зовут

Комсомольская стройка!

Добровольцы получают в райкомах путевка. Цветы, песни, вагоны трогаются от знакомого перрона.. Палатки, первое общежитие, первый благоустроенный дом. Потом вырастает улица, потом — город.

Комсомольская стройка!

После рабочего дня—школьные классы, клубная сцена или стадион. Растет не только город—растут люди.

Комсомольская стройка!

После месяцев и годов напряженного труда — победа, час торжества, И алое комсомольское знамя с портретом Ильича на полотнище взмывает вверх в руках героев.

Комсомольская стройка!

Примета эпохи, которая по праву войдет потом в учебники истории.

...Когда они повернули на юг. открылась земля — волнистая, коричнево-серая линия берега с нежным зеленоватым блеском, но им некогда и невозможно было видеть ее краски, ее весенний свет — все это сейчас было не для них...

Первая атака — пятьдесят секунд мучительного напряжения, следующая короче.

Когда они выходили из второго пике, Иващенко увидел «фокке-вульф» и, навалившись на турель, послал первую очередь. Но истребитель выскользнул из поля зрения, сорвав очередью покрытие правого крыла.

Морозов отвернул самолет. Иващенко снова увидел истребитель и снова послал очередь, вторую и третью. Очередь истребителя пробила кабину и колпак, но никого не задела.

— Ложись на курс! — крикнул Борисов.

— Заклинило рули поворота, — передал Морозов.

Теперь для них был возможен только один курс...

В № 5 нашего журнала мы начинаем печатать повесть Анатолия Кучерова «Трое» об одном из эпизодов Великой Отечественной войны.

Цена 60 коп.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ ПО ГЕОГРАФИИ:

АНТИПОВ В., **Индонезия.** (Экономико-географическая характеристика.) Географгиз, 1961, 440 стр., ц. 1 р. 50 к.

ГОЛОВНИН В., **Путешествие на шлюпе «Диана».** Географгиз, 1961, 480 стр., ц. 1 р. 72 к.

ГРИН Г., **Путешествие без карты.** (Перевод с английского.) Географгиз, 1961, 232 стр., ц. 52 коп.

Путешествие Рафаила Данибегашвили. Географгиз, 1961, 72 стр., ц. 19 коп.

МИХАЙЛОВ Н., **Горы Южной Сибири.** Географгиз, 1961, 238 стр., ц. 79 коп.

Требуйте эти книги в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

СОЮЗКНИГА

